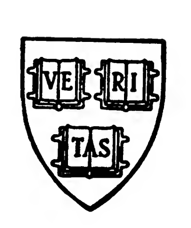

VE
RI
TAS

ОБЗОРЪ
ФОНЕТИЧЕСКИХЪ ОСОБЕННОСТЕЙ
МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ.

В. Науменко.

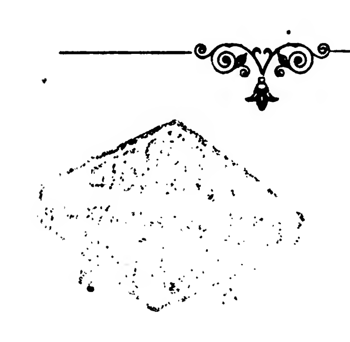
КІЕВЪ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1889.

ОБЗОРЪ ФОНЕТИЧЕСКИХЪ ОСОБЕННОСТЕЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ.

В. Науменко.

КІЕВЪ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1889.

Дозволено цензурою, Кіевъ, 2 Іюня, 1889 года.

Хотя вопросу о фонетикѣ малорусской рѣчи посвящено до сихъ поръ не мало трудовъ вполнѣ научнаго характера, но почти всѣ они, стоя на почвѣ историческаго изученія языка, останавливаются болѣе на тѣхъ звуковыхъ особенностяхъ разныхъ говоровъ, которыя, при сопоставленіи ихъ съ аналогичными фактами древне-русской письменности, помогаютъ или объяснить исторію звуковыхъ измѣненій, или опредѣлить мѣстность написанія даннаго памятника и т. п. Однимъ словомъ, фонетика малорусской рѣчи просматривалась въ этихъ трудахъ болѣе со стороны спорадическихъ проявленій въ языкѣ, нежели въ систематическомъ строѣ ея, по скольку строй этотъ можетъ служить характеристикой не отдѣльныхъ говоровъ, а всей рѣчи. Было-бы несправедливо умолчать въ данномъ случаѣ о томъ трудѣ г. Огоновскаго, профессора Львовскаго Университета, который дѣйствительно представляетъ попытку дать систематическій обзоръ законовъ малорусской рѣчи; трудъ его, появившійся въ печати въ 1880 г., носитъ заглавіе „Studien auf dem Gebiete der Rutenischen Sprache“. Lemberg. Однако и этотъ трудъ, по нашему мнѣнію, не можетъ вполнѣ удовлетворить потребности въ систематическомъ сводѣ всѣхъ фонетическихъ особенностей рѣчи, т. к. въ немъ грамматическія формы языка не приведены къ единообразію, къ какому-нибудь одному принципу, благодаря тому, что авторъ не положилъ рѣзкой границы между явленіями постоянными, или законами въ собственномъ смыслѣ этого слова, и явленіями случайными. Поэтому, многіе изъ сомнительныхъ случаевъ въ употребленіи ихъ въ рѣчи, и особенно на письмѣ, такъ и остаются сомнительными и послѣ просмотра труда г. Огоновскаго.

Цѣль настоящей работы—представить въ системѣ фонетическія особенности современной малорусской рѣчи, при чемъ, минуя въ большинствѣ случаевъ исторію данныхъ звуковыхъ измѣненій и колебанія ихъ въ разныхъ говорахъ, я пытаюсь устанавливать законы, опираясь на преобладаніе, какъ количественное, такъ и качественное, извѣстныхъ явленій во всей малорусской рѣчи, и беручи въ основу то слободско-украинское нарѣчіе, которое явилось какъ-бы фундаментомъ для новой малорусской письменности.

Когда устанавливаются извѣстныя грамматическія формы въ видѣ законовъ, тогда играетъ роль одинъ изъ двухъ главныхъ принциповъ: *фонетическій* или *словопроизводственный*. Фонетическій принципъ слишкомъ, повидимому, простъ и легокъ: сохрани на письмѣ слово въ той формѣ, въ какой оно слышится въ рѣчи; словопроизводственный—гораздо сложнѣе и труднѣе: сохрани въ письмѣ слово въ той формѣ, которая показала-бы исторію его составленія, хотя-бы эта исторія въ произношеніи была уже потеряна. Первый изъ этихъ принциповъ, при всей видимой своей простотѣ, осложняется однако тѣмъ обстоятельствомъ, что во всякомъ языкѣ существуютъ фонетическія колебанія, то какъ результатъ разныхъ говоровъ и произношеній, то какъ результатъ не вполнѣ опредѣлившагося звука, колеблющагося въ одномъ и томъ же говорѣ между нѣсколькими однородными. Поэтому, я принялъ за основное правило: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ произношеніе слова не представляетъ никакихъ сомнѣній, основывать на немъ данный законъ, если-же произношеніе представляетъ сомнѣнія и колебанія,—обращаться къ словопроизводству.

Еще нѣсколько словъ о правописаніи. Естественно, что для вывода фонетическихъ законовъ удобнѣе всего и фонетическое письмо; вотъ почему я принимаю то правописаніе, котораго придержался г. Огоновскій въ упомянутомъ раньше его трудѣ. Основныя положенія этого правописанія сводятся къ двумъ главнымъ: 1) если слышится йотированный гласный звукъ, то его надо обозначить двумя буквами, сообразно съ природой самого йотированнаго звука, т. е. *я=йа*, *ю=йу* и пр.; 2) согласные звуки могутъ произноситься твердо и мягко, при чемъ

твердость не обозначается ничѣмъ, а мягкость выражается прибавкой къ согласному *ь*, т. е. *ня*=*ньа*, *лю*=*льу* и пр.

Чистыхъ гласныхъ звуковъ—6: *а*, *е*, *і* (равный русск. *и*), *и* (почти равный русск. *ы*), *о* и *у*. Пять изъ этихъ звуковъ могутъ йотироваться: *а*—*йа* (йакий), *е*—*йе* (йедваб), *і*—*йі* (йіхати), *о*—*йо* (йолоп), *у*—*йу* (йушка); звукъ *и* никогда не йотируется. Всѣхъ согласныхъ звуковъ 20; изъ нихъ нѣкоторые могутъ быть и *твердыми*, и *мягкими*, а именно: *д*—*дь* (*дати*—*дьа*дько), *з*—*зь* (*за*ховати—хазьайство), *л*—*ль* (*лу*бок—*льу*дний), *н*—*нь* (*ну*дний—*ньу*хати), *с*—*сь* (*сам*—*сьа*ду), *т*—*ть* (*там*—*тьа*мити), *ц*—*ць* (*ца*рь—*цьа*мрина), *р*—*рь* (*рад*—*рьад*нина)[1]; нѣкоторые почти вездѣ являются *твердыми* и только въ говорахъ смягчаются (напр.: въ Волынской губ., въ полѣсьи, *шьа*пка и даже *шье*пка), но я ихъ признаю за исключительно твердые, т. ч. послѣ нихъ никогда не можетъ быть поставленъ *ь*, а именно: звуки *ж*, *ч*, *ш*; далѣе идутъ безусловно твердые—*б*, *в*, *м*, *п*, которые, не будучи въ состояніи сами смягчиться, заставляютъ слѣдующій за ними гласный звукъ, въ случаѣ надобности въ мягкости, йотироваться, или-же принять вставочный звукъ *н* (*вялый*—*вйалий*, *мясо*—*мйасо*—*мньасо*): сюда-же относятся: *г* (равняющееся латинскому *h*), *кг* (равняющееся латинскому *g*, звукъ, малораспространенный въ малорусскомъ языкѣ), *к* и *х*; наконецъ есть еще одинъ звукъ: исключительно мягкій—*й* (романск. j).

> *Примѣчаніе.* Надо замѣтить при этомъ, что, благодаря особой природной мягкости звука *і*, всѣ согласные при немъ являются мягкими (въ большей или меньшей степени, о чемъ будетъ сказано ниже), а потому нѣтъ надобности вводить въ письмо знакъ смягченія, если сама природа указываетъ его, и произнести согласный звукъ передъ *і* не мягко нѣтъ возможности.

Сверхъ указанныхъ согласныхъ, нужно было-бы для малорусскаго фонетическаго письма ввести еще двѣ буквы для двухъ характерныхъ, хотя и не особенно часто встрѣчающихся зву-

---

[1]) Хотя звукъ *р* въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевск. губ., во всей Волынской и Подольской никогда не смягчается (цар—цара—цару), но я принимаю за основаніе, какъ сказалъ раньше, нарѣчіе слободско-украинское, допускающее, иногда даже съ избыткомъ, смягченіе звука *р* (загрьузнути, грьань).

ковъ. Я имѣю въ виду тѣ два звука, изъ которыхъ каждый можно считать сложеннымъ изъ двухъ, но такъ прочно слившихся одинъ съ другимъ, что они составили нѣчто цѣльное, подобно тому, какъ звуки *ц* и *ч* составились изъ *тс* и *тш*. Звуки эти *дж* (*дж*икгун, ра*дж*у) и *дз* (*дз*вiн, *дз*изом). Но чтобы не измышлять для нихъ новыхъ знаковъ, я оставляю ихъ съ сложнымъ начертанiемъ *дж*, *дз*.

Распредѣляя всѣ согласные по органамъ произношенiя, можно установить слѣдующiя группы:

1) *губные*—всѣ твердые (б, в, м, п),
2) *зубные*—и твердые, и мягкiе (д, т, з, с, ц).
3) *гортанные*—всѣ твердые (г, кг, к, х);
4) *язычно-небные*—всѣ твердые (ж, ч, ш);
5) *язычно-зубные*—и твердые, и мягкiе (л, н, р);
6) *небный*—мягкiй (й).

Фонетическія особенности гласныхъ звуковъ.

I.

Характеръ малорусскаго вокализма.

Нѣтъ надобности останавливаться долго на томъ, какое громадное значеніе имѣютъ въ языкѣ гласные звуки, устанавливая не только основный тонъ рѣчи, но въ значительной степени вліяя и на самый смыслъ ея, и на характеръ музыкальнаго пріема въ пѣніи, и на характеръ стихосложенія. Стоитъ, въ видѣ примѣра, вспомнить только нѣкоторые общеизвѣстные факты, чтобы убѣдиться въ этомъ. Такъ, мы знаемъ, что въ иныхъ языкахъ одинъ и тотъ-же гласный звукъ, будучи произносимъ съ повышеніемъ тона, придаетъ слову совсѣмъ другое значеніе. Напримѣръ: въ сіамскомъ языкѣ *ha*, произнесенное однимъ тономъ, значитъ *искать*, *há* — съ повышеніемъ тона—означаетъ *чума*, и тоже самое *hâ*, съ еще большимъ повышеніемъ, означаетъ *пять*. Подобное-же явленіе встрѣчается и въ *дагомейскомъ* и *іорубскомъ* языкахъ (Запад. Афр.) [1]). Ясно отсюда, что у указанныхъ народовъ пѣніе стоитъ въ полной зависимости отъ гласнаго звука, и не можетъ оно основываться на той-же теоріи, какой придерживаемся, положимъ, мы,—такъ какъ пѣніе на сіамскомъ языкѣ, проведенное по нашей теоріи, заставитъ очень часто слова принять совсѣмъ неподобающее значеніе. Въ языкахъ классическихъ въ гласныхъ звукахъ замѣчается другая особенность—долгота

¹) Тейлоръ, Первобыт. культ. т. I, стр. 157.

и краткость ихъ, отчего, конечно, самая рѣчь получаетъ своеобразный отпечатокъ пѣвучести, и это-же, какъ мы знаемъ, оказало вліяніе и на характеръ стихосложенія въ этихъ языкахъ (метрическій, пѣвучій стихъ). Если мы не имѣемъ такихъ рѣзкихъ особенностей гласнаго звука, то во всякомъ случаѣ эти гласные звуки преобладающимъ значеніемъ какого-нибудь одного изъ нихъ даютъ характерный оттѣнокъ рѣчи, устанавливаютъ, такъ сказать, тонъ ея.

Нельзя не замѣтить, что въ малорусскомъ языкѣ такимъ преобладающимъ звукомъ является *і* (получающійся изъ ѣ—*рѣчка, річка,* изъ *о—волъ, віл,* изъ *е — печь, піч,* иногда изъ *у — замужъ, заміж*). Г. Огоновскій въ своемъ изслѣдованіи о малорусскомъ языкѣ [1]), отмѣчая то явленіе, что въ этомъ языкѣ первенствующій звукъ *і,* тогда какъ въ великорусскомъ *а,* дѣлаетъ весьма остроумное заключеніе, что звукъ *і* есть выразитель легко раздражаемаго ощущенія, а звукъ *а*—выразитель веселаго, непринужденнаго душевнаго настроенія. Не рискуя дѣлать вывода о непосредственной связи этого звука съ проявленіями народной психологіи, мы отмѣчаемъ только фактъ преобладанія его въ малорусской рѣчи и указываемъ, что онъ ей придаетъ особый тонъ или тембръ, которымъ отличаются, напримѣръ, музыкальные инструменты. Чтобы яснѣе было значеніе постоянно звучащаго *і* въ малорусскомъ языкѣ, напомнимъ ту теорію происхожденія гласныхъ звуковъ, которая указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ каждаго изъ нихъ. Извѣстно, что гласные звуки являются вслѣдствіе того, что въ гортани находится пара дрожащихъ перепонокъ, называемыхъ голосовыми связками; при прохожденіи черезъ нихъ воздуха онѣ дрожатъ и издаютъ звукъ. Этотъ звукъ, входя въ полость рта, которая служитъ резонаторомъ, принимаетъ тотъ или другой оттѣнокъ, смотря по тому положенію, въ какое мы ставимъ резонаторъ, а именно: если ротъ открытъ совершенно свободно, то получается самый чистый и широкій звукъ *а;* если-же сжимать полость рта съ боковъ, то

---

[1]) Studien auf dem Gebiete der Rutenischen Sprache von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg. 1880 г., стр. 24.

слѣдующимъ звукомъ является *о*, а при самомъ крайнемъ сжатіи—*у*, почти вытѣсняемый уже изъ предѣла гласности въ предѣлъ согласныхъ звуковъ, (вслѣдствіе чего *у* легко переходитъ въ *в*); если-же наоборотъ сжимать полость рта сверху внизъ, то первымъ звукомъ получается *е*, а при самомъ крайнемъ сжатіи—*і*, тоже почти вытѣсняемый изъ предѣла гласности, (вслѣдствіе чего *і* легко обращается въ *й*). Ясно отсюда, что звукъ *і*, характеризующій малорусскую рѣчь, есть звукъ стѣсненный и далеко не такой широкій и открытый, какъ характерный для великорусскаго языка звукъ *а*. Эта особенность малорусскаго вокализма и заставляетъ прежде всего остановиться при обзорѣ гласныхъ звуковъ—на звукѣ *і* и близкомъ къ нему звукѣ *и*. Говоря о звукѣ *і*, нужно прежде всего принять во вниманіе, что онъ въ малорусскомъ языкѣ бываетъ *основной* или *чистый* и *секундарный* или *производный*.. *Основнымъ* мы называемъ тотъ, который встрѣчается въ словахъ славянскаго и русскаго языковъ (напр. листъ, хитрый, кисель); *секундарнымъ*—тотъ, который въ соотвѣтственныхъ формахъ славянскаго ирусскаго языковъ замѣняется то звукомъ *ѣ* (річка—рѣчка), то звукомъ *о* (піп—попъ), то звукомъ *е* (сім—семь).

Основное **і** *и основное* **и**. Собственно говоря, въ малорусскомъ языкѣ, если не принимать во вниманіе разныхъ говоровъ, нѣтъ основного *і*, равно какъ нѣтъ и основнаго *ы*: и тотъ, и другой звуки обратились въ звукъ средній между *і* и *ы*. Такъ напр., слова русскія съ основнымъ *і* — *листъ*, *хитрый*—звучатъпо малорусски *лист*, *хитрий*, точно также слова *лысый*, *рыть*, *выть* звучатъ—*лисий*, *рити*, *вити*. Хотя, повторяемъ, въ разныхъ говорахъ можно встрѣтить и основное *і* и широкое *ы* (въ сѣверно малорусскихъ: *віноградъ*, *сірота* [1]); въ правобережныхъ говорахъ: *лыти*, *быти*), но, не гоняясь за мелочами въ оттѣнкахъ говоровъ, можно кажется принять за правило слѣдующія положенія:

---

[1]) Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1876 г. стран. 124.

1) Въ корняхъ словъ и приставкахъ послѣ согласныхъ чистаго *і* нѣтъ, а замѣняется оно среднимъ *и* (б*и*ти, г*и*нути, ж*и*ти, к*и*нути, л*и*пнути, пр*и*носити [1]).

2) Въ измѣненіяхъ словъ по окончаніямъ употребленіе основнаго *і* можетъ опредѣлиться не при изученіи фонетики, а при этимологіи.

3) Въ началѣ словъ и слоговъ, какъ въ корняхъ, такъ и въ приставкахъ всегда слышится чистое *і*, но не среднее *и* (*і*ти, *і*ржа, *і*збавити, Укра*і*на).

4) Широкого *ы* также нѣтъ, а замѣняется оно во всѣхъ случаяхъ среднимъ *и* (в*и*мовити, кр*и*ти).

5) Чистое *і* легко йотируется (мо*йі*, по*йі*ти, гно*йі*ти), а среднее *и* никогда не йотируется.

И такъ, мы видимъ фактъ, что оба звука, чистое *і* и широкое *ы*, слились въ малорусскомъ языкѣ въ одинъ срединный звукъ *и*, но въ измѣненіяхъ словъ этотъ послѣдній постоянно обнаруживаетъ свое происхожденіе (бити—*бйу*; р*ы*ти—р*ийу*). Исключеніе представляетъ слово *ши-ти*—ш*ийу*, о которомъ будетъ сказано ниже.

Чѣмъ же объясняется это явленіе въ языкѣ? Не вдаваясь въ подробности исторіи звуковъ *і* и *ы* на почвѣ древне-русскаго и малорусскаго языковъ [2]), мы въ главныхъ положеніяхъ объяснимъ причину этого явленія. Выше было указано на стремленіе въ малорусской рѣчи къ звуку *і*, а въ томъ числѣ и стремленіе *ы* къ тому-же, вслѣдствіе чего *ы* стало умягчаться (существуетъ даже мнѣніе, что основное *ы* въ древне-русскомъ языкѣ звучало какъ *і* [3]); а между тѣмъ сильное стремленіе многихъ звуковъ къ *і* сдѣлало то, что въ языкѣ произошло смѣшеніе *основного і* съ *секундарнымъ*, благодаря чему основное *і*, желая изолировать себя отъ секундарнаго, стало

---

[1]) Исключеніемъ является слово *зіма*, съ нѣкоторыми производными отъ него, которое чаще слышится съ острымъ *і* нежели съ *и*. Потебня въ замѣткахъ о малорусскомъ нарѣчіи (Филолог. Зап. 1870 г., вып. 2-й, стр. 61), указываетъ, что въ Брестскомъ уѣздѣ слышится *зима*, при чемъ онъ прибавляетъ, что это правильнѣе, чѣмъ *зіма*.

[2]) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаемъ къ труду г. Житецкаго, „Очеркъ звуковой исторіи малорускаго нарѣчія“, глава 4-я.

[3]) Смотри Житецкій, стр. 124.

двигаться въ другомъ направленіи къ отвердѣванію и на пути, такъ сказать, встрѣтилось съ *ы*, шедшимъ на встрѣчу къ умягченію.

Секундарное **і** *изъ* **ѣ**. Прежде всего приходится остановиться на вопросѣ: было ли въ славянскомъ языкѣ опредѣленное произношеніе для начертанія *ѣ*,—иными словами: былъ-ли это опредѣленный какой нибудь звукъ, или же только начертаніе, буква? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ отчасти служитъ тотъ фактъ, что большинство филологовъ расходятся въ опредѣленіи произношенія этой буквы (Миклошичъ считаетъ ее выразителемъ звука, равнаго французскому *é*, Бетлингъ — звуку *і*, Шлейхеръ — звуку *іа*, Дювернуа — звуку *йе*, Катковъ—долгому глухому *ь*). Равнымъ образомъ, сравненіе этого звука въ разныхъ языкахъ указываетъ намъ, что *ѣ* смѣшивается со многими звуками (д*ѣл*-ить, д*і*лити—санскритское dâh—раздроблять; с*ѣ*с-ти, латинское s*e*dere, санскритское s*a*d и др). Если просмотримъ памятники старинной славянской письменности, то увидимъ указанія на такое же разнообразіе въ произношеніи буквы *ѣ* (въ Остромировомъ Евангеліи читаемъ вмѣсто капл*я*—капл*ѣ*, вмѣсто вьс*я*къ—вьс*ѣ*къ, вмѣсто тр*а*ва—тр*ѣ*ва, хотя это можно считать и старо-сербизмами. Мы не будемъ вдаваться въ подробности исторіи этого звука [1]), а въ видѣ основныхъ положеній скажемъ только, что начертаніе *ѣ*, произносившееся, какъ видимъ, различно, состоитъ изъ двухъ элементовъ—*іе;* причемъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ говоровъ въ этомъ дифтонгѣ преобладающей является то первая, то вторая часть его. Такъ, подъ вліяніемъ великорусскихъ говоровъ *ѣ* въ большинствѣ случаевъ принимаетъ произношеніе *е* (что иногда обнаруживается и въ старинныхъ памятникахъ: въ Остромировомъ Евангеліи написано н*е*сть вмѣсто н*ѣ*сть); но по другимъ говорамъ, преимущественно малорусскимъ (хотя встрѣчается и въ великорусскихъ, напримѣръ— въ Новгородскомъ), беретъ перевѣсъ *і* (въ „Словѣ Григорія Богослова XI вѣка“ встрѣчаемъ ст*и*ны вмѣсто ст*ѣ*ны и нѣкоторые др.). Малорусскій языкъ, замѣняя *ѣ* звукомъ *і*, пошелъ въ этомъ направленіи очень сильно, что особенно замѣтно въ склоненіи существитель-

---

[1]) Подробно см. Житецкій, „Очеркъ“, глава 2-я.

ныхъ. Такъ, въ мягкомъ склоненіи мы видимъ въ славянскомъ и малорусскомъ языкахъ въ предложномъ падежѣ *і*, тогда какъ въ великорусскомъ *ѣ* (на землі—на землѣ, на полі—на полѣ); но за то въ твердомъ склоненіи въ славянскомъ языкѣ и великорусскомъ—*ѣ*, а малорусскій все-таки обратилъ это *ѣ* въ *і* (на столі—на столѣ).

Итакъ, по мѣрѣ того какъ въ великорусскомъ языкѣ устанавливалось за начертаніемъ *ѣ* произношеніе *е*, въ малорусскомъ оно вездѣ обратилось въ *і* [1]).

Минуя подробности исторіи этого звука на почвѣ малорусскаго языка, мы установимъ теперь только нѣкоторыя правила, касающіяся этого звука.

1) Въ корняхъ словъ и во всѣхъ измѣненіяхъ ихъ, гдѣ только въ славянскомъ и русскомъ языкахъ находится *ѣ*, это *ѣ* замѣняется звукомъ *і*.

2) Съ этимъ *і*, происшедшимъ изъ *ѣ*, легко соединяются не только всѣ согласные, способные быть и твердыми, и мягкими, но даже почти всѣ исключительно твердые (*д*—*д*іло, *з*—на ло*з*і, *л*—*л*іто, *н*—на ко*н*і, *с*—*с*іти, *т*—*т*іло, *ц*—*ц*іп, *р*—*р*ічка, *й*—*й*іхати—это все звуки, могущіе смягчаться; но мы видимъ то-же и въ твердыхъ по природѣ согласныхъ: *ж*—на ко*ж*і, *ч*—на ту*ч*і, *ш*—в шала*ш*і, *б*—*б*ілий, *в*—*в*інок, *м*—*м*істо, *п*—*п*іна).

3) Изъ указанныхъ звуковъ *ж*, *ч*, *ш* никогда не соединяются съ секундарнымъ *і* изъ *ѣ* въ корняхъ словъ, а только въ окончаніяхъ. (То-же самое замѣчается и въ русскомъ языкѣ по отношенію къ буквѣ *ѣ*, при чёмъ въ элементарныхъ грамматикахъ русскаго языка обыкновенно, указывая это правило, прибавляютъ, что исключеніе представляетъ слово *чѣмъ*, но для малорусскаго языка и это исключеніе оказывается не существующимъ, такъ какъ слово *чим* звучитъ по-малорусски съ среднимъ *и*, а не съ *і*).

---

[1]) Нѣкоторыя уклоненія отъ этого явленія (стріла—встрѐлити, стрѐльнути) надѣемся, въ извѣстной степени уяснятся при дальнѣйшемъ обзорѣ звуковыхъ особенностей. Въ словѣ, напр. *тим*—*тѣмъ* замѣна *ѣ* среднимъ *и* можетъ объясниться въ этимологіи.

4) Это *і* изъ *ѣ* настолько по природѣ своей отличается небностью, или мягкостью, что самые твердые изъ согласныхъ звуковъ *г, кг, к, х* не выдерживаютъ этой небности и, такъ сказать, раскалываются, подвергаясь особому смягченію, не прямому, а косвенному—въ свистящіе зубные: *г* и *кг*—въ *з* (в плу*з*—і, на дзи*з*—*і*—отъ слова *дзыкга*), *к*—въ *ц* (в ро*ц*—*і*), *х*—въ *с* (на му*с*—*і*).

Секундарное **і** *изъ* **о** и **е**. Прежде всего приходится отмѣтить тотъ фактъ, что замѣна *о* и *е* въ малорусскомъ языкѣ звукомъ *і* не представляетъ такой устойчивости, какъ замѣна звука *ѣ*; однакоже и тутъ можно установить нѣкоторыя общія правила, которыя въ дальнѣйшемъ дополнятся многими подробностями.

Такъ какъ приходится установить законы для замѣны звукомъ *і* звуковъ *о* и *е*, то небходимо раньше всего вспомнить о томъ, что въ русскомъ языкѣ звуки *о* и *е* имѣютъ двоякое происхожденіе: 1) они замѣняютъ собой древніе глухіе гласные *ъ* и *ь* (с*ъ*н-ъ—*со*н-ъ, д*е*н-ь—ден-ь); 2) они являются въ полногласныхъ формахъ въ замѣнѣ *ра, ла, рѣ, лѣ* (б*оро*да,—б*ра*да, г*оло*съ—г*ла*съ, п*е*р*е*дъ—п*рѣ*дъ, п*еле*на—п*лѣ*на), и 3) они являются, какъ основные (к*о*н-ь, п*е*ч-ь).

Давно уже былъ изслѣдователями малорусскаго языка отмѣченъ тотъ фактъ, что русскіе *о* и *е*, происшедшіе изъ *ъ* и *ь*, не замѣняются звукомъ *і*. Такъ, въ статьѣ „О нѣкоторыхъ фонетическихъ и грамматическихъ особенностяхъ южнорусскаго языка, не сходныхъ съ великорусскимъ и польскимъ“ [1]) сказано вполнѣ категорически, что „въ словахъ, гдѣ въ старославянскомъ не было *о*, но *ъ*, эта гласная не переходитъ въ *і*“. Г. Житецкій въ своемъ изслѣдованіи „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ почти повторяетъ то-же самое, дѣлая оговорку, „что есть исключенія и здѣсь, но очень рѣдкія“, и приводитъ такія слова, какъ *дрикгати, крихта, чорнобривий* и др. [2]). Но не въ этихъ словахъ сила, такъ какъ, во-первыхъ, послѣднее изъ приведенныхъ едва-ли не чаще звучитъ

---

[1]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщ. 1864 г. № , стр. 2.
[2]) Стр. 108.

чорнобрівий, а не *чорнобривий*, а во-вторыхъ, словамъ *дрикгати* и *крихта* нѣтъ вполнѣ соотвѣтственныхъ въ русскомъ языкѣ съ звукомъ *о* (слову *крошка* соотвѣтствуетъ малорусское *крішка, крішечка*—съ острымъ *і*, какъ и слѣдуетъ, а не съ среднимъ *и*). Поэтому, не въ этихъ словахъ мы видимъ противорѣчіе закону, что русскіе *о* и *е*, происшедшіе изъ *ъ* и *ь*, не замѣняются звукомъ *і*, а въ цѣломъ рядѣ другихъ словъ, какъ напр. *вибір*—корень *бър* (*бър*-ати), ро*спір*-ка—корень *пър* (*пър*-у), за*мір*-ка—корень *мър* (*мър*-у), по*стіл*-ь—корень *стьл* (*стьл*-ати), *гін*-кий—корень *гън* (*гън*-ати) и нѣкоторые др. Нѣсколько страницъ дальше мы объяснимъ причину этого кажущагося противорѣчія, а теперь пока въ видѣ основного положенія скажемъ, что въ *первообразныхъ* словахъ (но не *производныхъ*, подчиняющихся другимъ законамъ), кажется, безусловно нельзя нигдѣ встрѣтить замѣны русскихъ *о* и *е*, происшедшихъ изъ *ъ* и *ь*, звукомъ *і*.

Что касается полногласныхъ *о* и *е*, то г. Житецкій также точно принимаетъ за правило, что они никогда не мѣняются на *і* [1]). И тутъ слѣдуетъ сдѣлать только-что указанную оговорку: что нѣтъ этой замѣны въ *первообразныхъ* полногласныхъ словахъ, но не въ производныхъ, напр.: бо*род*-а—бо*рід*-онька, *ворог—воріж*-еньки, *голов*-а—*голів*-онька, о чемъ будетъ подробнѣе сказано ниже (въ главѣ о полногласіи).

Обращаемся теперь къ словамъ съ основнымъ *о* и *е*. Тутъ замѣчается явленіе, хотя и не особенно устойчивое, что въ тѣхъ слогахъ первообразныхъ словъ, за которыми не слѣдуетъ гласное окончаніе, основное *о* и *е* обращаются въ *і*; но какъ только является гласное окончаніе, звуки основные возстановляются въ своихъ

---

[1]) Впрочемъ, г. Житецкій дѣлаетъ оговорку, что исключенія встрѣчаются, при чемъ онъ обращаетъ вниманіе, какъ на необъяснимую форму, на слово—*поріг* порогъ (праг-ъ). Намъ кажется, что въ данномъ словѣ, являющемся дѣйствительнымъ противорѣчіемъ массѣ другихъ фактовъ, оказалось дѣйствіе закона аналогіи сильнѣе основныхъ фонетическихъ законовъ. Нельзя-ли объяснить форму *поріг* тѣмъ, что потерялось сознаніе корня слова, и само оно образовалось по аналогіи съ словомъ *ріг* (*рогъ*) такъ точно, какъ наприм. спрягается глаголъ *создать* (корень *зьд*) по аналогіи съ глаголомъ *дать* (создамъ, создашь и т. д.), хотя въ корнѣ между этими двумя словами нѣтъ ничего общаго?

правахъ. Напр. *піп*—*поп*-а, з-*ріст*—з-*росту*, *піч*—*печ*-и, *сім*—*сем*-и. Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и обратное явленіе, т. е. въ тѣхъ слогахъ первообразныхъ словъ, за которыми слѣдуетъ гласное окончаніе, *о* и *е* остаются на мѣстѣ, но какъ только въ измѣненіи этихъ словъ потеряется гласное окончаніе,—сейчасъ-же *і* вступаетъ въ свои права; напр. бджол-а—*бджіл* (родит. пад. мн. ч.), *коп*-а—*кіп* и т. п. Что-же касается производныхъ словъ, то, оставляя для объясненія въ отдѣлѣ словообразованія и въ этимологіи многія частности, мы теперь отмѣтимъ пока тотъ фактъ, что громадное количество примѣровъ удостовѣряетъ насъ въ непреложности такого закона: если при образованіи новаго слова или новой формы получается, такъ сказать, малогласность, т. е. когда въ словообразовательныхъ суффиксахъ вслѣдъ за корнемъ съ основнымъ *о* участвуютъ глухіе гласные *ъ* и *ь* (отчего происходитъ стеченіе двухъ и болѣе согласныхъ),—то звуки *о* и *е* тоже обращаются въ *і*, напр. *жон*-а—*жін*-(ъ)ка, *гор*-а—*гір* (ъ)к-а; и даже то слово, которое составляетъ непонятное исключеніе изъ общаго правила—пере-*пел* (должно-бы быть пере-*піл*), въ этомъ случаѣ подчиняется этому закону—пере-*піл*-(ъ)к-а. При этомъ замѣтимъ, что разъ, въ образованіи новаго слова явился звукъ *і*, онъ удерживается уже во всѣхъ словахъ дальнѣйшаго производства, напр. *гор*-а—*гір*(ъ)к-а—*гір*-оньк-а, пере-*піл*(ъ)к-а—пере-*піл*-очка.

Чѣмъ же можно объяснить вышеприведенные факты? Кажется, можно сдѣлать такой выводъ, что малорусскій языкъ, любящій многогласность, при потерѣ ея стремится чѣмъ-нибидь возмѣстить отсутствующій гласный элементъ,—слѣдовательно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ своеобразнымъ закономъ возмѣстительнаго протяженія. Теперь спрашивается, есть-ли основаніе видѣть въ звукѣ *і* въ данномъ случаѣ какую нибудь протяжность? Для этого надо вспомнить ту теорію, по которой основные *о* и *е* считаются дифтонгами (о=а+у, е=а+і—Шлейхеръ), что въ данномъ случаѣ подтверждается разными говорами малорусскаго языка. Такъ, въ разныхъ мѣстностяхъ въ указанныхъ выше словахъ слышится почти дифтонгъ, то болѣе, то менѣе опредѣленный, напр: въ Черниговской

губ. слово *кон*-ь звучитъ *куін*-ь, *куин*-ь; въ Подляск. говорахъ— *куон*-ь, *куэн*-ь, *куин*-ь, а въ Гродн. губ., въ Кролевскомъ разнорѣчіи—*коон*-ь. Этотъ разнозвучащій въ говорахъ дифтонгъ въ разныхъ языкахъ стремился, можетъ быть подъ вліяніемъ ударенія на одной части его, обратиться въ одинъ цѣльный звукъ: такъ въ великорусскомъ языкѣ стяженіе перешло къ одному звуку *о* (столъ, мой), въ польскомъ—къ *у* (*stól, mój*), въ малорусскомъ—къ излюбленному *і* (стіл, мій). Сводя все сказанное о секундарномъ *і* изъ *о* и *е* къ основнымъ правиламъ, можно, кажется, установить слѣдующія положенія:

1) Въ *первообразныхъ* словахъ съ звуками о и е, происшедшими изъ ъ и ь, никогда не бываетъ замѣны ихъ звукомъ *і*.

2) Также точно не является это *і* въ *первообразныхъ* полногласныхъ словахъ.

3) Въ первообразныхъ словахъ съ основными *о* и *е* является замѣна звукомъ *і* въ томъ случаѣ, когда на концѣ нѣтъ гласнаго окончанія; съ появленіемъ послѣдняго *о* и *е* вступаютъ въ свои права.

4) Въ производныхъ словахъ съ основными *о* и *е* замѣна ихъ звукомъ *і* происходитъ тогда, когда въ образованіи новаго слова участвуетъ суффиксъ, имѣющій въ своемъ составѣ глухой гласный звукъ, иначе говоря—когда при образованіи слова является малогласность.

5) Съ этимъ *і* легко соединяются всѣ согласные звуки, какъ исключительно твердые, такъ и могущіе быть и твердыми и мягкими; даже гортанные *г, кг, к, х,* не могущіе соединиться съ *і*, происшедшимъ изъ *ѣ*, охотно стоятъ передъ *і* изъ *о* (гірко—горько, кістка—кость, тхір—тхоръ).

Примѣчаніе 1. Указавши на происхожденіе секундарное *і* изъ *ѣ, о* и *е*, нужно замѣтить еще, что хотя не особенно часто, но все-таки встрѣчается секундарное *і* еще изъ нѣкоторыхъ звуковъ, особенно изъ *у*, стоящаго въ замѣнъ ѫ (зам*у*жъ—мѫж-ь—заміж; д*у*брова—дѫброва—діброва), а иногда и изъ основного *у* (гульати—гультьай и гільтьай); при чемъ

надо замѣтить, что это *у* иногда замѣняется и среднимъ *и* (глубокій — глубокій — глибокий), но въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ простая замѣна звука *у* звукомъ *ы*, свойственная и славянскому и русскому языкамъ.

Примѣчаніе 2. Звукъ *і* вообще по природѣ своей, какъ звукъ небнаго происхожденія, отличается такой мягкостью, что онъ eo ipso заставляетъ мягко произноситься всѣ согласные звуки, стоящіе передъ нимъ, вслѣдствіе этого нѣтъ надобности обозначать это смягченіе постановкой *ь* послѣ согласной. Нельзя при этомъ не указать на одно весьма интересное явленіе, касающееся звука *і*. Хотя звукъ этотъ вообще, какъ мы только что сказали, очень мягкій, но степень этой мягкости зависитъ отъ происхожденія его: самый мягкій звукъ *і* тотъ, который происходитъ изъ *ѣ*, затѣмъ большей твердостью отличается происходящій изъ *е* и еще большей—изъ *о*; особенно замѣтно это при согласныхъ *л*, *н*, *д*, *т*. Собственно говоря, при строгомъ соблюденіи фонетическаго начала въ правописаніи, слѣдовало-бы оттѣнить эту разницу на письмѣ постановкой послѣ согласной, стоящей передъ мягкимъ *і*, знака смягченія (ь); но мы боимся вводить это въ правило письма по той простой причинѣ, что разница въ оттѣнкахъ звука *і* слишкомъ тонкая, и потому, вводя знакъ смягченія, мы рисковали-бы навязать соблюденіе при письмѣ такого правила, которое мало познается слухомъ, а больше знакомствомъ съ происхожденіемъ слова, а это неминуемо повело бы къ грамматическимъ тонкостямъ въ писаніи, о неудобствахъ которыхъ нечего и говорить. Однако, не предлагая этого правила въ руководство при писаніи обыкновенныхъ литературныхъ произведеній, мы въ то-же время настаиваемъ на необходимости придерживаться его при изданіи всякихъ этнографическихъ матеріаловъ, потому что: какъ, напр., не оттѣнить такой разницы въ произношеніи, какая замѣчается въ словахъ лѣто (лѣто) и лій (лой), и ніс (нёсъ) или ніс (носъ)? Покончивши съ характеристикой звука *і*, мы, собственно говоря, покончили обзоръ основныхъ фонетическихъ особенностей

гласныхъ звуковъ малорусскаго языка, такъ какъ объ остальныхъ звукахъ не придется сказать ничего особенно характернаго.

Звукъ у. Отличительной чертой этого звука является та, на которую было указано уже раньше; это—стремленіе звука *у* выйти за предѣлы гласности и исчезнуть въ рядѣ согласныхъ звуковъ, а именно—перейти въ *в*. Явленіе это свойственно многимъ языкамъ, что объясняется природой самого звука, но особенно рѣзко проявляется оно въ малорусскомъ языкѣ, гдѣ почти всякое неударяемое *у* обращается въ *в* и за то обратно—*в* можетъ почти обратиться въ *у* (*у*казувати — *в*казувати, *у*бивати — *в*бивати, *в*мерти — умерти, *в*рода—*у*рода и т. д.). При этомъ надо замѣтить, что между этимъ *у*, ослабѣвшимъ въ *в*, и основнымъ согласнымъ *в* есть разница, довольно ощутительная, въ произношеніи, такъ какъ ослабленное *у* гораздо больше содержитъ въ себѣ гласнаго элемента (это какъ-бы краткое *у*), нежели *в*. Вслѣдствіе этого были попытки отмѣтить на письмѣ разницу, а именно: краткое *у* означали надстрочнымъ знакомъ напр.: „Ужинок рідного поля“ г. Куцого, Спб. 1857 г., и это-же предлагалось и г. Туловымъ въ его статьѣ „О малорусскомъ правописаніи“ [1]).

Мы не предлагаемъ этой отмѣты только потому, что, во-первыхъ, рѣшительно высказываемся противъ всякихъ надстрочныхъ знаковъ, а во-вторыхъ, и тутъ видимъ нѣкоторую тонкость звукового отличія, весьма колеблющуюся подъ вліяніемъ субъективныхъ слуховыхъ ощущеній, поэтому, во всѣхъ случаяхъ замѣны основного *у* кратвимъ *у*—ставимъ согласный звукъ *в*.

Звукъ о. Можетъ быть, въ противовѣсъ слишкомъ сильной небности въ языкѣ малорусскомъ, сказывающейся въ преобладаніи гласнаго небнаго *і*,—мы встрѣчаемся съ фактомъ, который свидѣтельствуетъ объ устойчивости во многихъ случаяхъ звука *о* и даже о стремленіи звука *а* обратиться въ *о*. Это особенно характерно при сравненіи съ великорусскимъ языкомъ, въ которомъ всякое неударяемое *о* въ произношеніи обращается въ *а* (галава, залатой и т. д.);

---

[1]) Филологич. Записки. 1879 г., вып. III—IV, стр. 5.

въ малорусскомъ языкѣ вездѣ отчетливо слышится *о* (голова, золотий). Сверхъ того, въ великорусскомъ языкѣ многократный видъ глаголовъ характеризуется усиленіемъ *о* въ *а* (н*о*сить—изн*а*шивать, пр*о*сить — запр*а*шивать и т. д.); въ малорусскомъ языкѣ такого факта нѣтъ, и звукъ *о* остается неизмѣннымъ, напр.: запрóшувати, проколъувати, винóшувати, загорóжувати и т. п.). Это стремленіе къ звуку *о* замѣчается даже въ нѣкоторыхъ такихъ словахъ, въ которыхъ *о* явилось на смѣну основнаго *а*, чего въ русскомъ языкѣ никогда не бываетъ, напр.: разумъ — рóзум, крапива — кропúва, аладьи —оладки, заря—зóрья, катить—котити, работать—робити и т. п.

Звукъ **а**, какъ извѣстно, есть самый устойчивый, основной гласный, вслѣдствіе чего, кромѣ только-что указаннаго случая замѣны его звукомъ *о*, мы не встрѣчаемъ въ малорусскомъ языкѣ никакихъ другихъ колебаній. По поводу его, однако, должно отмѣтить слѣдующее явленіе: не смотря на то, что, какъ было сказано, малорусскому языку не свойственно усиленіе звука *о* въ *а*, мы встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ словахъ, повидимому, съ этимъ закономъ (х*о*зяинъ—х*а*зьайін, б*о*гатый—б*а*гатий, м*о*настырь—м*а*настырь, г*о*раздо—г*а*разд, зх*о*пити—х*а*пати и др.), Явленіе это надо объяснить не усиленіемъ *о* въ *а*, а закономъ ассимиляціи, такъ какъ оно замѣчается во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ первое основное *о*, обратившееся въ *а*, отдѣлено согласнымъ звукомъ отъ послѣдующаго *а*, а это *а* ассимилируетъ себѣ близкаго сосѣда, звукъ *о*.

Звукъ **е**. Относительно звука *е* приходится сдѣлать маленькую замѣтку, что онъ, сочетаясь съ шипящими согласными, весьма часто обращается въ *о*, напр.: ж*о*на (ж*е*на), ч*о*ловік (ч*е*ловѣкъ), ч*о*тири (ч*е*тыре). Надо замѣтить только, что никогда этого не бываетъ въ окончаніи творительнаго падежа ед. числа (подобно русскому языку), такъ напр: нож*ем* (а не нож*ом*), меч*ем* (а не меч*ом*) и т. п.

II.

Законы гласныхъ звуковъ.

Опредѣливши основной характеръ малорусскаго вокализма, мы постараемся теперь прослѣдить фонетическіе законы гласныхъ звуковъ

2

малорусскаго языка, сравнительно съ такими-же законами въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ. Установленіе этихъ законовъ, въ большей или меньшей степени, поможетъ опредѣленію сомнительныхъ случаевъ правописанія и приведенію его къ единообразію. Мы разсмотримъ слѣдующіе законы: усиленіе или подъемъ гласныхъ, ослабленіе ихъ, разложеніе и полногласіе.

А. Усиленіе гласныхъ.

Законъ усиленія гласныхъ есть самый существенный, такъ какъ онъ имѣетъ значеніе не столько чисто фонетическое, сколько выполняетъ ту-же функцію, что и словообразовательные суффиксы и префиксы, а именно: на законѣ усиленія основывается образованіе новыхъ словъ. Такъ напр., путемъ усиленія кореннаго гласнаго, глаголъ получаетъ оттѣнокъ учащательнаго дѣйствія (ж(ь)д-ати—ви-*жи*д-ати, з(ъ)в-ати—при-з*и*в-ати,—*ле*т-іти—*лі*т-ати), или получаетъ совсѣмъ новое значеніе (г(ъ)р-іти—г*о*р-іти), или изъ средняго состоянія переходитъ въ дѣйствіе (гн*и*-ти—гп*ой*-іти, в*и*-сіти—в*і*ш-ати), или образуетъ существительныя и прилагательныя (д(ъ)х-нути—д*у*х, с(ъ)п-ати—с*о*-н, ви-с(ъ)х-ло—с*у*-хий) и пр.

Прежде чѣмъ просматривать отдѣльные случаи усиленія, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Во-первыхъ, законъ этотъ не отличается полной устойчивостью во всѣхъ языкахъ, а слѣдовательно и въ малорусскомъ. Главную причину этого видимъ во вліяніи различныхъ говоровъ даннаго языка, при чемъ тѣ языки, которые успѣли исторіей выработать одинъ центральный, литературный языкъ, такъ-сказать, подвели къ одному знаменателю разные оттѣнки говоровъ, почему въ нихъ и видно какъ будто болѣе постоянства въ проявленіи этого закона. Что-же касается малорусскаго языка, то отсутствіе въ немъ прочно установившейся литературной рѣчи значительно затрудняетъ точную формулировку этого закона, такъ какъ колебаніе звуковъ въ разныхъ говорахъ, а иногда и неясное произношеніе наблюдаемаго звука въ рѣчи лишаютъ возможности прійти къ опредѣленному выводу.

Во-вторыхъ, нѣкоторыя явленія этого закона установились еще въ давнія времена, что видно изъ того, что они оказываются общими и для русскаго, и церковно-славянскаго языковъ; нѣкоторыя-же изъ нихъ появились исключительно на почвѣ малорусскаго языка, и эти послѣднія отличаются бо́льшей устойчивостью и постоянствомъ, нежели первыя.

Звукъ **е**. Вспомнимъ прежде всего, что звукъ *е*, по особому свойству малорусской фонетики, отмѣченному нами ранѣе, перегласовывается въ *і*: шість, сім, піч, ніж (нежели). Но не слѣдуетъ смѣшивать съ этимъ явленіемъ другого, по которому звукъ *е* усиливается въ *і*. Чаще всего приходится наблюдать это явленіе при образованіи глаголовъ, означающихъ *учащательное дѣйствіе* (verba iterativa) или *продолженность*. Напримѣръ: за-*пек*-ти—за-*пік*-ати, ви-*брех*-ати—ви-*бріх*-увати, ви-*чес*-ати—ви-*чіс*-увати, *лет*-іти—*літ*-ати, ви-*мес*-ти—ви-*міт*-ати, за-*плес*-ти—за-*плі*т-ати, про-*тек*-ти—про-*тік*-ати. Тутъ языкъ, сверхъ томатическихъ суффиксовъ, какъ-бы желаетъ кореннымъ гласнымъ звукомъ оттѣнить значеніе слова, такъ какъ звукъ *і* по природѣ своей болѣе долгій, чѣмъ *е*. При этомъ надо замѣтить, что этотъ законъ наиболѣе устойчивъ въ языкѣ, такъ что если слово производится отъ разъ усилившейся формы, то оно сохраняетъ усиленное *і* изъ *е*, напримѣръ: отъ за-*пе*кти производится прилагательное за*пе*клий, а отъ за*пі*кати—существительное за*пі*каннья, отъ *ле*тіти—*ле*тъучий, а отъ *лі*тати—*лі*тайучий и т. п.[1]). Но нельзя смѣшивать съ этимъ закономъ усиленія *е* въ *і* такихъ фактовъ, какъ напримѣръ: отъ глагола за*пе*кти прошедшее время за*пі*к, отъ про*те*кти—про*ті*к, отъ за*пле*сти—за*плі*в; здѣсь *е* обратилось въ *і* вслѣдствіе указанной раньше особенности, по которой *е* при безгласномъ окончаніи слова обращается въ *і* (см.

---

[1]) Законъ этотъ до такой степени силенъ въ языкѣ, что, какъ мнѣ кажется, онъ заставилъ нарушить въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ другое постоянное явленіе—замѣну *ѣ* звукомъ *і*. Мы имѣемъ въ виду тотъ фактъ, что слова стріла (стрѣла), стрільати (стрѣлять) въ глаголѣ съ оттѣнкомъ однократности измѣнили коренное *і* въ *е*—стре́льне, встре́лити. Не явилось-ли это по аналогіи, вслѣдствіе того, что въ языкѣ замѣчается соотношеніе между *е* и *і*, какъ выразителями совершенности и длительности дѣйствія? Впрочемъ, мы сами по поводу этого предположенія ставимъ большой вопросительный знакъ.

секундарное *і* изъ *о* и *е*), что и доказывается женскимъ родомъ этихъ-же формъ: запік—запекла, протік—протекла, заплів—заплела.

Устанавливая законъ усиленія *е* въ *і*, мы должны сдѣлать оговорку, что въ говорахъ мы замѣчаемъ, во-первыхъ, случаи употребленія и неусиленной формы, хотя усиленная все-таки преобладаетъ, напр.: вертіти—поверчувати, но болѣе употребительна—повірчувати; во-вторыхъ, случаи употребленія такого усиленія, которое свойственно русскому языку, напр.: скребти—вискрьобувати, хотя преобладающей формой является вискрібувати.

Этимъ послѣднимъ примѣромъ мы подошли ко второму закону усиленія *е* въ *о*—закону, выработавшемуся на общеславянской почвѣ, такъ какъ въ русскомъ языкѣ мы постоянно встрѣчаемся съ такимъ явленіемъ (веду—водить, несу—носить). Въ малорусскомъ языкѣ можно встрѣтить этотъ законъ тоже въ достаточномъ количествѣ фактовъ: грем-іти—громовий, вед-у—вод-ити, по-греб-ати—гроб, вез-ти — возити, бред-у — брод-ити, леж ати—лож-ити. Но такъ какъ *о* при вышеуказанныхъ условіяхъ протяженія гласной можетъ обратиться въ *і*, то отъ основного *е* мы еще одной дорогой получаемъ *і* черезъ *о*, напр.: греміти—гром—грім, грімний, грімвицьа; веду — в заводі — завід, завідньа (заводня); везти — у взвозі — взвіз, и т. п.

Такимъ образомъ *і* изъ *е* можетъ получиться тремя путями: 1) при безгласномъ окончаніи (піч—печи); 2) путемъ усиленія (летіти—літати), 3) путемъ усиленія *е* въ *о*, при чемъ послѣднее обращается въ *і* (везти—у взвози—взвіз). Что-же касается непосредственнаго усиленія звука *е*, то изъ всего сказаннаго видно, что усиленіе это бываетъ только двухъ видовъ: 1) *е*—*і* и 2) *е*—*о* [1]).

Звукъ **и**. Какъ было раньше сказано, срединный звукъ *и* въ малорусскомъ языкѣ получился двумя путями: изъ основного *і* и изъ

---

[1]) Особенность неударяемаго *е* звучать близко къ *и* повліяла, какъ намъ кажется, на образованіе нѣкоторыхъ словъ, въ которыхъ *и* установилось довольно прочно; но этого нельзя считать закономъ усиленія (греміти—гримати, гримотати, гримотіти, при чемъ послѣднее звучитъ и гремотіти). Можно, впрочемъ, объяснить это *и*, какъ отвердѣвшее *і* (усиленіе *е*) подъ вліяніемъ *р*, имѣющаго наклонность въ говорахъ къ твердому произношенію.

основного *ы*. Разсматривая теперь законы усиленія этого *и*, мы прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что *и*, происшедшее изъ *ы*, никакимъ усиленіямъ не подвергается. слѣдовательно, всѣ случаи усиленія звука *и* будутъ относиться только къ тому *и*, которое произошло изъ основного *і*. Въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ мы встрѣчаемъ усиленіе *і* въ *ѣ* (д*и*тя—д*ѣ*ти, с*и*дѣть—с*ѣ*сть, в*и*сѣть—в*ѣ*шать). Въ малорускомъ языкѣ есть также это усиленіе, но такъ какъ *ѣ* въ малорусскомъ языкѣ замѣнилось звукомъ *і*, то мы получаемъ такую форму усиленія: *и*—*і* (напр. д*и*тьа—д*і*ти, с*и*діти—с*і*сти; в*и*сіти—в*і*шати). Въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ наблюдается законъ, по которому *і* обращается въ *ой*; законъ этотъ называютъ разложеніемъ, но мы относимъ его также къ усиленіямъ (п*и*ть—по(*й*)-ить, гн*и*ть—гн*ой*, б*и*ть—б*ой*). Въ малорусскомъ языкѣ наблюдается этотъ-же законъ и въ тѣхъ-же словахъ,—слѣдовательно, онъ явился не спеціально на малорусской почвѣ, напр.: п*и*-ти—п*ой*-іти, гн*и*-ти—гн*ой*-іти, б*и*ти—б*ой*-ниця. Но разъ получилось *о*, то при извѣстныхъ условіяхъ это *о* можетъ обратиться въ *і*, напр.: гн*и*-ти—гн*ой*-а—гн*ій*, п*и*-ти—п*ой*-іти—п*ій*-ло (п*ой*ло), б*и*-ти—б*ой*-ниця—б*ій*-ка. Такимъ образомъ *і* получается изъ *и* двумя путями усиленія: 1) *и* —*і* (ѣ); 2) *и*—*ой*—*ій* [1]).

Звукъ **ьа** (ѧ). Въ русскомъ языкѣ замѣчается явленіе, что звукъ *я* усиливается въ *у* (тр*я*сти—тр*у*сить, гр*я*зь—погр*у*зить). Извѣстно, что это бываетъ только въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ *я* замѣнило собой церковно-славянскій ѧ, а *у*—ѫ,—слѣдовательно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ собственно фактъ усиленія ѧ въ ѫ. Это-же самое явленіе мы встрѣчаемъ и въ малорусскомъ языкѣ. напр.: гр*ьа*зь—загр*у*знути, запр*ьа*гати—супр*у*га, тр*ьа*сти—тр*у*сити, т*ьа*гти—т*у*гій. Такъ какъ по принятому нами правописанію ѧ, звучащій послѣ согласныхъ мягко, и, слѣдовательно, прямо смягчающій предшествующую согласную, изображается на письмѣ *ьа*, то мы формулируемъ этотъ законъ такъ: ѧ (ьа) усиливается въ ѫ (у).

[1]) Въ словахъ г*и*б-нути—г*у*б-ити можно было-бы допустить еще одинъ случай усиленія *и*; но надо замѣтить, что здѣсь *и* не изъ основного *і*, а изъ *ы* (церковно-славянское—гыбнути), а, какъ извѣстно, между *ы* и *у* есть полное соотвѣтствіе (сл*ы*шать,—сл*у*шать, пл*ы*ть—пл*у*ти).

Теперь намъ остается просмотрѣть самый неустойчивый законъ усиленія глухихъ гласныхъ (ъ, ь). Въ современныхъ намъ языкахъ, какъ извѣстно, эти глухіе звуки перестали быть звуками и выполняютъ только функцію показателей твердости и мягкости предшествующаго имъ согласнаго звука; при чемъ по принятому нами правописанію особаго звука твердости (ъ) нѣтъ, а остается въ начертаніи только одинъ ь. Между тѣмъ въ старинномъ славянскомъ языкѣ эти глухіе гласные были звуками, вслѣдствіе чего во многихъ словахъ, будучи въ корняхъ, они подвергаются законамъ усиленія и тѣмъ обнаруживаютъ свою первоначальную природу. Но прежде чѣмъ слѣдить за законами усиленія ихъ, мы должны сдѣлать ту оговорку, что, издавна утративши свое первоначальное значеніе, звуки эти спутались въ сознаніи современниковъ, что и обнаруживается на нѣкоторыхъ фактахъ не совсѣмъ правильнаго усиленія ихъ. Мы просмотримъ законы усиленія каждаго изъ нихъ отдѣльно.

Звукъ ъ. Въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ можно установить слѣдующія ступени усиленія этого звука: ъ—о—ы—у (*дъх*-нути, вз-*дох*-ъ, вз-*дых*-ать, *дух* ъ). Въ немногихъ малорусскихъ словахъ можно замѣтить всѣ эти ступени, напр.: за-с(ъ)х-не, *со*х-нути, ви-*си*х-ати, *су*х-ий; д(ъ)х не (или правильнѣе съ замѣной *д* звукомъ *т*—т(ъ)х-не), з-д*о*х-нути, з-д*и*х-ати, д*у*х. Въ большинствѣ-же случаевъ мы замѣчаемъ только двѣ степени усиленія: *и* — *о*, напр.: за-м(ъ)к-нути, за-м*и*к-ати, за-м*о*к; с(ъ)п-ати, за-с*и*п-ати, с*о*н; с(ъ)с-ати, ви-с*ис*-ати, с*о*с-ка. Но чаще всего встрѣчается только одна степень усиленія—въ *и* (г(ъ)б-нути—ви-г*и*б-ати, с(ъ)л-ати—ви-с*ил*-ати, т(ъ)к-нути—в-т*и*к-ати), хотя можно увидѣть и только усиленіе въ *о*, подобно русскому языку (гън-ати, г*о*н-и, г*о*н-ити; г(ъ)р-іти, г*о*р-іти). Разъ путемъ усиленія получается *о*, это *о* при извѣстныхъ условіяхъ можетъ перейти въ *і*, какъ это мы видимъ въ корнѣ г(ъ)н-ати—г*і*н-ець (гонець), г*і*н-кий и пр. Слѣдовательно, и въ категоріи усиленія ъ приходится встрѣтиться съ фактомъ появленія излюбленнаго малорусскою рѣчью звука *і*.

Раньше нами было сказано, что потеря сознанія глухихъ гласныхъ въ современномъ малорусскомъ языкѣ повліяла на появленіе

такихъ звуковъ въ этой категоріи усиленія, которые составляютъ противорѣчіе общему закону; теперь мы отмѣтимъ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ.

Глаголъ *г(ъ)нати* образуетъ настоящее время въ двухъ видахъ: гоньу, гониш и жену. женеш; первый видъ (гоньу) является образованнымъ совершенно правильно, но какъ могло явиться *е* во второмъ видѣ, когда въ схемѣ усиленій *ъ* мы нигдѣ не встрѣчаемъ звука *е*? Равнымъ образомъ, откуда взялось *е* въ словахъ ден-це, без-ден-ный, при формѣ д(ъ)н-о? Объясненіе этимъ фактамъ мы видимъ въ томъ, что могла смѣшаться при производствѣ формъ и новыхъ словъ природа основнаго *ъ* съ природой основного *ь*, отъ котораго, какъ сейчасъ увидимъ, *е* получается естественнымъ путемъ усиленія.

По поводу усиленія звука *ъ* еще надо сдѣлать одно замѣчаніе. Казалось-бы, что форма ви-ган-ьати отъ г(ъ)н-ати можетъ повести къ заключенію, что *а* въ корнѣ явилось путемъ усиленія; но стоитъ вспомнить ранѣе указанное явленіе, что *а* получается вмѣсто *о*, какъ результатъ ассимиляціи (см. стр. 12—13), чтобы и въ данномъ случаѣ признать не усиленіе *ъ* въ *а*, а ассимилированіе послѣдующимъ *а* звука *о*.

Звукъ **ь**. Въ церковно славянскомъ и русскомъ языкахъ можно установить слѣдующія ступени усиленія этого звука: ь—е—и—о (рьц-и, рек-у, про-риц-ать, про-рок-ъ). Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ словахъ можно встрѣтить всѣ эти ступени, при чемъ только третья ступень (*и*) представляетъ нѣкоторое сомнѣніе въ произношеніи, напр: у-м(ь)р-у, в-мер, в-мір-ати, в-мор-ити; б(ь)р-ати, бер-у—бер-кий—бер-учкий, за-бір-ати, у-бор-в; за-п(ь)р-у, за-пер-ти, запір-ати, рос-пор-ка; р(ь)к..., від-рек-тисьа, від-рік-атисьа, в-рок-и. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ произношеніе усиленія третьей степени не отчетливо слышно, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что въ печатныхъ малорусскихъ книгахъ можно встрѣтить: вмерати, вмирати, вмірати; заберати, забирати, забірати и т. п. Конечно, на обязанности грамматики лежитъ установить въ этомъ случаѣ единообразіе, что мы сейчасъ и попытаемся сдѣлать.

Прежде всего мы обращаемъ вниманіе на то, что это усиленіе встрѣчается въ глаголахъ, выражающихъ длительное, продолженное дѣйствіе. Если сдѣлать сопоставленіе съ этой-же ступенью усиленія *ъ*, то увидимъ, что *ъ* въ глаголахъ длительнаго дѣйствія обращается въ *и* (русское *ы*); казалось-бы, что въ соотвѣтствіе *и* изъ *ъ* должно получиться *і* изъ *ь*, и слѣдовательно, можно было-бы установить, какъ правило, писать въ этихъ глаголахъ *і*, считая его третьею степенью усиленія *ь*. Но принципъ фонетическаго письма долженъ прежде всего опираться на произношеніи и только въ случаѣ безусловной неопредѣленности послѣдняго можетъ уступить мѣсто принципу этимологическому и словопроизводственному. Въ данномъ случаѣ мы не видимъ безусловной неопредѣленности произношенія, но напротивъ того, встрѣчаемъ довольно много словъ, въ которыхъ безъ всякаго колебанія должны признать на этой ступени *и*, а не *і*, а именно: ст(ь)л-ати, ст*е*л-ьу, за-ст*и*л-ати; ж(ь)р-ати, ж*е*р-ти, пож*и*р-ати; ж(ь(д-ати, ви-ж*и*д-ати; з(ь)р-іти, на-з*и*р-цем—ви-з*и*р-ати; д(ьр-ати, д*е*р-ти, з-д*и*р-ство. Несомнѣнно, во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ никто изъ знающихъ малорусскую рѣчь не рѣшится написать *і* въ угоду общему правилу. Скорѣе можно поступить обратно: имѣя достаточное число фактовъ безусловнаго произношенія *и*, для остальныхъ, сомнительныхъ, случаевъ можно установить общее правило, что основной *ь* даетъ усиленіе *и*, а не *і*, т. писать—вм*и*рати, соб*и*рати, відр*и*катисьа и пр. Нужно теперь только найти объясненіе въ фонетическихъ особенностяхъ языка, почему возможенъ такой фактъ. А объясненіе это мы видимъ въ указанной раньше потерѣ основного *і* послѣ согласныхъ (см. основное *і* и *ы*), которое въ корняхъ вездѣ обратилось въ срединное *и*; нельзя-ли и въ данномъ случаѣ допустить, что *і*, получившееся путемъ усиленія *ь*, тоже отвердѣло послѣ согласныхъ до срединнаго *и*?

Такимъ образомъ таблица усиленія *ь* представится въ слѣдующемъ видѣ: ь—е—и—о. Но разъ появляются звуки *е* и *о*, то они, при указанныхъ раньше условіяхъ, могутъ обратиться въ *і*, напр: відр*е*ктись (корень рьк), прошедшее время відр*і*кcьа, но

женскій родъ—відреклась; б(ь)рати—убори—убір; зап(ь)ру—роспірка (распорка).

Б. Ослабленіе гласныхъ.

Если мы могли замѣтить, что усиленіе гласныхъ выполняетъ ту-же функцію, что и словообразовательные суффиксы, т. е. способствуетъ образованію новыхъ словъ, то по поводу ослабленія гласныхъ придется сказать, что оно не можетъ быть пріурочено къ тому-же типу явленій въ языкѣ, а исключительно обусловливается благозвучіемъ рѣчи, т. е. составляетъ законъ чисто фонетическій. Въ церковно-славянскомъ языкѣ законъ этотъ почти не проявляется, но въ русскомъ можно найти достаточное количество фактовъ проявленія его (*ли-ти,* славянское *лію,* русское *лью; умѣніе*—умѣнье; *носитися,* русское *носиться, ношусь*).

Въ малорусскомъ языкѣ мы найдемъ тѣ-же случаи ослабленія, что и въ русскомъ, почему мы и прослѣдимъ эти случаи параллельно съ русскимъ языкомъ и примѣнимъ къ установленному нами правописанію.

Звукъ **и**. И въ законѣ ослабленія, какъ и въ законѣ усиленія, нужно различать *и,* происшедшее изъ основного *і*, отъ *и*, происшедшаго изъ *ы*. Такъ напр, въ глаголахъ п*и*-ти, б*и*-ти, л*и*-ти—*и* изъ основного *і*, а въ глаголахъ р*и*-ти, м*и*-ти—изъ *ы*.

Въ русскомъ языкѣ извѣстенъ тотъ фактъ, что глаголы, корень которыхъ состоитъ изъ основного *і* съ предшествующей согласной, въ нѣкоторыхъ производныхъ формахъ ослабляютъ это *і* (и) въ *ь* въ противоположность церковно-славянскому языку, гдѣ этого ослабленія нѣтъ, напр. л*и*-ть, л*ь*-ю (славянское л*і*-ю), б*и*-ть, б*ь*-ю (славянское б*і*-ю); при чемъ въ русскомъ языкѣ это *ь* въ повелительномъ наклоненіи усиливается въ *е* (л*е*й, б*е*й), чего также нѣтъ въ церковно славянскомъ языкѣ (б*и*й, п*и*й). Малорусскому языку это ослабленіе *и* въ *ь* оказывается тоже свойственнымъ, но безъ усиленія въ повелительномъ наклоненіи въ *е* (б*и*й, п*и*й, л*и*й). Чтобы опредѣлить этотъ законъ точнѣе и—главное—примѣнить его къ принятому нами правописанію, мы прослѣдимъ всѣ случаи проявленія его въ малорусскомъ языкѣ, благо такихъ глаголовъ очень

немного: *би*-ти, в*и*-ти, ж*и*-ти, л*и*-ти, п*и*-ти, ш*и*-ти. Изъ нихъ прежде всего нужно вычесть глаголъ *жити*, корень котораго хотя, повидимому, составленъ по той-же схемѣ (согласн.+*и*), какъ и остальные, но на самомъ дѣлѣ корень этотъ не полонъ (*жив*), чѣмъ и объясняется, что ни въ русскомъ, ни въ малорусскомъ языкахъ онъ не ослабляетъ *и* въ *ь*. Нужно только замѣтить, что въ правобережныхъ говорахъ встрѣчается форма настоящаго времени—*жийу*, *жийеш*, составленная по аналогіи съ остальными глаголами (*шийу*,—*шийеш*), хотя чаще употребляется *живу*, *живеш*. Глаголъ *ши-ти* въ русскомъ языкѣ употребляется въ настоящемъ времени всегда въ ослабленной формѣ (шь-ю, шь-ешь); въ малорусскомъ преобладающей является неослабленная форма—ш*и*-йу, ш*и*-йеш, и кажется. только въ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить ослабленную. Теперь и является вопросъ, какъ слѣдуетъ выразить на письмѣ эту ослабленную форму? Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно принять во вниманіе два обстоятельства: 1) *ь* только означаетъ смягчаемость предшествующей согласной, а самостоятельное значеніе звука утерялъ, и 2) не всѣ согласные могутъ быть въ смягчаемомъ видѣ. Принимая во вниманіе эти два обстоятельства, мы находимъ, что въ глаголѣ *шити* настоящее время въ ослабленной формѣ должно быть *шь-йу*; но *ь*, долженствующій повліять на предшествующее *ш*. т. е. сдѣлать его мягкимъ, оказывается безсильнымъ, потому что, по ранѣе установленному нами дѣленію согласныхъ звуковъ, шипящіе могутъ быть только твердыми, вслѣдствіе чего *ь*, не выполнивъ своей обязанности, самъ исчезаетъ, и слово является въ такой формѣ: *ш*-йу, *ш*-йеш. Въ глаголахъ *бити, вити, пити* ослабленіе является постояннымъ, обязательнымъ, при чемъ ослабѣвшее *и* въ *ь* тоже не можетъ выполнить своего назначенія, благодаря несмягчаемости губныхъ *б, в, п,* и выпадаетъ само; такимъ образомъ слова эти получаются въ формѣ: *б-йу, б-йеш; в-йу, в-йеш*; *п-йу, п-йеш*. Въ глаголѣ *лити* ослабленіе тоже является постояннымъ, при чемъ звукъ *л* способенъ быть смягченнымъ, а потому *ь* оказывается здѣсь стоящимъ на мѣстѣ, именно: *ль-йу, ль-йеш*. При этомъ надо замѣтить, что смягченная согласная въ соединеніи съ послѣдующимъ

й ассимилируетъ его, т. е. сама удваивается (о чемъ будетъ сказано ниже), почему и можно встрѣтить произносимымъ это слово такъ: *ллъу, ллъеш*, хотя мы отдаемъ предпочтеніе формѣ *лъйу—лъйеш*. Равнымъ образомъ, это-же удвоеніе согласной *л* въ словахъ *наллъав, виллъав* объясняется только-что указаннымъ закономъ ослабленія *и* въ *ъ*, а именно; въ полномъ видѣ эти глаголы должны быть—*на-лі-йа-ти, ви-лі-йа-ти;* но въ малорусскомъ языкѣ происходитъ обязательное ослабленіе *і* въ *ъ—на-лъ-йати, ви-лъ-йати*, а затѣмъ *лъй* обращается въ *лл*, и потому получаемъ формы—*наллъати, виллъати*.

Такимъ образомъ, законъ этотъ для малорусскаго языка формулируется такъ: въ глаголахъ съ корнемъ изъ согласнаго+*и* (изъ основного *і*) при образованіи настоящаго времени происходитъ ослабленіе *и* въ *ъ*, т. е., говоря проще, происходитъ смягченіе согласнаго, если это возможно; если-же нѣтъ, то ослабленный *ъ* опускается совсѣмъ. Что-же касается тѣхъ глаголовъ, которыхъ срединное *и* произошло изъ *ы*, то въ нихъ законъ ослабленія не имѣетъ мѣста, напр. *ви-ти* (вить)—*вйу*, но *ви-ти* (выть)—*вийу*, *ми-ти* (мыть)—*мийу*, *ни-ти* (ныть)—*нийу*, *ри-ти* (рыть)—*рийу*.

Въ связи съ только-что указаннымъ закономъ ослабленія стоитъ образованіе существительныхъ съ окончаніемъ, *іе, ія* (славянск.) или *ье, ья* (русск.). Въ малорусскомъ языкѣ неослабленной формы почти нѣтъ; если и встрѣчается она, то въ очень немногихъ словахъ подъ вліяніемъ церковнаго и русскаго литературнаго языковъ, при чемъ *і* обращается въ *и*, напр.: *богослуженийе*, *муницийа*. Процессъ-же образованія ослабленной формы такой: возьмемъ слово *зна-ні-йе*; въ немъ *і* ослабѣваетъ въ *ъ* (*зна-нъ-йе*); затѣмъ *нъ+й* въ произношеніи обращается въ двойное *н* (*зна-нънъ-е*); первый знакъ смягченія *ъ* выпадаетъ, такъ какъ при удвоеніи согласной мягкость послѣдней указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на мягкость и первой (*знаннъ-е*); наконецъ, окончательное *е* во всѣхъ словахъ такого образованія замѣняется *а* (*зна-ннъ-а*). Такимъ-же путемъ образуются и слова съ окончаніемъ *ія: суд-ійа—суддъ-а*. Вотъ почему во всѣхъ словахъ такого образованія мы видимъ удвоенную согласную (ата-

мануваннья, милуванньня, умінньа, суддьа, горьуваннья и т. п.). Но если передъ окончаніемъ *іе*, *ія* находится твердый по природѣ согласный звукъ, то построеніе слова нѣсколько измѣняется, а именно: 1) если звукъ губной, то *і*, ослабленное въ *ь*, не можетъ смягчить его и потому выпадаетъ, а согласный безъ удвоенія соединяется съ звукомъ *й* (возлобійе—возлобьйе—возлобйе—возлобйа); 2) если звукъ шипящій, то *ь*, ослабѣвшее изъ *і*, не будучи въ состояніи смягчить согласнаго, выпадаетъ, при чёмъ согласный ассимилируетъ *й*, т. е. удваивается (подружійе—подружьйе—подружйе—подружже—подружжа [1]).

Къ этой-же категоріи ослабленія *и* въ *ь* относится и тотъ случай, который постоянно наблюдается въ русскомъ языкѣ въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ (ходити—ходить) Въ малорусскомъ языкѣ встрѣчается ослабленная форма, хотя, кажется, не такъ охотно она употребляется, какъ неослабленная. Можно, напримѣръ, сказать: *прийшов просити його* и *прийшов просить його*, но первое, кажется, употребительнѣе [2]).

Кромѣ указанной до сихъ поръ формы ослабленія *и* въ *ь* послѣ согласной, существуетъ еще одна форма, относящаяся къ *і*, начинающему собою слогъ или составляющему изъ себя его. Такое *і* и въ малорусскомъ языкѣ, какъ было сказано, удержалось, не перешедши въ срединное *и*. Въ церковно-славянскомъ языкѣ такое *и* не ослабляется никогда (иду, имѧ); въ русскомъ оно часто ослабляется въ *й* (иду—по-йду). Малорусскому языку это ослабленіе оказывается свойственнымъ даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ русскому, напр.: *і*ду—ви*й*ду; *і*шов—*й*шов—при*й*шов; на Петра *й* Павла; та *й* лихий-же він чоловік и т. п.

Звукъ **ьа** (ѧ). Какъ извѣстно, церковно-славянское возвратное мѣстоименіе *сѧ*, прибавляясь къ глаголамъ, никогда не ослабляетъ

---

[1]) Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ говорахъ шипящіе звуки, какъ было сказано раньше, могутъ быть мягкими, почему и встрѣчаются эти слова въ такой формѣ: *подружжьа*, *стручча*, *гильачча*.

[2]) Въ Волынско-полѣшскихъ говорахъ есть даже такія формы, какъ *просит* (вм *просити*), *ходит* (вм. *ходити*).

ѧ, въ русскомъ-же языкѣ, замѣнившись *ся*, оно ослабляетъ весьма часто *я* въ *ь* (носит*ся*—ношус*ь*). Въ малорусскомъ языкѣ хотя и встрѣчается это ослабленіе, но очень рѣдко, а чаще остается въ неослабленной формѣ съ замѣной ѧ, согласно принятому правописанію,—*ьа*; такъ напримѣръ: хотя можно сказать *возитись*, *носитись*, но чаще говорятъ—*возитисьа*, *носитисьа*.

Звукъ **йу** (ѭ). Какъ извѣстно, въ церковно-славянскомъ языкѣ творительный падежъ именъ женскаго рода на *а*, *я*, а также личныхъ и возвратнаго мѣстоименій имѣетъ окончаніе ѭ, который никогда не ослабляется; въ русскомъ-же языкѣ въ замѣну ѭ явилось *ю*, которое охотно ослабѣваетъ въ *й* (тобо*ю*—тобо*й*, жено*ю*—жено*й*). Въ малорусскомъ языкѣ, согласно принятому правописанію, ѭ замѣняется *йу*, которое никогда не ослабѣваетъ, напр.: тобо*йу*, жінко*йу*, своейе*йу* и т п.

В. Разложеніе гласныхъ.

При образованіи словъ часто приходится рядомъ стоять двумъ гласнымъ звукамъ, при чемъ, какъ извѣстно, происходитъ зіяніе. Для устраненія этого зіянія, т. е. для благозвучія рѣчи, языкъ прибѣгаетъ къ двумъ средствамъ, изъ которыхъ одно—вставка согласнаго между двумя гласными (оді-ати—оді-в-ати), а другое—разложеніе перваго гласнаго на гласный + согласный, напр.: въ русскомъ языкѣ: забы-ть, заб*ы*-еніе, заб(*ъ*)*в*-еніе; конечно, это послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, когда звукъ по природѣ своей можетъ подвергнуться такому разложенію. Какіе-же звуки малорусскаго языка могутъ разлагаться, и представляютъ-ли они что-нибудь характерно отличающее этотъ законъ отъ разложеній въ русскомъ и славянскомъ языкахъ?

Звукъ **у** (ѫ). Болѣе всего разложенію подвергаются въ малорусскомъ языкѣ тѣ-же звуки, что и въ русскомъ, т. е. основные *юсы* (ѫ, ѧ). Но такъ какъ большой юсъ (ѫ) въ произношеніи русскаго и малорусскаго языковъ звучитъ какъ *у*, то мы, слѣдовательно, будемъ имѣть дѣло съ разложеніемъ звука *у*, явившагося на смѣну большого юса (ѫ).

Извѣстно, что при разложеніи большой юсъ даетъ глухой гласный *ъ* + носовой согласный (н, м), а затѣмъ глухой гласный можетъ усиливаться по указаннымъ раньше ступенямъ. Примѣровъ разложенія ѫ очень мало, какъ въ русскомъ, такъ и въ малорусскомъ языкахъ. Чуть-ли не единственнымъ характернымъ образцомъ этого разложенія въ малорусскомъ языкѣ служитъ слово *ду-ти* (дѫ-ти), отъ котораго настоящее время д(ъ)-м-у, д(ъ)м-еш, а также въ разложенномъ видѣ корень этотъ является и въ глаголѣ *д*(*ъ*)*м-ухати*. Форма эта разложеннаго корня (*дъм*) можетъ подвергнуться усиленію: *ъ*—*и*—на-*дим*-атисьа.

Звуки **а, йа, ьа** (ѧ). Гораздо больше фактовъ разложенія малаго юса (ѧ). Но такъ какъ малый юсъ въ малорусскомъ языкѣ, согласно принятому правописанію, долженъ быть выраженъ различными способами, то мы прежде всего и установимъ эти начертанія. Малый юсъ (ѧ) послѣ шипящихъ согласныхъ, какъ извѣстно, звучитъ въ русскомъ и малорусскомъ языкахъ какъ *а* (ж*а*-ти—жѧти); если онъ начинаетъ собою слогъ или стоитъ послѣ губныхъ согласныхъ, то онъ йотируется и потому звучитъ какъ *йа* (времйа—времѧ); если-же онъ стоитъ послѣ остальныхъ согласныхъ, то смягчаетъ ихъ, и, слѣдовательно, его приходится изобразить на письмѣ *ьа* (взьяти—възѧти). Такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ разложенія ѧ мы будемъ имѣть дѣло съ начертаніемъ *а*, *йа*, *ьа*.

Какъ извѣстно, въ славянскомъ языкѣ ѧ разлагается на глухой гласный *ь* + носовой согласный (н, м), а затѣмъ глухой гласный можетъ усиливаться по указаннымъ раньше ступенямъ. Напримѣръ: *жа-ти* (жѧ-ти)—*ж*(*ь*)*м-у*, *ж*(*ь*)*ме-ш*; при чемъ *ь* можетъ усиливаться въ *и—з-жим-ати*. Другой глаголъ *жа-ти* (жѧти) даетъ иной видъ разложенія юса—*ж*(*ь*)*н-у*, *ж*(*ь*)*н-еш*, чѣмъ и характеризуется отличіе въ значеніи этихъ двухъ глаголовъ; при чемъ глухой гласный *ь* можетъ усилиться въ *е* и *и*—*жен-ці*, *з-жин-ати*. Подобные-же факты встрѣчаемъ мы во многихъ глаголахъ, особенно въ произведенныхъ помощію приставокъ отъ славянскаго глогола ѩ-*ти* (брать), напр.: взь*а*ти—віз*ь*му. При этомъ надо замѣтить, что если произошло усиленіе *ь* въ *и*, то это по-

слѣднее можетъ ослабѣть въ *й*, напр.: наньати—наймит; приньати—приймати, приймак. Равнымъ образомъ замѣчается это-же разложеніе въ существительныхъ, оканчивающихся на *мйа* (мѧ); времйа—временем, імйа—іменем; но надо замѣтить (о чемъ подробнѣе должна сказать этимологія), что малорусскій языкъ употребляетъ также и неразложенную форму этихъ существительныхъ и склоняетъ ихъ по общему типу существительныхъ средняго рода, напр. отъ *времйа* творительный падежъ *времйам* и т. п.

Звукъ и. Въ немногихъ словахъ замѣчается разложеніе звука *и*, происшедшаго изъ *ы*. Въ славянскомъ и русскомъ языкахъ, какъ извѣстно, звукъ *ы* разлагается въ *ъв* съ усиленіемъ *ъ* въ *о* (забы-ть—заб(ъ)в-еніе, ры-ть—ров-ъ). Въ малорусскомъ языкѣ мы видимъ проявленіе этого закона въ такой-же формѣ и въ тѣхъ-же словахъ, что и въ русскомъ языкѣ, напр.: чотири—чет(ъ)в-ертий, ри-ти—р(ъ)в-ати—з ров-у, кри-ти—По-кров-а. Но разъ получилось *о*, оно при извѣстныхъ условіяхъ можетъ обратиться въ *і*, напр. з рова—рів, Покрова—покрівльа. Если звукъ *и*, происшедшій изъ *ы*, разлагается на *ъв*, то тотъ-же звукъ, происшедшій изъ *і*, долженъ разложиться въ *ьв* съ усиленіемъ *ь* въ *е*, что мы и видимъ въ одномъ только глаголѣ ши-ти—ш(ь)в-ець—шев-ці, шев-чик.

Звукъ у. Извѣстно, что въ церковно-славянскомъ языкѣ звукъ *у*, часто стоящій взамѣнъ *ы*, подвергается тѣмъ-же разложеніямъ, что *ы*, только съ усиленіемъ *ъ* въ *о* (ов)—плу-ти, плов-ець. Въ русскомъ языкѣ больше всего наблюдается этотъ законъ въ образованіи глаголовъ съ темой *у*, разлагающейся въ *ов* (если-же *ю*, то—*ев*), напр. торгую—торговать, совѣту-ю—совѣтов-ать; равнымъ образомъ и въ корняхъ: ку-ю—ков-ать, плю-ю—плевать. Въ малорусскомъ языкѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ разложенія въ *ов* нѣтъ, такъ какъ *ов* замѣняется *ув*, а *ев*—*ьув*, напр.; кувати, торгувати, совітувати, пльувати, кльувати. Однако встрѣчается все-таки разложеніе *у* въ *ов*, только въ иныхъ случаяхъ, напр.: ку-йу—підков-а, ков-аль, ков-адло; при чемъ разъ получилось *о*, оно при извѣстныхъ уже условіяхъ обращается въ *і*, напр. підківка (Тупі-туп ніженьками, цок-цок підківками).

Вообще нужно сказать, что законъ разложенія въ малорусскомъ языкѣ не имѣетъ ничего своеобразно-характернаго, а явился на обще-славянской почвѣ, откуда въ формѣ нѣкоторыхъ словъ перешолъ и на почву малорусскаго языка. Это доказывается лучше всего тѣми явленіями, которыя совсѣмъ несвойственны малорусскому языку, а между тѣмъ встрѣчаются въ немъ, какъ остатокъ стариннаго образованія. Такъ напримѣръ, мы знаемъ, что усиленіе *о* въ *а* несвойственно малорусской рѣчи; несмотря на это, мы въ нѣкоторыхъ словахъ, образовавшихся путемъ разложенія, видимъ проявленіе этого усиленія, напр.: сл*ов*-о—сл*ав*-а (отъ сл*ы*ть), пл*ов*-ець—пл*ав*-ати (отъ пл*и*-ти), при-б*ав*-ити (отъ при-*бу*-ти).

Г. *Полногласіе.*

Хотя терминъ „полногласіе" обыкновенно употребляется въ одномъ опредѣленномъ значеніи, но мы, употребляя его, расширяемъ это значеніе, понимая подъ полногласіемъ стремленіе языка дать сравнительное обиліе гласнаго элемента, какимъ-бы путемъ этотъ элементъ ни явился.

Покойный Максимовичъ въ своихъ „Начаткахъ русской филогіи" сказалъ: „главное отличіе русской рѣчи отъ западно-славянской состоитъ въ томъ, что она болѣе сохранила полногласіе словъ, т. е. обиліе гласныхъ звуковъ среди согласныхъ".

Если это полногласіе характеризуетъ вообще русскую рѣчь, то въ частности малорусскую оно характеризуетъ еще въ большей степени. Не говоря о томъ, что въ малорусскомъ языкѣ есть много такихъ полногласныхъ словъ, которыхъ нѣтъ въ великорусскомъ (солодкий, борошно), мы укажемъ еще на нѣкоторые характерные случаи проявленія полногласія, а именно:

1) Если при образованіи слова сойдется рядомъ нѣсколько согласныхъ звуковъ, то въ малорусскомъ языкѣ происходитъ вставка между ними гласныхъ *о* и *е*, напр. Днѣ*стр*ъ—Дні*стер*, мо*зг*ъ—мо*зок*, жура*вль*—жура*вель*, кора*бль*—кора*бель* и т. п. При этомъ, если въ склоненіи является гласное окончаніе, то эти вставочные звуки *о* и *е* выбрасываются: Дні*стер*—Дні*стра*, мо*зок*—мо*зку*, жура*вель*—жура*вльа*.

2) Существительныя, корень которыхъ имѣетъ основной глухой гласный (ъ, ь), въ русскомъ языкѣ замѣняютъ этотъ звукъ чистыми гласными *о* или *е*, при безгласномъ окончаніи слова; но при появленіи гласнаго окончанія, *о* и *е*, какъ извѣстно, выбрасываются, за что и называются *бѣглыми*. Малорусскому языку это явленіе также свойственно (сон—сна, пень—пнья, день—днья); но многія слова удерживаютъ *о*, не смотря на гласное окончаніе, напр.: *з лоба*—изо лба, *з рова*—изо рва, *льоду*—льду.

3) Это-же стремленіе къ полногласности обнаруживается въ любви приставлять звукъ *і* въ началѣ словъ, не отличающихся обиліемъ гласнаго элемента; этотъ звукъ *і* является какъ-бы какимъ-то вступительнымъ звукомъ, какъ напр.: ржа—*іржа*, рвать—*ірвати*, мгла—*імгла*, ленъ—*ільнувати*, *ільняний* и т. п. Но отмѣчая этотъ фактъ, мы въ то-же время должны указать и обратное явленіе, а именно: опускается при достаточной гласности въ словѣ коренное начальное *і* и приставочное *о*, напр.: *голка*—иголка, *грати*—играть, *шукати*—искать, предлогъ и приставка *із*—*з*, *горòд*—огородъ, *горòжа*—огорожа. Что-же касается собственно полногласія, свойственнаго русской рѣчи, то о немъ тоже приходится сказать, что въ малорусскомъ языкѣ это полногласіе замѣчается въ большей степени, чѣмъ въ русскомъ литературномъ.

Основныя формулы полногласія слѣдующія: оро=ра, оло=ла, ере=рѣ (слав. яз.)=ре (рус.), еле=лѣ (слав.)=ле (рус.). Но въ русскомъ литературномъ языкѣ мы встрѣчаемъ почти наравнѣ и полногласныя, и неполногласныя формы, что явилось результатомъ вліянія на русскій литературный языкъ церковно-славянскаго элемента (го*ро*дъ—г*ра*дъ, г*оло*ва—г*ла*ва, п*ере*дъ—п*ре*дъ, п*оло*нъ—п*лѣ*нъ). Въ малорусскомъ языкѣ неполногласныя слова составляютъ рѣдкость и употребляются тоже какъ результатъ вліянія церковнаго и русскаго литературнаго языковъ, напр: *храмъ*, а иногда польскаго—злото. Кромѣ того, есть, кажется, только одинъ неполногласный корень: с*рі*бло, с*рі*бний, образовавшійся не подъ вліяніемъ русской рѣчи (с*ере*бро=с*рѣ*бро=с*рі*бло). Раньше намъ приходилось уже говорить о полногласныхъ словахъ по поводу секундарнаго *і* изъ

о и *е*, и тогда нами было указано, что *о* и *е* въ первообразныхъ полногласныхъ словахъ никогда не переходятъ въ *і*, но это не относится къ *производнымъ* словамъ, въ которыхъ такая замѣна бываетъ постоянно. Тамъ-же мы отмѣтили и дали посильное объясненіе тому факту, что въ словѣ *порігъ* (прагъ) въ видѣ исключенія произошла такая замѣна, вѣроятно, вслѣдствіе потери сознанія корня въ этомъ словѣ и смѣшенія его съ корнемъ *ріг*, теперь мы прибавимъ еще одинъ такой-же случай въ словѣ *сморід* (смрадъ), въ которомъ. вѣроятно, произошло такое-же смѣшеніе съ корнемъ *рід*.

Посмотримъ теперь, въ какихъ именно случаяхъ полногласные *о* и *е* замѣняются въ производныхъ формахъ звукомъ *і*. Для этого припомнимъ прежде всего, что такая замѣна является для усиленія гласнаго элемента въ словѣ, слѣдовательно,—бываетъ тогда, когда при образованіи новой формы получается потеря этого гласнаго элемента. И дѣйствительно, замѣняется *о* и *е* звукомъ *і* въ полногласныхъ словахъ: 1) когда въ производной формѣ теряется гласное окончаніе, напр: бо*род*а—родит. п. множественнаго числа бо*рід*, го*лов*а—го*лів* и т. п. 2) При образованіи уменьшительныхъ именъ, въ которыхъ участвуетъ суффиксъ *ък*, *ьк*, напр: го*лов*а—го*лів*-(*ъ*)*к*-а, бо*род*а — бо*рід*-(*ъ*)*к*-а, се*ред*а — се*рід*-(*ъ*)*к*-а, бе*рез*а—бе*різ*-(*ъ*)*к*-а. При этомъ, если отъ этихъ уменьшительныхъ производятся еще новыя слова, то замѣна *о* и *е* звукомъ *і* въ нихъ удерживается, напр: го*лів*ка—го*лів*онька, бо*рід*ка—бо*рід*онька, се*рід*ка—се*рі**д*онька, бе*ріж*ечок, во*ріж*еньки и т. п. 3) Въ глаголахъ—для приданія оттѣнка продолжительности дѣйствія, напр: во*лок*ти—виво*лік*ати, по*лос*кати—випо*ліс*кувати.

Закончивши теперь обзоръ малорусскаго вокализма и прослѣдивъ всѣ выдающіеся законы гласныхъ звуковъ, мы можемъ, въ видѣ заключительнаго вывода, повторить опять, что характернымъ отличіемъ малорусскаго вокализма служитъ стремленіе во многихъ случаяхъ замѣнить данный гласный звукъ звукомъ *і*. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что это *і* является въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) какъ основное *і* не послѣ согласныхъ, а когда оно начинаетъ собой слогъ (*і*ти); 2) какъ секундарное изъ *ѣ* (в*і*рити—в*ѣ*рить);

3) как секундарное изъ *о* и *е* (в*і*л—волъ, п*і*ч—печь); 4) какъ секундарное изъ *у* (зам*і*ж — замужъ, ог*і*рок — огурецъ); 5) какъ усиленіе *е* (л*е*тіти—л*і*тати); 6) какъ усиленіе *е—о—і* (в*е*зти—у взв*о*зі—взв*і*з); 7) какъ усиленіе *и* черезъ *ѣ* (д*и*тьа — д*і*ти); 8) какъ усиленіе *и—ой—ій* (гн*и*ти—гн*ой*іти—гн*ій*); 9) какъ усиленіе *ъ* въ *о—і* (г(ъ)нати—г*о*нити—г*і*нкий); 10) какъ усиленіе *ь* въ *е—і* (рьк—відр*е*ктисьа—відр*і*кеьа); 11) какъ усиленіе *ь* въ *о—і* (б(ь)рати—уб*о*ри—уб*і*р); 12) какъ разложеніе *и* въ *ов—ів* (кр*и*ти—Покр*ов*а—покр*ів*льа); 13) какъ разложеніе *у* въ *ов—ів* (к*у*ю—підк*ов*а—підк*ів*ка), и 14) какъ приставочный звукъ для усиленія гласнаго элемента (*і*ржа).

Фонетическія особенности согласныхъ звуковъ.

I.

Характеръ малорусскаго консонантизма.

По поводу гласныхъ звуковъ было сказано, что ими главнымъ образомъ характеризуется рѣчь, при чемъ была объяснена и та причина, которая способствуетъ такой характеристикѣ. Впрочемъ, надо принять во вниманіе, что существуетъ мнѣніе, по которому гласные звуки признаются главной характеристикой только славянскихъ языковъ, а не романскихъ, характеризуемыхъ согласными звуками больше, чѣмъ гласными. Служа хотя и меньшей характеристикой славянской рѣчи, согласные звуки однако придаютъ нѣкоторый оттѣнокъ данному языку, почему и слѣдуетъ прежде всего просмотрѣть природу согласныхъ звуковъ и опредѣлить, что̀ именно въ этой природѣ ихъ представляется наиболѣе характернымъ для малорусскаго языка.

1) Что такое согласный звукъ? „Это—по словамъ Тейлора [1])—не музыкальныя колебанія, какъ гласные, но только сопровождающіе ихъ шумы. Для музыканта такой шумъ, какъ напримѣръ, при

[1]) Первобытная культура, т. I стр. 157.

выхожденіи воздуха изъ органной трубки, визгъ скрипки, завыванія флейты, только докучливы своимъ смѣшеніемъ съ музыкальными тонами, и онъ старается по возможности ихъ уменьшить; въ языкѣ же такого рода шумы, которыхъ никто и не думаетъ избѣгать, имѣютъ огромное значеніе, будучи употребляемы въ сочетаніи съ музыкальными гласными, какъ согласные".

Признавая, что согласные звуки есть только побочные шумы, сопровождающіе музыкальный тонъ гласнаго звука, мы остановимся на томъ, благодаря чему появляются эти побочные шумы, и такимъ образомъ опредѣлимъ первую черту въ природѣ согласныхъ звуковъ— ихъ происхожденіе по органамъ произношенія. Воздухъ, направляясь изъ гортани черезъ полость рта, прежде чѣмъ выйти наружу, встрѣчаетъ разные затворы и преграды, проходя черезъ которые и ударяясь о нихъ, получаетъ, благодаря этому, звуковой оттѣнокъ, дающій право именовать его *звукомъ*.

Самый крайній затворъ представляютъ губы, и если воздухъ вездѣ безпрепятственно пройдетъ, ударившись только о губы, то получаются звуки *губные* (*б*, *в*, *м*, *п*), отличающіеся одинъ отъ другого нѣкоторымъ оттѣнкомъ въ зависимоси отъ положенія самихъ губъ при прохожденіи воздуха. Вторымъ затворомъ являются зубы, ударъ воздуха о которые рождаетъ *зубные* звуки (*д*, *т*, *з*, *с*, *ц*). Самый глубокій пунктъ удара воздуха представляетъ *гортань*, вслѣдствіе чего получаются звуки *гортанные* (*г*, *кг*, *к*, *х*), при чёмъ звукъ *кг* приближается къ небесному. Болѣе близкій къ выходу пунктъ удара представляетъ небо, вслѣдствіе чего получается *небный* звукъ (*й*). Кромѣ того, въ образованіи нѣкоторыхъ звуковъ принимаютъ участіе нѣсколько органовъ [1]), вслѣдствіе чего получаются сложныя сочетанія, а именно: *язычно-небные* звуки (*ж*, *ч*, *ш*), *язычно-зубные* (*л*, *р*, *н*); при чёмъ надо замѣтить,

---

[1]) Собственно говоря, и изъ перечисленныхъ ранѣе звуковъ нѣкоторые образуются при участіи нѣсколькихъ органовъ, напр.: *м* (губы и носъ), *д*, *т*, *з*, *с*, *ц* (языкъ и зубы); но мы принимаемъ установленное грамматиками дѣленіе, не гоняясь за мелочами въ произношеніи, т. к. насъ въ данномъ случаѣ не особенно интересуетъ точная физіологія звуковъ.

что губной *м* и язычно-зубной *н* получаются при участіи *носа*, вслѣдствіе чего они называются также *носовыми*.

Имѣя такой типическій отпечатокъ въ гласныхъ звукахъ малорусскаго языка, какъ первенствующее положеніе звука *і*, можно теперь задаться мыслью найти и среди перечисленныхъ группъ согласныхъ какую-нибудь, захватившую себѣ преобладающую позицію въ языкѣ, и въ такомъ случаѣ сразу опредѣлить характеръ малорусскаго консонантизма, подобно тому, какъ таковой опредѣляется, напримѣръ, въ бѣлорусскомъ языкѣ (*дзвлканье*) и въ польскомъ (шипящій и носовой элементъ); послѣдній причисляютъ, впрочемъ, къ чертѣ вокализма. Но въ этомъ отношеніи малорусскій языкъ, равно какъ и многіе другіе, не даетъ ничего характернаго.

Если ничего характернаго для малорусскаго консонантизма не даетъ дѣленіе согласныхъ звуковъ по органамъ произношенія, то обратимся къ другой чертѣ ихъ—такъ сказать, къ количественности произношенія. Извѣстно, что нѣкоторые согласные произносятся съ быстрымъ исчезновеніемъ звука, другіе—съ возможностью протяженія; первые называются, поэтому, *мгновенными* (б, д, п, т, к, кг), вторые—длительными (в, г, ж, з, л, м, н, р, с, х, ц, ч, ш). Ясно, что способность звука протягиваться указываетъ на нѣкоторое присутствіе въ немъ *гласнаго*, *звучнаго* элемента, такъ какъ протяженность есть свойство гласныхъ звуковъ. Къ сожалѣнію, и это дѣленіе согласныхъ на мгновенные и длительные ничего не даетъ для характеристики малорусскаго консонантизма; развѣ только отмѣтимъ одинъ фактъ: преобладаніе длительнаго *г* надъ моментальнымъ *кг*, что въ связи съ дальнѣйшимъ можетъ имѣть свое значеніе.

Если въ только-что отмѣченномъ маленькомъ фактѣ—преобладаніи длительнаго *г* надъ моментальнымъ *кг*—можно видѣть ту характерную черту, что малорусскій языкъ любитъ присутствіе *гласнаго*, *звучнаго* элемента даже въ согласныхъ, то естественнѣе всего обратиться къ той особенности согласныхъ звуковъ, которая дѣлитъ ихъ на *звучные*, иначе—слабые согласные, и *отзвучные*—сильные. Звучные согласные это тѣ, при произнесеніи которыхъ чуется присутствіе гласнаго элемента. слѣдовательно—это слабые согласные,

отзвучные—это тѣ, при произнесеніи которыхъ гораздо меньше замѣчается гласности, слѣдовательно—это сильные согласные. Согласные звуки малорусскаго языка въ этомъ отношенія могутъ быть раздѣлены на такія группы: 1) *параллельные*, т. е. тѣ, въ которыхъ звучному соотвѣтствуетъ отзвучный (звучный *б*, отзвучный *п*, *в—ф*, *г—х*, *кг—к*, *д—т*, *ж—ш*, *з—с*); 2) *только звучные* (*й*, *л*, *м*, *н*, *р*); 3) *только отзвучные* (*ц*, *ч*). Ясно, что для наблюденія въ данномъ случаѣ наиболѣе характерными явятся звуки параллельные, такъ какъ преобладаніе въ языкѣ тѣхъ или другихъ укажетъ, къ чему стремится языкъ—къ гласности, звучности, или къ силѣ согласнаго элемента—отзвучности.

Въ русскомъ языкѣ наблюдается фактъ, что на концѣ словъ въ произношеніи (но не на письмѣ) слышится чаще *отзвучный* согласный, нежели звучный (лобъ—лопъ, кровь—крофь, другъ—друкъ); въ малорусскомъ всегда отчетливо слышится *звучный* (лоб, кров, друг). Если мы и встрѣчаемъ слово *стовп* (вмѣсто стовб), то это объясняется тѣмъ, что передъ *п* стоитъ звукъ *в* (вмѣсто *л*), который самъ по себѣ имѣетъ сравнительно съ *л* (вспомнимъ, что *в* почти приближается къ гласному *у*) столько звучности, что ея, такъ сказать, хватаетъ и для послѣдующаго звука. Но особенно рѣзко бросается въ глаза преобладаніе звучнаго элемента въ малорусскомъ языкѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ русскомъ (въ приставкахъ раз, воз, из, низ) происходитъ ассимиляція: звучный передъ отзвучнымъ переходитъ въ отзвучный (ра*з*-*к*рошить = ра*с*-*к*рошить, во*з*-*т*оржествовать = во*с*-*т*оржествовать); въ малорусскомъ языкѣ звучный элементъ въ этомъ случаѣ оказывается сильнѣе закона уподобленія и не уступаетъ своего мѣста (ро*з*-*к*рішити, ро*з*-*т*оргуватись). Даже замѣчается обратное явленіе: предлогъ *съ* и приставка *с* обратились въ звучный *з* (*з*робити, *з*давити).

Изъ этихъ данныхъ, кажется, можно сдѣлать безошибочный выводъ, что *характеристикой малорусскаго консонантизма* является *стремленіе къ звучности, гласности*. Фактъ этотъ находится, какъ видимъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ указанной раньше особенностью малорусскаго языка — съ стремленіемъ къ *полноглас-*

ности, т. е. преобладаніе гласнаго элемента въ языкѣ малорусскомъ достигается не только обиліемъ гласныхъ звуковъ въ словахъ, но и стеченіемъ согласныхъ звучныхъ. Это стремленіе къ полногласности можетъ быть провѣрено еще наблюденіями надъ сочетаніемъ согласныхъ звуковъ въ словахъ разныхъ славянскихъ языковъ. Въ то время, какъ языки чешскій [1]) и польскій имѣютъ иногда въ словахъ 5 и 4 согласныхъ подъ рядъ (kžtkl, kžtkn, mzdń), въ то время, какъ въ русскомъ языкѣ тоже довольно часто можно встрѣтить 4 согласныхъ (*встр*ѣтить, бѣ*дств*іе),—въ малорусскомъ стеченіе 4-хъ согласныхъ весьма рѣдко (*вткн*ути, *впхн*ути), при чемъ языкъ старается всѣми средствами избавиться отъ такой многосогласности, такъ напр: вмѣсто *впхн*ути чаще говорится *у*пхнути, вмѣсто *взгл*ьанути постоянно говорится *згл*ьанути, вмѣсто *вздр*ігнути—*здр*ігнути; даже это бываетъ и съ трехъ-гласными группами согласныхъ—*взв*алити = *зв*алити.

Не останавливаясь на причинахъ, породившихъ это явленіе въ языкѣ, а указывая только на извѣстное изслѣдованіе г. Житецкаго [2]), гдѣ вопросъ этотъ разъясненъ съ полнотою, а также не задаваясь цѣлью теперь прослѣдить всѣ частные случаи этого закона, съ которыми мы встрѣтимся еще впереди,—я ограничусь пока указаніемъ на нѣкоторые болѣе важные случаи замѣны первоначальныхъ отзвучныхъ звучными, или болѣе сильныхъ согласныхъ менѣе сильными, т. е. имѣющими въ себѣ гласный элементъ.

1) *Звукъ* л. Хотя звукъ *л* есть по природѣ своей звучный, но гораздо менѣе, чѣмъ звукъ *в*, который, какъ было указано, приближается къ гласному *у*. Поэтому-то мы и видимъ въ малорусскомъ языкѣ случай замѣны звука *л* звукомъ *в* для усиленія гласности въ словѣ. А именно:

а) Прошедшее время, въ русскомъ языкѣ оканчивающееся на *лъ*, въ малорусскомъ всегда оканчивается на *в*, напр: ходи-*лъ* — ходи-*в*, носи-*лъ* — носи-*в*, зна-*лъ* — зна-*в*. Чтобы объяснить это явленіе, стоитъ только обратить вниманіе на женскій и средній родъ того-же прошедшаго времени, а также на множественное

---

[1]) См. изслѣдованіе Гатталы „Počatečne skupeniny souglasek česko-slovenských".
[2]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, стр. 151—155 и 162—196.

число, гдѣ увидимъ — окончанія — *ла*, *ло*, *ли*, т. е. звукъ *л* возстановился въ своихъ правахъ. Итакъ, въ мужескомъ родѣ звукъ *л*, не поддержанный гласнымъ окончаніемъ, переходитъ въ *в*, усиливая такимъ образомъ гласный элементъ въ словѣ; когда же въ женскомъ и среднемъ родѣ и во множественномъ числѣ получилось гласное окончаніе, т. е. когда гласный элементъ въ словѣ и безъ того вышелъ сильнымъ, то замѣна *л* звукомъ *в* оказалась излишнею.

б) Въ корняхъ словъ, гдѣ въ древне-славянскомъ языкѣ было *лъ*, а въ русскомъ *ол* (ч*лъ*нъ—ч*ол*нъ, п*лъ*къ—п*ол*къ, п*лъ*нъ—п*ол*ный, ст*лъ*бъ—ст*ол*бъ), малорусскій языкъ замѣняетъ это *л* звукомъ *в*, напр: ч*ов*ен, п*ов*к, п*ов*ный, ст*ов*б или ст*ов*п.

2) *Звукъ* **т** въ предлогѣ *отъ*. Въ малорусскомъ языкѣ нѣтъ совсѣмъ ни предлога *от*, ни приставки *от*, а во всѣхъ случаяхъ встрѣчается замѣна *т* звукомъ *д*, при чемъ чаще всего и звукъ *о* замѣняется звукомъ *і* съ придыхательнымъ *в* (*ві*); такимъ образомъ предлогъ *отъ* и приставка *от* въ малорусскомъ языкѣ преобразовались въ *від* или *од*. Если вспомнимъ, что *т* есть отзвучный согласный, а *д*—звучный, т. е. съ большимъ количествомъ гласности, то станетъ очевиднымъ, что замѣна *т* звукомъ *д* явилась вслѣдствіе указанной причины—стремленія къ полногласности.

3) *Звукъ* **з**, въ приставкахъ *з*, *роз*, *воз*, *із*. Ясно, что мы въ данномъ случаѣ интересуемся только установленіемъ закона, по которому въ малорусскомъ языкѣ въ этихъ приставкахъ звучный *з* является въ замѣнъ отзвучнаго *с*, почему я прежде всего и остановлюсь на предлогѣ и приставкѣ *з=съ—с*. Такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ слышится отчетливо и предлогъ, и приставка *з*, а только въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ—*с*, то для установленія правописанія я попробую обратиться прежде всего къ наблюденію надъ фактомъ сочетанія не приставочнаго, а кореннаго *с* со всѣми согласными, чтобы посмотрѣть, съ какой категоріей согласныхъ (съ звучными или отзвучными) онъ легче сочетается. Изъ этихъ наблюденій оказывается, что совершенно нѣтъ сочетанія начальнаго *с* съ звуками *б*, *г*, *кг*, *д*, *ж*, *з*, *ш*, но встрѣчается оно со всѣми остальными: *в* (*св*инья, *св*іт), *к* (*ск*акати, *ск*арб,

*ск*от), *л* (*сл*ьоза, *сл*іпий), *м* (*см*іх, *см*уга), *н* (*сн*асть, *сн*итисьа), *п* (*сп*ати, *сп*ина), *р* (*ср*амота, *ср*ібний) *с* (*сс*ати, *сс*ьати—*с*іять), *т* (*ст*ав, *ст*адо, *ст*ан), *х* (*сх*аб, *сх*нути), *ц* (только одинъ корень), *ч* (*сч*астьа—хотя это созвучіе почти переходитъ въ *шч*). И такъ, значитъ, звукъ *с* не сочетается совсѣмъ со звучными согласными, но охотно сочетается съ параллельными имъ отзвучными, а именно съ *б*, *г*, *д*, *кг*, *з* (звучные) сочетаній нѣтъ, а съ *п*, *к*, *х*, *т*, *с* (отзвучные) они встрѣчаются. На основаніи этого вывода, казалось-бы, можно установить правило, что приставка *с* должна остаться неизмѣненной передъ всѣми отзвучными и измѣниться въ *з* передъ всѣми звучными; но установленіе такого правила было-бы слишкомъ поспѣшно и противорѣчило-бы многимъ несомнѣннымъ случаямъ произношенія въ словахъ, гдѣ слышится отчетливо передъ отзвучными *з* (*зс*унути, *зс*укати). По этому, чтобы имѣть болѣе данныхъ для установленія прочнаго правила, мы обратимся къ наблюденію надъ фактами сочетанія приставки *с* со всѣми согласными. При этомъ надо замѣтить, что всякая приставка выполняетъ не всегда одинаковую роль, въ зависимости отъ чего находится въ данномъ случаѣ и разница въ произношеніи ея, а именно: въ нѣкоторыхъ случаяхъ приставка является вполнѣ очевидной, играя только роль выразителя оттѣнка дѣйствія, обусловливаемаго видомъ глагола, напр.: вйазати—звйазати; въ другихъ—она настолько тѣсно связывается съ словомъ, что не имѣетъ очевидности и придаетъ иногда совсѣмъ новое значеніе слову, напр.: мертвый—смерть. Наблюдая фактъ соединенія приставки *с* со всѣми согласными, мы видимъ, что:

1) При звукахъ *б*, *г*, *кг*, *д*, *ж*, *з*, *ш*, т. е. при всѣхъ тѣхъ, съ которыми звукъ *с*, какъ было сказано, не сочетается, приставка *с* выполняетъ всегда роль очевидной приставки и произносится какъ *з* (*зб*ігти, *зб*агнути, *зб*ожеволітіи, *зг*оріти, *зг*нойіти; *зкг*рунтувати, *зкг*льакгатисьа; *зд*вигати, *зд*увати; *зж*овтити, *зж*олобитисьа; *зз*ивати; *зш*ивати).

2) Изъ остальныхъ звуковъ при *й*, *л*, *н*, *с*, *ц* также точно приставка *с* только встрѣчается въ роли очевидной приставки и

произносится какъ *з*: *з*їеднати, *з*літати, *з*лізати, *з*нести, *з*нищчити, *з*сунути, *з*сідатисьа, *з*ціпити.

3) При звукахъ *в*, *м*, *р*, *ч* приставка *с* встрѣчается и въ роли очевидной приставки — и тогда произносится какъ *з*, и въ роли тѣсно связанной съ словомъ—и тогда произносится какъ *с*, напр: при *в*—вйазати—*з*вйазати, возити—*з*возити, но відати—*с*відомий, *с*відок, *с*відчити; вертіти—*с*вердел; при *м*—мазати—*з*мазати, мести—*з*мести; но меркнутъ—*с*меркатисьа, мертвый—*с*мерть; при *р*—рости—*з*рости, робити—*з*робити; но родити—*с*родник; при *ч*—чавити—*з*чавити, чепити—*з*чепити, но часть—*с*частьа и даже *ш*частьа.

И такъ, изъ просмотрѣнныхъ до сихъ поръ фактовъ оказывается, что можно было-бы установить какъ правило—писать приставку *з* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она выполняетъ роль очевидной приставки, если-бы не встрѣчалось сомнительнаго произношенія ея въ сочетаніи съ звуками *к*, *п*, *т*, *х*, къ которымъ мы теперь и обратимся. Извѣстно, что въ русскомъ языкѣ законъ неполной ассимиляціи въ этомъ случаѣ настолько силенъ, что заставляетъ даже звучный *з* (въ приставкахъ *раз*, *воз*, *из*, *низ*) обратиться въ отзвучный *с* передъ отзвучными *к*, *п*, *т*, *х*. Относительно малорусской фонетики, какъ мы сказали, вопросъ этотъ остается открытымъ, вслѣдствіе неясности произношенія; но кажется, не будетъ ни въ какомъ случаѣ ошибки, если и для этихъ случаевъ придержаться общаго правила, такъ какъ съ одной стороны правило это не будетъ противорѣчить принципу фонетическаго письма, а съ другой—не только не будетъ противорѣчить указанной нами особенности малорусскаго консонантизма—поддержать гласный элементъ рѣчи при помощи звучныхъ согласныхъ,—но вполнѣ будетъ согласоваться съ ней. Да и самые факты словаря, кажется, находятся въ соотвѣтствіи съ цѣлымъ рядомъ указанныхъ раньше примѣровъ, т. е. приставка *с* отчетливо произносится какъ *с* въ тѣхъ случаяхъ, когда она является какъ-бы сросшейся съ словомъ, и сомнительно,—когда она очевидна, напр: при *к*; каламутити—*з*каламутити, калічити—*з*калічити, кидати—*з*кидати, но—квапитись—*ск*вапливий,

класти—*с*клад, крізь—*ск*різь [1]); при *п*: падати—*зп*адати, палити—*зп*алити, но—пѣть—*сп*івати, правда—*сп*раведливий; при *т*: топтати—*зт*оптати, торгувати—*зт*оргувати (приставки 2-го рода нѣтъ); при *х*: ховати—*зх*овати, хоронити—*зх*оронити (приставки второго рода тоже нѣтъ). Если, какъ мы видѣли, можно принять за правило писать въ указанныхъ случаяхъ вмѣсто приставки *с* букву *з*, то еще съ большимъ основаніемъ надо примѣнить это правило къ приставкамъ *із, воз* и *раз*, изъ которыхъ первая, какъ было указано въ главѣ о полноегласіи, почти всегда измѣняется въ *з*. Приставка эта, какъ въ полномъ своемъ видѣ *із*, такъ и въ сокращенномъ *с*, почти несомнѣнно сохраняетъ произношеніе звука *з*, въ сочетаніи съ *к*, *п*, *т*, *х* (*зк*олесити—исколесить, *зп*робувати—испробовать, *зт*літи—истлѣть). Что касается приставки *воз*, то въ полномъ своемъ видѣ она употребляется только въ нѣкоторыхъ словахъ, очевидно церковнаго или русскаго происхожденія, и измѣняется въ *вос* (во*ск*решати *восп*итувати); въ большинствѣ-же случаевъ она, измѣняясь въ *вз*, *уз* и *з*, всегда отчетливо слышится въ сочетаніи со всѣми согласными, а потому естественно должна остаться безъ измѣненій передъ тѣми же *к*, *п*, *т*, *х*, играющими такую роль въ правописаніи русскомъ (*зк*ипіти—вскипѣть, *зк*отити (на гору)—вскатить, *зх*одити—всходить). Приставка *роз* не представляетъ тоже никакого сомнѣнія въ произношеніи, сочетаясь съ *к*, *п*, *т*, *х*, вслѣдствіе чего русское правило правописанія и къ ней не можетъ относиться. Приставки-же *низ* совсѣмъ нѣтъ въ малорусскомъ языкѣ.

Разсмотрѣвши нѣкоторые характерные случаи сочетанія согласныхъ звуковъ малорусскаго языка, мы, въ видѣ заключительнаго вывода объ основномъ характерѣ малорусскаго консонантизма, можемъ повторить сказанное раньше, а именно: *отличительной чертой*

---

[1]) Единственное противорѣчіе видимъ мы въ словѣ казати—*с*казати, гдѣ хотя *с* и очевидная приставка, но не можетъ бнть написана буквой *з*, вслѣдствіе полной опредѣленности произношенія. Объяснить, мнѣ кажется, можно это тѣмъ, что глаголъ *сказати* слишкомъ употребителенъ какъ самостоятельное слово, почти независимое, какъ видно, отъ глагола *казати* (въ русскомъ языкѣ совсѣмъ даже нѣтъ послѣдняго).

согласныхъ звуковъ является преобладанie въ рѣчи звучнаго элемента, что находится въ связи съ стремленiемъ малорусской рѣчи къ полногласности.

II.

Законы согласныхъ звуковъ.

Опредѣливши основной характеръ малорусскаго консонантизма, мы постараемся, какъ это было сдѣлано съ гласными звуками, прослѣдить законы согласныхъ звуковъ малорусскаго языка сравнительно съ такими-же законами въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ. Законы эти помогутъ намъ установить нѣкоторые сомнительные случаи правописанiя и привести ихъ къ единообразнымъ правиламъ. Изъ этихъ законовъ мы остановимся на слѣдующихъ: *смягченiе, переходъ, выпаденiе, вставка и ассимиляцiя.*

А. Смягченiе согласныхъ.

Устанавливая принципъ примѣняемаго нами правописанiя, мы отмѣтили тотъ фактъ, что въ малорусскомъ языкѣ не всѣ согласные звуки могутъ быть и твердыми, и мягкими, подобно тому, какъ это бываетъ въ языкѣ русскомъ, а именно: могутъ быть и твердыми, и мягкими только звуки—д, з, л, н, р, с, т, ц, при чемъ мягкость ихъ обозначается постановкой послѣ нихъ *ь*, всѣ-же остальные бываютъ только твердые (б, в, г, кг, ж, к, м, п, х, ч, ш), и *й*—только мягкiй. Было также упомянуто уже, что звукъ *i*, по природѣ своей отличающiйся мягкостью, тѣмъ самымъ смягчаетъ всякiй стоящiй передъ нимъ согласный звукъ, такъ что передъ *i* мы не нашли нужнымъ обозначать *ь* смягчаемости согласнаго звука, не смотря на то, что въ произношенiи согласнаго передъ секундарнымъ *i* изъ *ѣ* чувствуется нѣкоторая разница въ силѣ смягчаемости [1]). Эта способность согласныхъ звуковъ смягчаться можетъ быть названа *прямою* или *непереходною смягчаемостью*, такъ какъ звукъ по природѣ своей остается такимъ-же, какъ и былъ, не теряя своего первоначальнаго

---

[1]) Подробнѣе см. въ главѣ о характерѣ малорусскаго вокализма.

вида. Но кромѣ этой непереходной смягчаемости есть еще смягчаемость переходная, состоящая въ томъ, что согласный звукъ не выдерживаетъ мягкости стоящаго за нимъ гласнаго звука и, такъ сказать, расплавляется, превращаясь въ другой звукъ, совершенно на него непохожій. До сихъ поръ намъ пришлось мимоходомъ отмѣтить одинъ такой случай, а именно: переходъ гортанныхъ *г, х, к* передъ секундарнымъ *і* изъ *ѣ* въ *з, ц, с*. Теперь мы просмотримъ всѣ случаи переходной смягчаемости согласныхъ въ малорусскомъ языкѣ, прослѣдивъ ее въ группахъ согласныхъ по органамъ произношенія.

1) *Губные*—**б, в, п** *и сложный, губной и носовой,* **м.** Въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ звуки эти отличаются способностью непереходной смягчаемости, хотя и не всегда. Такъ напр., возможны сочетанія — гу*бя*тъ, ло*вя*тъ, *пя*ть, *мя*со; но не возможны — лю*бю*, ло*вю*, кор*мю*, ку*пю*, а требуется на помощь звукъ смягченія *л*—лю*блю*, ло*влю*, ку*плю*, кор*млю*. Въ малорусскомъ языкѣ эти звуки всегда только твердые и потому къ непереходной смягчаемости они неспособны. Что-же бываетъ съ ними въ случаѣ необходимости сочетанія ихъ съ мягкими гласными? Мы видимъ, что малорусскій языкъ даетъ въ этомъ случаѣ три исхода: а) оставаясь твердыми, звуки эти заставляютъ послѣдующій гласный йотироваться — бі*бйа*шок (Чигир. у. — древесная почка), *вйа*лити, *пйа*ть, *мйа*со; б) оставаясь твердыми, принимаютъ послѣ себя вставку звука *н*, который смягчается (*нь*)—*мньа*со, *мньа*ти; в) оставаясь твердыми, принимаютъ вставку звука *л*, который передъ *а* и *у* смягчается (*ль*), а передъ остальными гласными нѣтъ — гу*бльа*ть—гу*бѧ*ть—гу*бя*тъ, гу*бльу*, загу*бле*ний; ло*вльа*ть, ло*вльу*, зло*вле*ний; ку*пльа*ть, ку*пльу*, ку*пле*ний; кор*мльа*ть, кор*мльу*, кор*мле*ний.

Прежде всего обращаемъ вниманіе, что въ двухъ изъ указанныхъ способовъ смягчить губной звукъ мы встрѣчаемъ способъ вставки (н, л); можно-ли считать обѣ эти вставки однородными? Очевидно — нѣтъ, потому что звукъ *н* есть дѣйствительно вставляющійся для устроенія благозвучія, что видно и изъ другихъ случаевъ (при-н-ьати=при-ѧти); звукъ-же *л* приставляется только къ губнымъ, слѣдовательно — это есть звукъ *специальнаго смягченія губныхъ*, какъ

это мы видимъ и въ церковно-славянскомъ, и въ русскомъ языкахъ. Такимъ образомъ, для малорусскаго языка законъ смягченія губныхъ устанавливается нѣсколько иначе, нежели въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, а именно: при помощи *йотировки* слѣдующаго гласнаго (вставка *й*), при помощи вставки *н*, при помощи вставки *л*. Въ какихъ же случаяхъ языкъ прибѣгаетъ къ каждому изъ этихъ способовъ смягченія?

1) Въ корняхъ словъ и въ производственныхъ неглагольныхъ суффиксахъ, гдѣ губной звукъ сойдется съ *я*, *ю* (*ьа*, *ьу*), т. е. гдѣ онъ долженъ быть мягкимъ, является йотировка гласнаго (*пйа*ть, *вйа*лити, *мйа*со, бі*бйа*шок, ка*мйа*ниць*а*, голу*бйа*тко), при чемъ звукъ *м* въ корняхъ, кромѣ йотировки гласнаго, можетъ прибѣгнуть и къ вставкѣ послѣ себя звука *н*, такъ что существуетъ въ языкѣ двѣ параллельныя формы—*мйа*со—*мнь*а*со, *мйа*ти—*мньа*ти, *мйа*гкий—*мньа*гкий.

2) Въ существительныхъ съ окончаніемъ *мя* (мѧ) всегда почти бываетъ йотировка — вре*мйа*, і*мйа*, пле*мйа*, хотя въ говорахъ слышится также—вре*мньа*, і*мньа*).

3) Въ производныхъ глагольныхъ формахъ передъ *ю*, *я*, *е* (*ьу*, *ьа*, *е*), т. е. въ 1 л. ед. числа наст. вр., въ 3 л. мн. числа наст. вр. и въ страдат. причастіи прош. вр.,—является звукъ смягченія *л*—гу*бльу*, гу*бльа*ть, загу*бле*ний; ло*влъу*, ло*вльа*ть, зло*вле*ний, ку*плъу*, ку*пльа*ть, ку*пле*ний; ло*мльу*, ло*мльа*ть, зло*мле*ний.

4) Если существительное произведено отъ первообразнаго слова съ смягченіемъ при помощи *л*, то смягченіе это удерживается во всѣхъ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ его по склоненію, напр: кра*п*-ати—кра*пл*-ьа—кра*пл*-і, кра*пл*-ейу.

Примѣчаніе. Нѣкоторое уклоненіе отъ этого закона смягченія губныхъ можно замѣтить въ корняхъ, сочетающихъ губной звукъ съ предшествующимъ свистящимъ, напр: *свьат* (святой), *цвьах* (гвоздь), гдѣ должна была-бы произойти йотировка (свйат, цвйах). Нужно сказать, что дѣйствительно въ рѣчи въ этихъ корняхъ слышится нѣкоторая задержка послѣ звука *в*, напоминающая йотировку послѣдующаго гласнаго, но

задержка эта такъ мало ощутительна, что лучше, придерживаясь принципа фонетическаго письма, писать *свьат*, *цвьах*, уклоняясь отъ правила смягченія губныхъ. Объясненіе этому явленію въ языкѣ можно, кажется, найти въ томъ, что губной звукъ, самъ по себѣ твердый, очутился подъ двойнымъ вліяніемъ мягкости (съ одной стороны—впереди мягкій гласный, а съ другой—позади очень склонный къ непереходной смягчаемости свистящій звукъ) и потому самъ умягчился до предѣловъ возможности. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Подольской губерніи мнѣ приходилось слышать произношеніе приблизительно такое—*цьвах*; очевидно, тамъ *в* само не сдѣлало никакой уступки смягченію, вслѣдствіе чего мягкость оказала вліяніе на предшествующій звукъ, т. е. повліяла какъ-бы черезъ перегородку.

II) *Гортанные—г, кг, к, х*. Особенность этихъ звуковъ, какъ было указано раньше, состоитъ въ томъ, что они постоянно твердые, слѣдовательно—къ переходному смягченію не способны, если не считать случая сочетанія ихъ съ звукомъ *і* (секундарнымъ, но не изъ *ѣ*), который по природѣ своей, какъ извѣстно, смягчаетъ до извѣстной степени всѣ согласные звуки. Что-же касается переходной смягчаемости, то удобнѣе всего прослѣдить ее въ этихъ звукахъ паралельно съ церковно-славянскимъ и русскимъ языками. Какъ извѣстно, въ церковно-славянскомъ языкѣ переходное смягченіе ихъ слѣдующее: г—ж—з (дру*г*-ъ—дру*ж*-е—дру*з*-и), к—ч—ц (влъ*к*-ъ—влъ*ч*-е—влъ*ц*-и), х—ш—с (ду*х*-ъ—ду*ш*-е—ду*с*-и), при чомъ въ склоненіи замѣчается полная устойчивость, а именно: передъ *е* они всегда смягчаются въ шипящіе звуки (ж, ч, ш), а передъ *и*, *ѣ*—въ свистящіе (з, ц, с). Русскому языку свойственны тѣ-же самыя формы смягченія, но только безъ той устойчивости, какую видимъ въ славянскомъ языкѣ; такъ напримѣръ: въ предложномъ пад. един. числа передъ *ѣ* смягченія нѣтъ (о дру*г*ѣ, о вол*к*-ѣ, о ду*х*-ѣ), въ им. пад. мн. числа передъ *и* тоже смягченія нѣтъ (дру*г*-и, вол*к*-и, ду*х*-и), хотя имѣются, впрочемъ рѣдко, формы этого смягченія въ свистящіе (дру*з*-ья).

Малорусскій языкъ, удерживая указанныя раньше формы смягченія славянскаго языка, проводитъ ихъ въ нѣкоторыхъ формахъ съ полнымъ постоянствомъ, а именно:

1) *Въ склоненіи*: передъ *і* (изъ *ѣ*)—въ предл. пад. муж. р. и въ дат. и предл. пад. жен. р.—*въ свистящіе*, а передъ *е*—въ зват. пад. муж. р.—*въ шипящіе*. Напр:

г. луг — *зват. п:* лу*ж*-е — *предл. п:* в лу*з*-і.
плу*г*— „ „ плу*ж*-е— „ „ в плу*з*-і.
но*г*-а—*дат. п:* но*з*-і—*предл. п:* на но*з*-і.
ду*г*-а— „ „ ду*з*-і— „ „ на ду*з*-і.
т. е. г—ж—з.

Что касается звука *кг*, то трудно прослѣдить съ точностью его смягчаемость, такъ какъ онъ мало распространенъ въ языкѣ, но, если не ошибаюсь, смягчается онъ почти такъ-же, какъ и *г*, съ тою только разницею, что слышится не шипящій *ж*, а сложный *дж*, и не свистящій *з*, а сложный *дз*, напр: отъ кгирли*кг*а можно произвести уменьшит. кгирли*дж*-ка, а предложн. пад. будетъ кгирли*дз*-і; но конечно можетъ произойти замѣна *дж*—*ж* и *дз*—*з* (кгирли*ж*-ка, кгирли*з*-і). Подтвержденіе тому, что *кг* смягчается въ сложные *дж* и *дз*, я нахожу въ соотвѣтствіи этихъ звуковъ въ одномъ извѣстномъ мнѣ корнѣ, употребляющемся двояко: *кг*еркготати—*дж*еркготати. Впрочемъ, по вопросу о смягченіи звука *кг* еще нужно ждать опредѣленнаго отвѣта отъ компетентныхъ филологовъ—спеціалистовъ.

к. рі*к* — *зват. п:* ро*ч*-е—*предл. п:* в ро*ц*-і.
бі*к* — „ „ бо*ч*-е — „ „ на бо*ц*-і.
дья*к*— „ „ дья*ч*-е [1]).
квіт*к*-а — — — *дат. и предл. п:* квіт*ц*-і.
лу*к*-а — — — „ „ „ „ лу*ц*-і.
т. е. к—ч—ц.

---

[1]) Что касается предложнаго падежа един. ч. одушевленныхъ предметовъ, то онъ почти всегда сходенъ съ дательн., о чемъ подробнѣе должна сказать этимологія.

х. ду*х* — *зват. п:* ду*ш*-е—*предл. п:* (по свьатім) ду*с*-і.
 горо*х* — „ „ горо*ш*-е— „ „ в горо*с*-і.
 му*х*-а — — — *дат. и предл. п:* му*с-і*.
т. е. х—ш—с.

Просмотрѣвши, такимъ образомъ, этотъ законъ смягченія въ падежныхъ окончаніяхъ, нужно обратить вниманіе еще на двѣ падежныя формы, представляющія, повидимому, уклоненіе отъ правила. А именно: въ указанныхъ только-что случаяхъ передъ *і* происходитъ смягченіе въ свистящіе звуки; между тѣмъ въ именит. пад. мн. ч., гдѣ въ славянскомъ языкѣ тоже стоитъ въ окончаніи *і* и гдѣ смягченіе является, малорусскій языкъ смягченія не обнаруживаетъ, потому что замѣняетъ окончательное *і* (острое) звукомъ *и* (среднимъ), напр: луг-и́, плуг-и́, рôк-и, бôк-и, дŷх-и и т. п. Явленіе такого отвердѣванія *і* въ *и* указано раньше [1]). Другой случай встрѣчи этихъ звуковъ съ *і* мы видимъ въ родит. пад. мн. ч. муж. р. и въ винит. пад. мн. ч. муж. р. предметовъ одушевленныхъ, гдѣ тоже смягченія не бываетъ (лу*г*-ів, плу*г*-ів, ро*к*-ів, бо*к*і-в, ду*х*-ів). Объясняется это тѣмъ, что въ данной формѣ *і* есть секундарное изъ *о* (овъ), которое, какъ было сказано, значительно тверже *і* секундарнаго изъ *ѣ*, вслѣдствіе чего съ нимъ легко сочетаются гортанные звуки. Поэтому, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ (какъ въ корняхъ словъ, такъ и въ производныхъ словахъ), гдѣ гортанный звукъ сходится съ секундарнымъ *і* изъ о, смягченія не бываетъ, напр: *к*іт (котъ), *к*інь (конь), *ґ*іркий (горькій), *ґ*інкий (гонкий), т*х*ір (тхоръ), батьківський (батьковскій), Ду*х*ів день (Духовъ день) и пр.

2) *Въ спряженіи*: Передъ *у* (ѫ) въ 1 л. ед. ч. наст. вр. и въ 3 л. мн. ч. охотнѣе смягчаются гортанные въ шипящіе звуки, но параллельно встрѣчаются и несмягченныя формы (особенно въ 1 л. ед. ч.), напр: мо*ж*-у—мо*г*-у; те*ч*-у—те*к*-ŷ; мо*ж*-уть, те*ч*-

[1]) См. главу „Характеръ малорусскаго вокализма“ (объ основномъ *і* и основномъ *и*).

уть [1]); сюда-же надо отнести причастную и прилагательную форму на *учий, учи* (*жщ*), гдѣ замѣчается еще менѣе устойчивости, напр: *біг-уча вода* и *біж-учи, пекуче сонце* и *печучи*, т. е. въ причастной формѣ (мало употребительной) смягченіе происходитъ, а въ прилагательной—его нѣтъ. Если въ только что разсмотрѣнныхъ спрягаемыхъ формахъ мы не видимъ полнаго постоянства въ смягченіи, за то найдемъ вполнѣ устойчивымъ этотъ законъ въ случаяхъ сочетанія гортанныхъ съ *е*, *и*; тутъ обязательно является смягченіе въ шипящіе звуки, напр: те*ч*-еш, мо*ж*-еш, бі*ж*-иш (біг-ти), те*ч*-и, льа*ж*-(и). пе*ч*-ений, наре*ч*-енний и пр.

Не вдаваясь въ подробности обозрѣнія другихъ случаевъ смягченія гортанныхъ, не представляющихъ такой очевидной послѣдовательности, какъ только-что указанные случаи, мы скажемъ только, что въ производныхъ словахъ и формахъ можно встрѣтить отъ основного гортаннаго звука и то, и другое смягченіе (шипящіе и свистящіе звуки), напр: га*к*—га*ч*-ок (гак-ькъ), ба*г*-нути—ба*ж*-ати, бі*г*-ати—бі*ж*-ати, ди*к*-ий—ди*ч*-авіти, ду*х*—ду*ш*-а, про*х*-ати— про*с*-ити—про*ш*-у. Надо замѣтить, что случаи смягченія въ шипящіе звуки встрѣчаются гораздо чаще, нежели въ свистящіе. Изъ послѣднихъ отмѣчу еще одинъ постоянный случай, а именно: въ существ. уменьшительныхъ дѣтскихъ, оканчивающихся на *ьа* (ѧ), всегда бываетъ смягченіе въ свистящіе звуки (но*з*-ьа, Бо*з*-ьа, би*ц*-ьа, ро*з*-ьа).

Зубные **д, т, з, с, ц.** Всѣ зубные звуки, какъ было указано уже, отличаются тѣмъ, что могутъ подвергаться прямой, непереходной смягчаемости, т. е. возможно послѣ нихъ прямо ставить *ь* (дь, ть, зь, сь, ць), при чемъ надо замѣтить, что послѣдніе три (свистящіе з, с, ц) въ малорусскомъ языкѣ особенно охотно употребляются въ прямомъ смягченіи. Это свойство зубныхъ принадлежитъ не исключительно малорусскому языку замѣчается, но и въ русскомъ, и въ церковно-славянскомъ языкахъ. Но будучи способны смягчаться прямо, зубные звуки, какъ извѣстно, въ церковно-славянскомъ и русскомъ

---

[1]) Случаевъ сочетанія звука *х* съ флексіями спряженія въ малорусскомъ языкѣ я не знаю, и кажется—ихъ нѣтъ совсѣмъ.

языкахъ въ производныхъ формахъ и словахъ, подъ вліяніемъ сочетанія съ *j*, подвергаются и переходному смягченію, а именно: *д*—въ славян. яз. въ *жд*, въ русскомъ—въ *ж* (во*д*-ити—во*жд*-ѫ—во*ж*-у); *т*—въ славян. яз. въ *шт* или *щ*, въ русскомъ—въ *ч* (свѣ*т*-ити—свѣ*шт*-а или свѣ*щ*-а—свѣ*ч*-а); *з*—и въ славян., и въ русск. яз. въ *ж* (во*з*-ити—во*ж*-ѫ—вож-у); *с*—и въ слав., и въ русск. яз.—въ *ш* (но*с*-ити—но*ш*-ѫ—но*ш*-у); *ц*—и въ славян., и въ русск. яз.—въ *ч* (конь*ц*-ь—конь*ч*-ати—кон*ч*-ать). Въ малорусскомъ языкѣ такое смягченіе тоже употребительно. хотя надо замѣтить, что въ говорахъ (въ Подольской губ., напримѣръ) встрѣчаются формы 1-го лица един. чис. наст. вр., обязательно смягчаемыя въ славян. и русскомъ языкахъ, и въ несмягченномъ видѣ, или—правильнѣе сказать—въ видѣ непереходнаго смягченія (*вóдьу* вм. во*ж*у, *хóдьу* вм. хо*ж*у; *крутьу* вм. кру*ч*у, *молотьу* вм. моло*ч*у; *вóзьу* вм. во*ж*у; *прóсьу* вм. про*ш*у; на *ц* нѣтъ случаевъ). Но такъ-какъ, повторяемъ, явленіе это встрѣчается только въ говорахъ, то мы обратимъ вниманіе на то, въ какихъ случаяхъ и въ какомъ видѣ бываетъ переходная смягчаемость зубныхъ въ малорусскомъ языкѣ.

Вообще нужно сказать, что виды смягченія зубныхъ звуковъ въ малорусскомъ языкѣ тѣ-же, что и въ русскомъ, а именно: *д—ж, т—ч, з—ж, с—ш, ц—ч;* но въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно замѣтить формы славянскаго смягченія: *д—жд* (во*д*-ити—на-во*жд*-енньа), *т—щ*(свьа*т*-ий—свьа*щ*-енник), что исключительно объясняется вліяніемъ церковной рѣчи.

Въ какихъ-же производныхъ формахъ являются указанныя смягченія? Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ *склоненіи* ни одинъ падежъ не даетъ смягченія зубныхъ, т. е. видимъ то-же, что свойственно и славянскому и русскому языкамъ. Что-же касается *спряженія*, то *—во 1-хъ,* бываетъ смягченіе всѣхъ зубныхъ при образованіи 1 лица ед. ч. наст. врем. (лаго*д*-ити—лаго*ж*-у, лу*д*-ити—лу*ж*-у, мару*д*-ити—мару*ж*-у; га*т*-ити—га*ч*-у, гні*т*-ити—гні*ч*-у, гурко*т*-ати—гурко*ч*-у; рі*з*-ати—рі*ж*-у, ма*з*-ати—ма*ж*-у;

голо*с*-ити—голо*ш*-у, ко*с*-ити—ко*ш*-у [1]); *во 2-хъ*, въ остальныхъ лицахъ того-же наст. врем. они смягчаются передъ *е* и *у* (3 л. мн. ч.), но никогда передъ *и* и *ьа* (гло*д*-ати - гло*ж*-еш—гло*ж*-уть, но во*д*-ити—во*д*-иш—во*д*-ьать; цоко*т*-ати—цоко*ч*-еш—цоко*ч*-уть, но другая форма—цоко*т*-иш—цоко*т*-ьать; ка*з*-ати — ка*ж*еш—ка*ж*-уть, но во*з*-ити—во*з*-иш—во*з*—ьать: че*с*-ати—че*ш*-еш—че*ш*-уть, но про*с*-ити—про*с*-иш—про*с*-ьать); *въ 3-хъ*, при образованіи прилагательной и причастной формы на *учий, учи* (жщ), *ачи* иногда не бываетъ переходнаго смягченія, а только прямое (ви*д*-ьушчий, си*д*-ьучи; ле*т*-ьучий, пле*т*-ьучи; во*зь*-*у*чи; про*сь*-*а*чи), иногда-же бываетъ (гло*ж*-учи, цоко*ч*-учи, ка*ж*-учи, пи*ш*-учи); но передъ *ачи* никогда не бываетъ переходнаго смягченія [2]); *въ 4-хъ*, при образованіи страдат. причастія на *ений* смягченіе тоже иногда бываетъ (обгло*ж*-ений, зага*ч*-ений, пони*ж*-ений, зко*ш*-ений). Не вдаваясь въ подробности обозрѣнія случаевъ смягченія въ производныхъ словахъ, мы укажемъ только примѣрами, что отмѣченныя формы смягченія всѣхъ зубныхъ согласныхъ повторяются и тутъ безъ всякихъ уклоненій, а именно: госпо*д*-иньа—госпо*ж*-а, горо*д*—горо*ж*-анин, сві*т*-ити—сві*ч*-ка, гру*з*-итя—погру*ж*-аті́, па*с*-ти́— па*ш*а, баране*ц*-ь—баран*ч*-ик, барильц-е—бариль*ч*-ина.

Изъ этого обзора случаевъ смягченія зубныхъ звуковъ видно, что въ малорусскомъ языкѣ очень мало замѣчается характерно-выдающагося, сравнительно съ русскимъ языкомъ; только и можно указать, какъ на особенность, па встрѣчающіеся въ говорахъ случаи непереходной смягчаемости тогда, когда въ русскомъ языкѣ, да и въ большинствѣ говоровъ малорусскаго, обязательна переходная смягчаемость, а именно: хо*дь*-у—хо*ж*-у; про*сь*у—про*ш*-у и пр.

Встрѣчается, впрочемъ, одинъ случай, повидимому тоже относящійся къ законамъ смягченія зубныхъ, который составляетъ ха-

---

[1]) На *ц* нѣтъ такихъ сочетаній, такъ какъ всѣ глаголы съ конечнымъ звукомъ *ц*, при образованіи настоящ. вр., не выбрасываютъ гласнаго соединит. звука: ма*ц*-*а*-ти—ма*ц*-*а*-йу, обі*ц*-*ьа*-ти—обі*ц*-*ьа*-йу.

[2]) Узнается это по спряженіямъ: въ 1-мъ спряженіи—переходное смягченіе, а во 2-мъ—непереходное.

рактерную особенность малорусской рѣчи, сравнительно съ великорусскою. Случай этотъ касается часто встрѣчающейся во всѣхъ говорахъ замѣны кореннаго звука *д* въ образованіи 1-го лица ед. числа наст. врем. звукомъ сложнымъ *дж* (лу*д*-ити—лу*дж*-у вм. лу*ж*-у; мару*д*-ити—мару*дж*-у вм. мару*ж*у; лаго*д*-ити—лаго*дж*-у вм. лаго*ж*-у и т. п.). Съ перваго взгляда можно признать, что это есть результатъ смягченія *д* въ *дж* [1]), но нѣкоторыя данныя, о которыхъ мы скажемъ ниже, заставляютъ причислить это явленіе не къ смягченіямъ, а къ переходу согласныхъ.

Изъ остальныхъ согласныхъ звуковъ малорусской рѣчи больше никакіе не подвергаются законамъ смягченія. Остается упомянуть еще о двухъ случаяхъ сложныхъ смягченій, совершенно однородныхъ съ такими-же случаями въ языкѣ русскомъ, а именно: *ск* и *ст* смягчаются въ *шч* (русское *щ*), напр: лу*ск*-а—лу*шч*-ити, та*ск*-ати—та*шч*-ити; хре*ст*-ити—хре*шч*-у, го*ст*-ити—го*шч*-у, гу*ст*-ий —гу*шч*-а, ма*ст*-ити—ма*шч*-у. Объяснить этотъ случай можно совершенно просто: 1) если *с* смягчается въ *ш*, а *к* смягчается въ *ч*, то *ск* должны смягчиться въ *шч*: 2) если *с* смягчается въ *ш*, а *т* смягчается въ *ч*, то *ст* можетъ смягчиться въ *шч*. Явленіе это можно объяснить и закономъ неполной ассимиляціи, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Б. Переходъ согласныхъ.

Отъ только-что разсмотрѣннаго закона смягченія согласныхъ звуковъ необходимо отличать другой законъ, имѣющій видимое сходство съ нимъ, это—законъ перехода согласныхъ, состоящій въ томъ, что нѣкоторые согласные звуки, встрѣчаясь въ образованіи формъ и словъ съ другими согласными, стоящими впереди ихъ, измѣняютъ свою

---

[1]) Вспомнимъ сказанное нами раньше, что этотъ звукъ *дж* въ малорусской рѣчи есть особый звукъ, для котораго слѣдовало-бы имѣть и особый знакъ—букву; онъ совершенно соотвѣтствуетъ *ч*, образовавшемуся изъ *тш*.

природу и обращаются въ иные звуки, иногда совсѣмъ не похожіе на первоначальные. Слѣдовательно, все отличіе этого закона отъ смягченія состоитъ въ томъ, что согласные звуки подвергаются измѣненіямъ не передъ мягкими гласными, а передъ согласными-же.

Приступая къ обзору случаевъ перехода согласныхъ звуковъ въ малорусскомъ языкѣ, считаемъ нужнымъ сказать предварительно, что надо различать въ языкѣ явленія *постоянныя*, или, собственно говоря, *законы перехода*, отъ явленій *случайныхъ*, *спорадическихъ*, которыя мы назовемъ *перебоемъ звуковъ* въ отдѣльныхъ словахъ, а иногда только въ говорахъ.

Сравнивая случаи перехода согласныхъ въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ съ однородными случаями въ языкѣ малорусскомъ, не трудно, увидѣть, что нѣкоторые изъ нихъ оказываются общими для этихъ языковъ, а нѣкоторые—исключительными, при чемъ одни свойственны языку русскому и совершенно отсутствуютъ въ малорусскомъ—и наоборотъ.

Начнемъ съ явленій, общихъ этимъ языкамъ и при томъ постоянныхъ, а не случайныхъ.

Наиболѣе распространенный и устойчивый законъ перехода согласныхъ въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, какъ извѣстно, касается звуковъ *д* и *т*, почти постоянно переходящихъ передъ *т* въ *с*, напр: ве*д*-у—ве*с*-ти, ѣ*д*-а—ѣ*с*-ть, пле*т*-у—пле*с*-ти, по-че*т*-ъ—по-че*с*-ть и т. п. Малорусскому языку этотъ законъ оказывается свойственнымъ въ такой-же мѣрѣ, напр: ве*с*-ти (ве*д*-у), йі*с*ти (йі*д*-а), бре*с*-ти (бре*д*-у), пле*с*-ти (пле-*т*у), ме*с*-ти (ме*т*-у), гне*с*-ти (гне*т*-у, гні*т*-ити).

Примѣчаніе. Какъ извѣстно, законъ аналогіи настолько бываетъ всегда силенъ въ языкахъ, что не рѣдки случаи совершенно неестественнаго образованія словъ, исключительно подъ вліяніемъ аналогичныхъ явленій. Такъ и въ данномъ случаѣ законъ аналогіи оказалъ свое дѣйствіе, образовавъ въ говорахъ такіе глаголы, какъ *плисти* (вм, *плити*) и *гнисти* (вм. *гнити*). Объяснить звукъ *с*, при корняхъ *пли* (рус: *плы*,

церк.-слав: *плу*) и *гни* (церк.-сл. и рус: *гни*), можно только желаніемъ языка подвести эти глаголы подъ аналогичныя формы, въ родѣ указанныхъ раньше (вести, брести, плести, мести и т. п.); но надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ въ малорусской рѣчи эти глаголы употребляются правильно (пли-ти, гни-ти).

Законъ перехода *д* и *т* въ *с*, передъ *т* обнаруживается въ малорусскомъ языкѣ въ такихъ словахъ, какъ: *безнапасний*, *безчесний*, *навісний*, которыя по принципу фонетическего письма надо написать безъ буквы *т* передъ *н*, всегда въ этомъ случаѣ выпадающей (*радіс-ний* вм. *радіст-ний*, *жаліс-ний* вм. *жаліст-ний*), о чемъ, слѣдовало-бы сказать ниже (въ главѣ о выпаденіи согласныхъ), но чтобы объяснить этотъ случай, я позволю себѣ забѣжать впередъ и одновременно здѣсь отмѣтить оба закона. Нельзя не видѣть, что и въ русскомъ языкѣ *т* въ такомъ положеніи тоже выпадаетъ, но принятое правописаніе (въ данномъ случаѣ не фонетическое, а этимологическое) не пропускаетъ совсѣмъ неслышнаго звука *т*, чѣмъ очень затрудняетъ обученіе грамотѣ[1]. Обращаясь къ указаннымъ раньше словамъ, мы видимъ: что корень перваго (безнапасний)—*пад*, откуда—*напад-ати*, а отсюда—*напас-ть* и *безнапас-ний* (вм. безнапа*стн*ий); корень второго (безчесний)—*чет* (*чьт*), откуда—русск. *почетъ*, а также малор. *честь* и *безчесний* (вм. безче*стн*ий); корень третьяго (навісний)—*від*, откуда—*на-віжений* (гдѣ *д* смягчилось въ *ж*), и *наві-сний* (вм. *навіст-ний*). Видя совершенно исчезнувшимъ срединный звукъ *т* и измѣнившимися въ *с* коренные *д* и *т*, можно было-бы, повидимому, установить такой законъ, что *д* и *т* передъ *н* переходятъ въ *с*; но этотъ выводъ былъ-бы вполнѣ неправиленъ, такъ какъ есть много словъ, въ которыхъ коренное *д* и *т*, сочетаясь въ образованіи словъ съ *н*, остаются безъ всякихъ измѣненій, напр: *безнашчадний,*

---

[1]) Всякому обучавшему русской грамотѣ дѣтей хорошо извѣстно, какъ долго приходится бороться съ правописаніемъ такихъ словъ, какъ радо*стн*ый, ужа*сн*ый; почти постоянно встрѣтишь ихъ написанными—радо*сн*ый, ужа*стн*ый, при чемъ въ 1-мъ случаѣ дѣйствіе оказала фонетика, а во 2-мъ—неумѣніе разобраться въ этимологическомъ принципѣ письма.

безодповiдний, *безпросвiтний*. Слѣдовательно, законъ этотъ придется формулировать такъ: *звуки д и т, сочетаясь съ т, переходятъ въ с*; при чемъ, если благодаря этому переходу, образуется сочетанiе *стн*, то срединное *т* выпадаетъ.

Этимъ однимъ закономъ перехода *д* и *т* въ *с* передъ *т* приходится и закончить обзоръ постоянныхъ и при томъ общихъ обоимъ языкамъ законовъ перехода, такъ какъ другой постоянный случай перехода въ русскомъ языкѣ оказывается отсутствующимъ въ малорусскомъ, а именно: замѣчается въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ постоянный законъ перехода согласныхъ звуковъ *гт* и *кт*, обращающихся (преимущественно въ образованiи неопредѣленнаго наклоненiя) въ церковно-славян. языкѣ въ *щ* (шт), въ русскомъ въ *ч*, напр: мо*чь*—мо*г*ть, стере*чь*—стере*г*-*ть*, бере*чь*—бере*г*-*ть*, те*чь* — те*к*-*ть*, пе*чь* — пе*к*-*ть*. Малорусскому языку этотъ законъ оказывается совершенно несвойственнымъ, что видно не только изъ такихъ случаевъ, какъ только что приведенные (мо*г*-*т*и, стере*г*-*т*и, бере*г*-*т*и, стри*г*-*т*и, те*к*-*т*и, пе*к*-*т*и), но и изъ того факта, что малорусскiй языкъ съ особенной охотой образуетъ глаголы съ сочетанiемъ въ окончанiи *кти*, *гти*, напр: одьа*г*-*ти* и одьа*г*-*ну*-*т*и, зви*к*-*т*и и зви*к*-*ну*-*ти*, витьа*г*-*т*и и витьа*г*-*ну*-*ти* и пр., чего русская рѣчь никакъ допустить не можетъ.

Остановимся теперь на тѣхъ *постоянныхъ* случаяхъ перехода согласныхъ въ малорусскомъ языкѣ, которые оказываются въ немъ *исключительными* по сравненiю съ русскимъ и церковно-славянскимъ языками. Начнемъ съ тѣхъ случаевъ, о которыхъ пришлось уже намъ говорить въ главѣ „О характерѣ малорусскаго консонантизма“, т. е. съ тѣхъ случаевъ перехода, которые вызываются въ малорусскомъ языкѣ стремленiемъ къ усиленiю гласнаго элемента въ словѣ. Такъ-какъ эти случаи нами были разобраны съ достаточной подробностью, то теперь мы повторимъ только главные выводы.

1) Звукъ *с*, какъ предлогъ и какъ приставка, обратился въ *з*. Что касается предлога *з*, то ни въ одномъ случаѣ не явится со-

мнѣнія въ произношеніи его, почему законъ перехода *с* въ *з* въ малорусскомъ языкѣ по отношенію къ предлогу можно считать вполнѣ устойчивымъ, а слѣдовательно—не представляющимъ затрудненія для правописанія. Нѣкоторое сомнѣніе въ произношеніи, а слѣдовательно—и въ правописаніи, какъ мы видѣли, представляетъ приставка *с*, тоже почти вездѣ обратившаяся въ *з*. Въ главѣ „характеръ малорусскаго консонантизма", говоря объ этой приставкѣ, мы высказали одно положеніе, которое—признаемся—на первый взглядъ кажется мало уловимымъ, но по нашему мнѣнію, вполнѣ подтверждающимся фактами и настойчивыми наблюденіями. Вотъ это положеніе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ всякая приставка является вполнѣ очевидной, играя только роль выразителя оттѣнка дѣйствія, обусловливаемаго видомъ глагола; въ другихъ—она настолько тѣсно связывается съ словомъ, что не имѣетъ очевидности и придаетъ иногда совсѣмъ новое значеніе слову. Исходя изъ этого положенія и просмотрѣвъ цѣлый рядъ фактовъ, заимствованныхъ нами изъ словаря, мы сдѣлали такой выводъ 1) если приставка *с* выполняетъ роль очевидной приставки, то *она передъ всѣми звуками, даже передъ к, п, т, х*, представляющими наиболѣе сомнѣній въ произношеніи, *переходитъ въ з*, напр: *зб*ігти, *зв*озити, *зг*оріти, *зкг*ьлакгатисьа, *зд*увати, *зж*олобитисьа, *зз*ивати, *зй*еднати, *зк*рутити, *зл*ітати, *зм*азати, *зн*ести, *зп*адати, *зр*обити, *зс*унути, *зт*оргувати, *зх*овати, *зц*іпити, *зч*авити, *зш*ивати; 2) если приставка *с* тѣсно связана съ словомъ и не имѣетъ очевидности, то *она нигдѣ не переходитъ въ з*, напр: *с*відомий (корень від=вѣд), *ск*лад (кор: клад—отъ котораго глаголъ получится съ очевидной приставкой *з*класти); *с*мерть (кор: мер=мьр), *с*праведливий (кор: прав), *с*родник (кор: род), *с*частьа (кор. част).

Примѣчаніе 1. Въ русскомъ языкѣ въ произношеніи иногда слышится тоже переходъ приставки *с* въ *з* (передъ звучными), напр: *з*дѣлать,—но это объяснить тамъ надо закономъ неполной ассимиляціи; въ малорусскомъ-же языкѣ этотъ переходъ, какъ видимъ, ничего общаго съ ассимиляціей не имѣетъ и объясняется, какъ было указано уже, стремленіемъ языка къ усиленію гласнаго элемента въ словѣ.

Примѣчаніе 2-ое. Въ нѣкоторой связи съ только-что разсмотрѣннымъ закономъ находится тотъ случай перехода въ русскомъ языкѣ, по которому звукъ *з* въ приставкахъ *раз, воз, из, низ* всегда переходитъ въ *с* передъ *к, п, т, х,* а нѣкоторыя грамматики принимаютъ этотъ переходъ и передъ *ч, ш, щ* и *ц*. Въ главѣ „о характорѣ малорусскаго консонантизма" намъ пришлось остановиться на этомъ вопросѣ довольно подробно, почему, не повторяя сказаннаго, мы теперь подведемъ только итоги всего касающагося этого закона въ малорусскомъ языкѣ. Въ соотвѣтственныхъ малорусскихъ приставкахъ *роз, воз, із* (приставки *низ* совсѣмъ нѣтъ въ малорусскомъ языкѣ) можно, кажется, принять за общее правило, что звукъ *з* никогда не переходитъ въ *с* передъ указанными буквами *к, п, т, х,* не говоря уже о *ч, ш* и *ц;* если и можно найти нѣсколько словъ съ приставкой *воз,* въ которыхъ произошла замѣна *з* звукомъ *с* (вос-крешати, вос-питувати), то это объясняется очевиднымъ церковнымъ или русскимъ происхожденіемъ этихъ словъ въ малорусскомъ языкѣ.

2) Совершенно такого-же характера и второй случай перехода, вызываемый тоже стремленіемъ языка къ полногласности, т. е. къ замѣнѣ отзвучныхъ согласныхъ звучными; случай этотъ — замѣна *т* звукомъ *д* въ предлогѣ *отъ=од, від,* и въ приставкѣ *от=од, від*. Напр: о*д*бивати (о*т*бивать), ві*д*важитись (о*т*важиться), ві*д*говорити (отговорить) и т. д.—передъ всѣми звуками. (См. главу „Характеръ малорусскаго консонантизма").

Примѣчаніе. Сверхъ только-что указаннаго случая перехода *т* въ *д*, встрѣчается то-же явленіе въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ (сва*д*ьба—сва*т*ати, хотя болѣе употребительно *весіллья*), но тамъ объясняется это закономъ ассимиляціи, почему мы скажемъ объ этомъ дальше.

3) Въ связи съ только-что указанными законами перехода согласнаго *с* въ *з* и *т* въ *д* находится и третій случай перехода, разобранный нами раньше (см. главу „Характеръ малорусскаго консонантизма"), вызывающійся тѣмъ-же стремленіемъ языка къ полно-

гласности. Случай этотъ—переходъ *л* въ *в*, что, какъ мы видѣли, бываетъ: а) въ прошедшемъ времени муж. р., гдѣ образованіе формы съ родовыми окончаніями, чего въ спряженіи вообще не бываетъ, объясняется церковно-славянскимъ языкомъ, указывающимъ, что русское, а равно и малорусское, прошедшее время произошло отъ церковно-славянскаго прошедшаго описательнаго (состоящаго изъ причастія несклоняемаго съ окончаніемъ *лъ*, *ла*, *ло* и вспомогательнаго глагола въ наст. вр.—есмь, еси и т. д.). Такимъ образомъ, основное окончаніе малорусскаго прошедшаго времени, потерявшаго вспомогат. глаголъ, а оставившаго только указанное причастіе, должно быть *л*, *ла*, *ло*; но окончаніе *л*, не поддержанное гласнымъ звукомъ на концѣ, обратилось въ *в*, чѣмъ, какъ мы указали раньше, достигается пополненіе гласнаго элемента въ словѣ, напр: носи*в* (носи*лъ*), ходи*в* (ходи*лъ*), вози*в* (вози*лъ*) и пр.; б) въ корняхъ словъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ было *лъ*, а въ русскомъ *ол*,—тоже *л* замѣнилось *в*, напр: по*в*к (по*л*къ), по*в*ний (по*л*ный), сто*в*б (сто*л*бъ), во*в*к (во*л*къ), жо*в*тий (же*л*тый).

Обратимся теперь къ тѣмъ случаямъ перехода, которые не представляютъ такой устойчивости, какая замѣчалась въ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ, и опредѣлимъ, въ какихъ изъ нихъ должно отдать преимущество фонетическому началу предъ словопроизводственнымъ, а въ какихъ—нѣтъ. Мы безусловно хотимъ здѣсь придержаться того принципа, какой нами высказанъ раньше, а именно: слѣдовать фонетикѣ тогда, когда несомнѣнно она беретъ перевѣсъ въ образованіи словъ, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является фонетика сомнительной, удержать въ правописаніи словопроизводство. Мы расположили эти случаи въ порядкѣ наиболѣе частой встрѣчи ихъ въ языкѣ.

1) Наиболѣе часто встрѣчается въ малорусскомъ языкѣ случай перехода нѣкоторыхъ согласныхъ при образованіи прилагательныхъ съ суффиксомъ *скій*, звучащимъ по малорусски—*ськии*, существи-

тельныхъ съ суф. *ство*, тоже звучащимъ *сьтво*, и глагольныхъ формъ съ окончаніемъ *сьа* (*ся*). Нужно замѣтить при этомъ, что представляя много затрудненій въ правописаніи, случай этотъ соединяетъ въ себѣ, кромѣ закона перехода, еще и законы смягченія, выпаденія и неполной или даже полной ассимиляціи, въ виду чего мы разберемъ его поподробнѣе, затронувши сразу и эти побочные законы.

Начнемъ съ того, что, при образованіи въ русскомъ языкѣ прилагательныхъ съ суффиксомъ *скій* и существительныхъ съ суффиксомъ *ство*, нѣкоторые конечные согласные основы требуютъ посредствующаго гласнаго звука *е* (*ѣ*), служащаго соединительнымъ гласнымъ, вслѣдствіе чего происходитъ смягченіе ихъ, а именно: *г* — друг-*е-ство*, друг-*е-скій* — дру*ж-е-ство*, дру*ж-е-скій*; *к* — человѣ*к-е-скій*, человѣ*к-е-ство*—человѣ*ч-е-скій*, человѣ*ч-е-ство*; *х*—скоморо*х-е-скій*, скоморо*х-е-ство*—скоморо*ш е-скій*, скоморо*ш-е-ство*. Русскій языкъ въ большинствѣ случаевъ на этомъ и останавливаетъ измѣненія словъ; но малорусскій пошелъ гораздо дальше, и вотъ вслѣдствіе чего: во 1-хъ, суффиксы эти, какъ было указано уже, имѣютъ мягкое *с*—*ський*, *сьтво*; во 2-хъ, вставочный гласный не *е*, а его первообразъ *ь*; въ 3-хъ, кромѣ этихъ звуковъ *г*, *к*, *х* и происшедшихъ отъ нихъ *ж*, *ч*, *ш*, требуется означенная вставка *ь* и послѣ звука *т*. Отъ этихъ трехъ причинъ и зависятъ всѣ послѣдующія измѣненія, а именно: *г*, *к*, *х* и *т* смягчаются передъ *ь* въ *ж*, *ч*, *ш* и *ч* (см. смягченіе согласныхъ), т. е. въ звуки шипящіе, не могущіе быть мягкими (см. тамъ-же), почему слѣдующій за ними *ь* долженъ выпасть, какъ не имѣющій силы (запоро*г-ь-ський*—запоро*ж-ський*; коза*к-ь-ський*, коза*к-ь-сьтво*—коза*ч-ський*, коза*ч-сьтво*; Воло*х-ь-ський*—Воло*ш-ський*; бага*т-ь-сьтво*—бага*ч-сьтво*). Далѣе происходитъ смягченіе черезъ вліяніе, благодаря мягкому *сь*, т. е. *ж*—*з*, *ч*—*ц*, *ш*—*с*, *ч*—*ц*, вслѣдствіе чего одновременно получается законъ неполной ассимиляціи, т. е. свистящій *с* обращаетъ стоящій рядомъ съ нимъ шипящій въ соотвѣтственный свистящій (запоро*ж-ський* — запоро*з-ський*; коза*ч-ський*, коза*ч-сьтво* — коза*ц-ський*, коза*ц-сьтво*,

Волош-*ський* — Волос-*ський*; багач-*ство* — багац-*ство*). А затѣмъ вполнѣ естественно является полная ассимиляція, при чемъ предшествующіе свистящіе *з*, *ц* обращаютъ послѣдующій *с* тоже въ *з* и *ц* (отъ *ш* получилась и безъ того полная ассимиляція въ *сс*), т. е. *ззький*. *цицький*, *цицьтво* и т. д., при чемъ одинъ изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ выпадаетъ. Такимъ путемъ образовались формы: запоро*зький*, коза*цький*, коза*цьтво*, Воло*ський*, на*ський* (изъ на*шський*), ва*ський* (изъ ва*шський*), бага*цьтво*. Такимъ образомъ, этотъ законъ перехода можно выразить такъ: *г*, *к*, *х* и *т* и происходящіе отъ нихъ *ж*, *ч* и *ш*, а равно и *з*, *ц*, *с*, въ соединеніи съ суффиксами *ський* и *ство* обращаются въ сокращенные суффиксы — *зький*, *цький*, *цьтво*, *ський*, *сьтво*, что мы и предлагаемъ сохранить на письмѣ, т. е. писать: *запорозький*, *купецький*, *купецьтво*, *парубоцьтво*, *богацьтво*, *волоський*, *наський*, *васький*, *птасьтво*, *товарисьтво* и проч.

Примѣчаніе. Въ связи съ указаннымъ закономъ находится образованіе одного извѣстнаго намъ слова *Різдво* и производнаго *різдвйаний*, гдѣ настолько сильно измѣнилось слово, что трудно теперь съ точностью опредѣлить, какіе законы повліяли на образованіе слова *Різдво* изъ Рождество. Не настаивая на достовѣрности, можно сдѣлать такое предположеніе: 1) въ словѣ *Рождсьтво* прежде всего коренное *о* для усиленія гласнаго элемента обратилось въ *і* — Ріждсьтво; 2) двойная мягкость *дсь* заставила *ж* смягчиться въ *з* — Різдсьтво; 3) затѣмъ *з*, ассимилируя близкій къ нему *с* притянуло къ себѣ его, вслѣдствіе чего *д* приблизилось къ *т* и тоже ассимилировало его — *Різзьддво*, а затѣмъ произошло вполнѣ естественное опущеніе двойныхъ звуковъ — *Різьдво*, а также *Різдво* — съ отвердѣвшимъ *з*.

Что-же касается глагольныхъ формъ съ окончаніемъ *сьа*, то хотя во 2-мъ лицѣ ед. числа сочетаніе *шсьа* въ произношеніи почти приближается къ *ссьа*, а въ 3-мъ лицѣ един. и мн. числѣ сочетаніе *тсьа* почти приближается къ *цьа*, но, во 1-хъ, въ виду не вполнѣ яснаго произношенія, а во 2-хъ, въ виду слишкомъ боль-

шой очевидности въ образованіи этихъ формъ, мы полагали-бы болѣе правильнымъ удержать *шсьа*, *тсьа*, т. е. писать: *возишсьа*, *носишсьа*, *возитсьа*, *носитсьа*, *возьатсьа*, *носьатсьа*.

2) Въ русскомъ языкѣ, а особенно въ нѣкоторыхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ, встрѣчаются часто слова, въ которыхъ звукъ *ч*, сочетаясь съ нѣкоторыми согласными (чаще всего съ *н* и *т*), обращается въ *ш* (коне*ш*-но, подсвѣ*ш*-никъ, по*ш*-тенный), хотя въ правописаніи принято въ этихъ случаяхъ держаться словопроизводства, почему и пишутъ—коне*ч*-но; подсвѣ*ч*-никъ, по*ч*-тенный. Въ малорусскомъ языкѣ фонетика въ аналогичныхъ случаяхъ представляетъ нѣкоторое колебаніе, почему и встрѣчаются написанными слова: сма*ч*ний и сма*ш*ний, безпе*ч*ний и безпе*ш*ний. Чтобы установить болѣе прочно правописаніе въ этихъ случаяхъ, мы обратимся къ фактамъ сочетанія звука *ч* со всѣми согласными и остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые представляютъ сомнѣніе. Оказывается, что сомнѣніе является главнымъ образомъ въ 3-хъ случаяхъ: 1) въ сочетаніи *ч* съ *н* (сма*ч*-ний, безпе*ч*-ний, помі*ч*-ник, сві*ч*-ник, которые слышатся и съ звукомъ *ш*—сма*ш*-ний, безпе*ш*-ний и т. д.); 2) въ сочетаніи *ч* съ *т* (*ч*тири, по*ч*тивий, которые тоже слышатся и съ *ш*); 3) въ сочетаніи *ч* съ *ч* (въ словахъ съ суффиксомъ *чина*—Туре*ч*чина, Німе*ч*чина, коза*ч*чина, которые болѣе другихъ слышатся съ *ш*—Туре*ш*чина, Німе*ш*чина). Первый и второй случаи—сочетаніе съ *н* и *т*,—какъ менѣе сомнительные, въ виду очевиднаго склоненія въ произношеніи къ звуку *ч*, не представляли-бы особеннаго затрудненія для того, чтобы принять за правило писать, руководствуясь словообразованіемъ; третій же случай—сочетаніе *чч*—болѣе всего представляется колеблющимся. Выйти изъ этого сомнѣнія можно было-бы сразу, опираясь на высказанное нами раньше общее положеніе: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ фонетика представляетъ колебанія, руководствоваться словообразованіемъ. Но чтобы еще болѣе имѣть въ данномъ случаѣ опоры для такого правописанія, мы прибѣгнемъ къ сравненію, а именно: во всѣхъ аналогичныхъ сочетаніяхъ, гдѣ по словопроизводству должно явиться не *ч*, а *ш*, это *ш* слышится совершенно отчетливо, безъ всякихъ колебаній и

сомнѣній, напр: спі*ш*ний (срав: успі*х*—*х* смягч. въ *ш*), смі*ш*-ний (срав: смі*х*), Воло*ш*-чина (срав: Воло*х*). Вотъ почему мы предлагаемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по образованію слова должно получиться *ч*, сохранить его и на письмѣ (о случаѣ сочетанія *ч* съ *с* было сказано только-что отдѣльно), а слѣдовательно—закона перехода *ч* въ *ш* передъ согласными *н*, *т* и *ч* въ малорусскомъ языкѣ не существуетъ.

3) Въ главѣ о смягченіи согласныхъ, говоря о смягченіи зубныхъ, намъ пришлось вскользь упомянуть о томъ, что изъ звука *д* въ малорусскомъ языкѣ иногда получается въ говорахъ *дж* (ра*д*-ити—ра*дж*-у, мару*д*-ити—мару*дж*у и т. п.); тамъ мы не признали этого случая результатомъ смягченія, а отнесли его къ случаямъ перехода. Теперь мы остановимся на немъ подробнѣе и укажемъ причины, заставляющія считать это явленіе результатомъ закона перехода согласныхъ.

Съ перваго разу можетъ показаться вполнѣ естественнымъ, что если отъ звука *т* путемъ смягченія его получается *ч*=*тш* (сві*т*-ити—сві*ч*-а), то отъ однороднаго звука *д* тѣмъ-же путемъ смягченія можетъ получиться *дж*, для котораго въ малорусскомъ языкѣ, подобно сербскому, слѣдовало-бы имѣть особое начертаніе. Но во 1-хъ, если-бы это былъ законъ смягченія, то онъ какъ и всѣ законы смягченія, былъ-бы болѣе устойчивъ, а не встрѣчался только въ говорахь (хотя и довольно часто, но все-же смягченіе *д* въ *ж* есть преобладающая форма, подобно *т* въ *ч*); во 2-хъ, мы видимъ довольно много словъ, въ которыхъ *дж* является не изъ *д*, а изъ *ж*, и слѣдовательно—ничего общаго съ закономъ смягченія зубного *д* не имѣютъ (*дж*ерело вм. *ж*ерело, *дж*ура вм. *ж*ура, *дж*икгун вм. *ж*икгун и т. п.). Значитъ, можно установить такой законъ: въ говорахъ, и при томъ очень многихъ, иногда *ж* переходитъ въ *дж*, напр: *дж*урчати вм. *ж*урчати, *дж*аворонок вм. *ж*аворонок, *дж*еркготати вм. *ж*еркготати (при чемъ встрѣчается еще чаще форма *кг*еркготати), *дж*ук вм. *ж*ук (въ галицкихъ говорахъ—см. Ogonowski „Studien..., стр. 75). А отсюда ясно, что и *д*, смягчившись въ *ж*, можетъ дать отъ себя форму *дж* путемъ того-же перехода.

Остается теперь рѣшить, всегда-ли нужно сохранять на письмѣ этотъ случай перехода? Мы думаемъ, что въ виду несомнѣннаго преобладанія формы *ж* въ спряженіи глаголовъ передъ формою *дж*, слѣдуетъ принять за правило писать всегда *ж* (во*ж*-у, хо*ж*-у, мару*ж*-у и т. д.); что-же касается корней словъ, то можно писать и *ж*, и *дж*, смотря по распространенности даннаго слова съ такимъ или инымъ произношеніемъ. Такъ напримѣръ: вполнѣ естественно увидѣть написаннымъ слово *дж*икгун, которое въ большинствѣ мѣстностей такъ и звучитъ, но было-бы неправильно писать *дж*ук, *дж*аворонок (вм. *ж*ук, *ж*айворонок), когда они съ такимъ произношеніемъ встрѣчаются въ незначительномъ районѣ. Окончательно установить въ этомъ случаѣ, какія именно слова писать такъ, а какія иначе, можетъ только словарь, долженствующій, на основаніи фактическихъ данныхъ, обозначить, какая форма является преобладающей.

4) Если, какъ только-что было указано, звукъ *ж* можетъ переходить въ *дж*, то естественно встрѣтить такой-же переходъ соотвѣтственнаго ему свистящаго звука *з* въ *дз*, для котораго, какъ мы сказали раньше, слѣдовало-бы въ малорусскомъ алфавитѣ имѣть особое начертаніе. Нужно замѣтить, что случай этого перехода *з* въ *дз* гораздо болѣе распространенъ, нежели *ж* въ *дж*, такъ-какъ многія слова съ кореннымъ *з* почти всегда и вездѣ слышатся въ формѣ *дз*, напр: *дз*він, *дз*вонити и пр. (*з*вонъ), *дз*еркало (*з*еркало), *дз*ьобати и пр.; а въ отдѣльныхъ говорахъ встрѣчается, конечно, еще больше такихъ случаевъ: *дз*візда—*з*візда (чаще встрѣчается зорья, зірка), *дз*вірь—*з*вірь, *дз*елізо—*з*алізо (спорадическій случай перехода *ж* въ *з*), *дз*ерно—*з*ерно и т. д. (См. Miklosich „Vergleich. Gram..., I т., стр. 448 и Ogonowski „Studien..., стр. 72). Признавая этотъ переходъ *з* въ *дз*, мы конечно, предлагаемъ въ правописаніи руководствоваться тѣмъ-же, чѣмъ и въ законѣ перехода *ж* въ *дж*, т. е. распространенностью даннаго слова съ такимъ или инымъ произношеніемъ, что окончательно тоже можетъ установить только словарь. При случаѣ теперь вспомнимъ еще одинъ фактъ встрѣчи *дз*, о которомъ мы говорили предположительно, раз-

сматривая законъ смягченія гортанныхъ, и именно—*г* и *кг*. Какъ мы сказали тогда, случай этотъ не поддается наблюденію, въ виду слишкомъ малаго количества словъ съ конечнымъ кореннымъ звукомъ *кг*, но, какъ кажется, въ случаѣ смягченія онъ даетъ отъ себя *дз*, напр: кгирли*кг*-а—кгирли*дз*-і. Если это такъ, то весьма вѣроятно, что и тутъ нѣтъ закона смягченія *кг* въ *дз*, а переходъ *з* (получившагося, какъ смягченіе *кг*) въ *дз*.

Примѣчаніе. Если *з* переходитъ въ *дз*, то нѣтъ ничего удивительнаго, если мы въ говорахъ (впрочемъ—очень рѣдко) встрѣчаемъ переходъ соотвѣтственнаго ему *с* въ *ц*=*тс*. Не признавая этого закона постояннымъ и потому могущимъ влiять на правописаніе, мы отмѣтимъ только одно слово *цей*, *цьа*, *це* (со всѣми измѣненіями его по склоненіямъ), въ которомъ настолько прочно установился этотъ переходъ, что почти вытѣснилъ основную форму—*сей*, *сьа*, *се*, почему мы и предлагаемъ руководствоваться въ правописаніи его фонетикой. Что-же касается говоровъ, то тамъ можно встрѣтить: *ц*ело вм. *с*ело (Галиц.), при*ц*ьага вм. при*с*ьага (Буковин.) (См. Ogonowski „Studien... стр. 71).

5) Г. Огоновскій въ указанномъ только-что своемъ изслѣдованіи отмѣчаетъ случай перехода мягкаго *т*=*ть* въ мягкое *ц*=*ць*. (См. стр. 77). Дѣйствительно, въ очень немногихъ словахъ переходъ этотъ замѣтенъ, наприм: трьа*сть*а—трьа*сць*а (лихорадка); но въ этомъ словѣ переходъ этотъ настолько окрѣпъ, что не можетъ почти представлять сомнѣнія въ правописаніи, такъ-какъ въ громадномъ большинствѣ мѣстностей слышится *ць*, а не *ть*, при чемъ и въ склоненіи вездѣ удерживается *ц*; прибавимъ только, что въ этой формѣ слово *трьасцьа* сложилось съ давнихъ поръ, такъ какъ въ Словѣ Даніила Заточника, изданномъ Ундольскимъ по списку XV вѣка, находимъ: „то луче бы ми тря*сц*ею болѣти“, или—„тря*сц*а бо тряс пустит“. Что касается другого слова, приводимаго г. Огоновскимъ, в мі*ст*і—в мі*сц*і (въ городѣ), то мы, признавая этотъ переходъ, позволимъ себѣ не согласиться съ почтеннымъ филологомъ въ одной, очень существенной впрочемъ, част-

ности. Въ малорусскомъ языкѣ есть двѣ формы этого слова, обнаруживающія указанный переходъ—*місто* и *місце*, при чемъ, какъ намъ кажется, первая форма имѣетъ два значенія—*городъ* и *мѣсто*, а вторая только одно—*мѣсто*. Оба слова, *місто* и *місце*, склоняются безъ перехода *т* и *ц*, такъ что предложный падежъ будетъ отъ *місто—в місті*, а отъ *місце—в місці*. Поэтому, въ виду существованія этихъ двухъ словъ, можно считать правильной и ту, и другую форму склоненія—и съ *т*, и съ *ц*.

6) Замѣчается во многихъ, и очень отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстностяхъ (Полтав. губ. и Гуцульщина) замѣна въ нѣкоторыхъ словахъ звука *тъ* (чаще всего (*ті*) звукомъ *к* (*кі*), напр: *т*істо — *к*істо, *т*існий — *к*існий, *вт*ішитисьа — *вк*ішитисьа, *т*іло—*к*іло и т. п. Равнымъ образомъ, можно въ говорахъ встрѣтить и замѣну соотвѣтственнаго звука *д* звукомъ *кг*, напр: *д*ід — *кг*ід, *д*іло—*кг*іло, *д*івка — *кг*івка (Галицк. см. Ogonowski „Studien... стр. 77), а равно встрѣчающееся и у насъ изрѣдка *кгл*ьа вм. *дл*ьа. Отмѣчая эти факты перехода въ говорахъ звуковъ *т* и *д* въ *к* и *кг*, мы считаемъ болѣе правильнымъ придерживаться въ письмѣ преобладающей формы и потому всегда писать, сохраняя *т* и *д*.

7) Звуки *л* и *р*, какъ принадлежащіе къ одной группѣ плавныхъ звуковъ, естественно могутъ переходить одинъ въ другой (сравни: *зеленый* и нѣмец. *grün*), что и обнаруживается въ малорусскомъ языкѣ въ отдѣльныхъ словахъ. А именно: *р* перешло въ *л*, напр: *р*имарь (нѣм. *Riemer*) со всѣми производными обратилось въ *л*имарь съ производными, при чемъ въ языкѣ почти одинаково употребительна и та, и другая формы; *р*ыцарь—*л*ицарь (послѣдняя форма преобладаетъ); *р*апортъ—*л*епорт (послѣдняя форма преобладаетъ); сереб*р*о, среб*р*о (слав: срѣб*р*о)—сріб*л*о, при чемъ полногласная форма *серебро* хотя и рѣже, но встрѣчается въ малорусскомъ языкѣ, а преобладающая неполногласная — *срібло* — почти всегда стоитъ съ замѣной *л*; *р*еестровый—*л*ейстровий (1-ая неупотреб.); п*р*игати—п*л*игати (послѣдняя преобладаетъ, особенно въ однократномъ видѣ: п*л*игнути, такъ какъ несовершенный видъ выражается чаще глаголомъ *скакати*); ци*л*ьурник (перед. *chirurgus*);

па*л*амарь (передѣлан. παραμονάριος) См. Miklocich. Vergl. gram. т. I, стр. 445). Въ говорахъ этихъ случаевъ можно найти гораздо больше (ма*р*мур — ма*ль*мур, ребро — ре*бл*о, о*р*ендарь — о*л*ондарь (см. Ogonowski, стр. 70), но они въ разсчетъ при установленіи правописанія войти не могутъ. Что касается перехода *л* въ *р*,— то онъ сравнительно гораздо рѣже и встрѣчается почти исключительно въ говорахъ, напр: шче*л*ина—шче*р*ина (Ogonowski, стр. 70).

8) При образованіи многихъ словъ, мягкое *н* (нь) переходитъ въ *й*, напр: со*нь*ашник—со*й*ашник, па*нь*матчин—па*й*матчин. Чаще всего это наблюдается въ галицкихъ говорахъ при образованіи словъ съ суффиксами *енький*, *енько*, *онько*, *онька*, напр: біле*нь*кий—біле*й*кий, веселе*нь*кий—веселе*й*кий, дружбо*нь*ко—дружбо*й*ко, ноче*нь*ка—ноче*й*ка (Miklos. „Vergl. gr., т. I, стр. 446), діво*нь*ка—діво*й*ка и пр.

9) Выше мы отмѣтили тотъ фактъ, что звукъ *л* довольно часто стремится перейти въ *в* для прибавки гласнаго элемента въ словѣ (см. стр. 35), напр: по*л*къ—по*в*к, ходи*л*ъ—ходи*в*. Однако факты показываютъ, что законъ этотъ не исключаетъ и обратнаго явленія, а именно: перехода основного *в* въ *л*, напр: с*в*обода—с*л*обода, ос*в*ободити ос*л*обонити, а въ говорахъ—и еще въ нѣсколькихъ словахъ—*л*апно вм. *в*апно, с*л*аволити вм. с*в*аволити (Ogonowski „Studien...“, стр. 80). Вполнѣ признавая эти факты, мы думаемъ однако, что употреблять на письмѣ эту замѣну звуковъ нужно съ большой осторожностью, развѣ мы видимъ несомнѣнно окрѣпшее въ языкѣ слово въ такой формѣ, напр: ос*л*обонити вм. ос*в*ободити. Чѣмъ-же однако объяснить эти факты? Мы думаемъ, что если въ языкѣ для усиленія гласнаго элемента *л* обращается въ *в*, то обратное явленіе логически можетъ сказаться только тогда, когда въ словѣ этотъ гласный элементъ и безъ того, по самому словообразованію, достаточно силенъ, что, кажется, и подтверждается вполнѣ приведенными фактами: *освободити*, *свобода*, *сваволити*, въ которыхъ гласный элементъ если не преобладаетъ, то вполнѣ уравновѣшенъ съ согласнымъ, а какъ мы раньше сказали, звукъ *в* въ малорусской рѣчи настолько звученъ, что почти приближается къ *у*.

10) Въ говорахъ, и то въ очень немногихъ словахъ, замѣчается еще фактъ перехода *в* въ *м*, въ случаѣ сочетанія его съ *н*, напр: рі*в*ний—рі*м*ний, рі*в*ньати—рі*м*ньати; но эти случаи такъ рѣдки, что при установленіи правописанія ихъ брать въ разсчетъ не стоитъ.

11) Отмѣтимъ еще одинъ спорадическій случай довольно рѣзкаго перехода звуковъ въ малорусскомъ словѣ *бджола* (изъ пчела) со всѣми производными. Еще въ Изборникѣ Святослава 1073 года встрѣчаемъ это слово написаннымъ *бъчела*, что считается примѣтой южно-русскаго говора. Не вдаваясь въ разборъ исторіи слова, мы отмѣчаемъ только этотъ фактъ, такъ какъ видимъ въ немъ обозначеніе первой ступени перехода согласнаго *п* въ *б*, что находится въ связи съ указаннымъ нѣсколько разъ стремленіемъ замѣнять отзвучные согласные звучными (п—отзвучный, б—звучный); при чемъ и слѣдующій отзвучный *ч*, не имѣющій вполнѣ соотвѣтственнаго звучнаго, обратился въ ближайшій звучный *ж* (ч = тш, а отзвучному *ш* соотвѣтствуетъ звучный *ж*), и такимъ образомъ явилась форма *бжола* (*е* послѣ шипящихъ охотно обращается въ *о*—см. Характеръ малорусскаго вокализма). Затѣмъ *ж* перешло въ *дж* (см. выше), отчего и получилась чаще всего встрѣчаемая форма *бджола*, *бджольаний*, *бджілочка* и пр.

Закончивъ обзоръ согласныхъ звуковъ, подвергающихся закону перехода, мы должны сдѣлать оговорку, что и не задавались цѣлью указать всѣ частные случаи этого закона, проявляющіеся то въ отдѣльныхъ говорахъ, то въ отдѣльныхъ словахъ. Мы хотѣли остановиться на болѣе выдающихся изъ нихъ, разсчитывая, что въ частностяхъ единственнымъ указателемъ для правописанія отдѣльныхъ словъ можетъ служить только словарь, а никакъ не грамматика, такъ какъ только словарь даетъ фактическія указанія района распространенія слова въ той или другой формѣ, на что намъ и приходилось уже ссылаться нѣсколько разъ.

В) *Ассимиляція согласныхъ.*

Законъ ассимиляціи согласныхъ, свойственный всѣмъ языкамъ, очень близокъ къ только-что разсмотрѣнному закону перехода согласныхъ. Отличіе перваго отъ послѣдняго обусловливается тѣмъ, что при ассимиляціи одинъ звукъ обращается въ другой, стремясь уподобиться въ чемъ-нибудь своему сосѣду, а при чистомъ переходѣ этого стремленія нѣтъ совсѣмъ. Но въ чемъ-же можетъ уподобиться одинъ звукъ другому? Ясно, что самое большее уподобленіе будетъ тогда, когда одинъ звукъ становится такимъ-же, какъ и его сосѣдъ, почему такіе случаи и называются *полной ассимиляціей*; если-же одинъ только отчасти по своей природѣ приближается къ другому, то уподобленіе это обнаруживается въ меньшей степени, почему случаи такіе и носятъ названіе *неполной ассимиляціи*.

Обратимся сначала къ случаямъ полной ассимиляціи.

I. *Полная ассимиляція и удвоеніе согласныхъ.*

Очевидно, что, разсматривая случаи полной ассимиляціи, мы одновременно встрѣчаемся и съ случаями удвоенія одной изъ согласныхъ, играющихъ роль въ образованіи слова; поэтому, не выдѣляя особой главы для обзора закона удвоенія, мы разсмотримъ его тутъ-же.

I) Остановимся раньше всего на томъ случаѣ полной ассимиляціи, а слѣдовательно и удвоенія, который былъ разсмотрѣнъ нами раньше и который имѣетъ обширное примѣненіе въ малорусскомъ языкѣ, составляя довольно характерное отличіе малорусской рѣчи отъ русской литературной и великорусскихъ нарѣчій. Случай этотъ связанъ съ ослабленіемъ *і* въ *ь* (см. „Ослабленіе гласныхъ“, стр. 21—24) и, какъ мы видѣли, выражается въ уподобленіи *й* звуку, стоящему раньше его. Мы теперь повторимъ, въ какихъ именно формамъ и какъ наблюдается этотъ законъ:

а) Въ образованіи именъ существительныхъ на *іе* и *ія* (знан-іе, камен-іе, суд-ія), гдѣ звуковой составъ слова такой—знан-ійе, ка-

мен-ійе, суд-ійа; въ малорусскомъ языкѣ такія формы встрѣчаются всегда въ ослабленномъ видѣ: знанъ-йа, камінъ-йа, судъ-йа, при чемъ *й* стоящій теперь послѣ мягкой согласной, уподобляется ей, почему и получаются формы—зна*нн*ьа, камі*нн*ьа, су*дд*ьа. Естественно, что не только въ склоненіи этихъ словъ (корінньа—корінньу, корінньам), но и во всѣхъ производныхъ отъ нихъ словахъ этотъ законъ удержится во всей силѣ, напр: весілльа (отъ весілійе)—весілльачко, зілльа (зілійе)—зілльачко, гілльа (гілійе)—гілльастий.

б) Въ образованіи нѣкоторыхъ формъ отъ глагола *лити*, а именно: въ настоящемъ времени, гдѣ очень часто вмѣсто *лъ-йу*, *льйеш*, *льйе* слышится *лльe*, *лльеш*, *лльe* и т. д. (отъ лі-йу, лі-йеш, лі-йе), хотя какъ было нами сказано, предпочтительнѣе на письмѣ удержать первую форму, не ассимилированную—*льйе*, *льйеш* и т. д. Въ другихъ-же производныхъ глаголахъ отъ *лити*—*налльати* (вм. *налійати*), *вилльати* (вм. *вилійати*) произношеніе такое заявляетъ себя весьма сильно, вслѣдствіе чего должно удержать эту форму и на письмѣ (хотя чаще употребляется *налити*, *вилити* и пр.). Такого-же образованія и глаголъ *ссьати=сійати—сьйати*.

в) Въ именахъ женскаго рода въ творительномъ падежѣ ед. числа, гдѣ окончаніе *ію=ійу* (іѩ) ослабляется въ *ьйу*, и гдѣ вслѣдствіе этого проявляется законъ полной ассимиляціи, напр: *грьазь*—грьа*з-ійу*—грьа*зь-йу*—грьа*ззь*у, *чельадь*—чельа*д-ійу*—чельа*дь-йу* чельа*ддь*у. Надо только принять во вниманіе, что подвергаются удвоенію звуки: д, ж, з, л, н, с, т, ц, ч, ш; большія или меньшія уклоненія видимъ: 1) шипящіе *ж*, *ч*, *ш* удваиваются, но безъ смягченія (впрочемъ въ говорахъ даже смягчаясь), напр: кло*чч*а (клочійе), збі*жж*а (збіжійе), подру*жж*а (подружійе), пidда*шш*а (піддашійе) и пр.; 2) губные *б*, *в*, *м*, *п* и язычный *р* не удваиваются и не смягчаются, почему при нихъ закона ассимиляціи нѣтъ, напр: безхлі*бй*а (безхлібійе), безголо*вй*а (безголовійе), безрозу*мй*а (безрозумійе), взгі*рй*а (взгірійе); 3) если передъ удваивающеюся согласной стоитъ тоже согласный звукъ, то удвоенія не бываетъ по той причинѣ, что путемъ ослабленія *і* въ *ь* уже уменьшился гласный эле-

ментъ въ словѣ, а если еще удвоить согласную, то получится сочетаніе трехъ согласныхъ звуковъ, чѣмъ нарушится окончательно равновѣсіе гласнаго и согласнаго элементовъ, а это, какъ приходилось не разъ уже указывать, составляетъ рѣзкую черту въ малорусской рѣчи, напр: счас*тьа* (счастіе).

II) Обращаюсь затѣмъ къ случаямъ полной ассимиляціи, представляющимъ болѣе колебаній и не такъ ясно слышимымъ, какъ только-что разсмотрѣнный случай, являющійся результатомъ ослабленія *і* въ *ь*. Болѣе выдающіеся изъ этихъ случаевъ слѣдующіе:

а) *Звуки* д и т, встрѣчаясь въ образованіи формъ и словъ съ звукомъ *ч*, въ произношеніи почти вполнѣ ассимилируются, обращаясь тоже въ *ч*; говорю *почти* потому, что за вполнѣ отчетливое произношеніе *чч* вмѣсто *дч* и *тч* поручиться нельзя, что и обнаруживается въ разногласіяхъ письма; какъ напр: можно встрѣтить *отче* и *очче*. Въ этомъ словѣ, составленномъ изъ корня *от* + суффикса *ець* = *ьць* (от-оць), при образованіи звательнаго падежа, передъ окончаніемъ *е* происходитъ смягченіе *ц* въ *ч*, почему получается форма от-(ь)ч-е, которая, благодаря ассимиляціи *т* въ *ч*, почти обращается въ произношенія въ *оч-ч-е*; но въ виду сомнительности произношенія, будетъ основательнѣе на письмѣ придержаться словопроизводства и писать *отче*. Этого-же словопроизводственнаго принципа еще болѣе слѣдуетъ держаться и во всѣхъ глаголахъ, образовавшихся съ приставкой *од*(*від*), *під*, *над*, за которой слѣдуетъ корень съ начальнымъ звукомъ *ч*, напр: *од*-чинити, о*д*-*ч*епити, о*д*-*ч*авити, пі*д*-*ч*истити, потому-что тутъ еще менѣе слышна ассимиляція, т. е. формы — о*ч*-*ч*инити, о*ч*-*ч*епити, пі*ч*-*ч*истити. Наиболѣе сомнѣнія можетъ представлять для письма случай образованія сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій (съ окончаніями *дший*, *тший*, *дче*, *тче*), но случай этотъ, опирающійся болѣе на неполной ассимиляціи, нежели на полной, мы разсмотримъ ниже.

б) *Звуки* д и т, встрѣчаясь въ образованіи формъ и словъ съ звукомъ *ц*, тоже почти подвергаются полной ассимиляціи, т. е. вмѣсто *дц*, *тц* слышится *цц*, но такъ-какъ и здѣсь замѣчается

неясность и колебаніе въ произношеніи, то мы предлагаемъ тоже придержаться принципа этимологическаго. Случаи такого сочетанія встрѣчаются въ склоненія именъ существительныхъ (га*д*-ка дат. пад. га*д* ці; сви*т*-ка — сви*т*-ці, о*т*ець — о*т*-цьу), но здѣсь ассимиляція такъ слаба, что почти не заставляетъ колебаться въ выборѣ правописанія, почему никогда нельзя, кажется, встрѣтить написанными эти слова такъ: *гацці*, *свицці*, *оццьу*. Гораздо въ большей мѣрѣ слышна эта ассимиляція въ спряженіи глаголовъ возвратныхъ (съ окончаніемъ *сьа* = *ся*), именно: въ 3 лицѣ един. и множ. чиселъ — *тсьа*; случай этотъ нами былъ отмѣченъ въ законахъ перехода (см. стр. 57), гдѣ мы указали, что склонны скорѣе придержаться и тутъ словопроизводственнаго принципа, хотя на письмѣ можно встрѣтить слова носи*цць*а (носит-сьа), проси*цць*а (просит-сьа), возьа*цць*а (возьат-сьа). Объясненіе этому случаю полной ассимиляціи можно дать такое: звукъ *т* въ 3 лицѣ ед. и множ. чиселъ, какъ извѣстно, есть мягкій (*ть*), напр: проси*ть*, носьа*ть*[1]); и вотъ онъ, будучи мягкимъ, подвергается, соединяясь съ окончаніемъ *сьа* вліянію еще одной мягкости, почему и обращается въ смягченный *ць*, т. е. ассимилируется; такимъ образомъ получаются формы: проси*ць*-*сь*а, носьа*ць*-*сь*а, а затѣмъ вполнѣ понятна дальнѣйшая полная ассимиляція (*сь* — въ *ць*), т. е. образуются формы: проси*ць*цьа, носьа*цьцьа* = проси*ццьа*, носи*ццьа*. Но не смотря на вполнѣ естественное объясненіе и на то, что само произношеніе какъ-бы склоняется къ этой ассимилированной формѣ, я считаю все-таки болѣе послѣдовательнымъ въ этомъ случаѣ писать *тсьа* вотъ на какихъ основаніяхъ: 1) нѣкоторое колебаніе въ произношеніи, 2) только-что указанный случай аналогичнаго сочетанія въ склоненіяхъ (сви*тц*і, ла*т*-*ц*і и пр.), гдѣ ассимиляціи нѣтъ, а 3) отмѣченный раньше случай перехода (см. (стр. 56), *тсь* (въ окончаніяхъ *тський*, *тсьтво*) въ *ць* (бага*т*-*сь*тво = бага*ць*тво) Иными словами, если-бы принять въ этихъ случаяхъ за правило писать основываясь на фонетикѣ, то при колеблющемся произношеніи, пришлось-бы заучивать множество разныхъ

[1]) Только въ говорахъ (напр: въ Подольской губерніи) слышится твердое окончаніе — ходи*т*, проси*т*.

правилъ, чѣмъ поставить пишущихъ въ очень тяжелыя условія. Предлагаемый-же нами способъ сводится къ двумъ положеніямъ: 1) сочетаніе *тсь* въ окончаніяхъ *тський*, *тсьтво* обращается въ *ць*, и 2) всѣ остальныя сочетанія *тсь*, *тц* и *дц* остаются безъ измѣненій. На этомъ основаніи надо писать и всѣ слова, гдѣ сходятся *дц* и *тц*, безъ измѣненій, хотя въ произношеніи и слышится колебаніе, напр: ві*д*-*ц*іль = від-сіль (отсель) вмѣсто ві*цц*іль, два*д*-*ц*ьать вмѣсто два*цц*ьать, о*т*-*ц*ей вм. о*ц*-*ц*ей и пр.

в) *Звукъ* ш, сочетаясь въ спряженіи глаголовъ во 2-мъ лицѣ ед. числа съ *сьа*, почти ассимилируется въ *с*, т. е. сочетаніе *шсьа* обращается въ *ссьа*, что и можно часто встрѣтить на письмѣ (носи*сс*ьа, проси*сс*ьа); но, въ виду, во 1-хъ, нѣкотораго колебанія въ произношеніи, во 2-хъ—слишкомъ большой очевидности въ образованіи формы (въ подольск. и галицк. говорахъ; *сьа носиш, сьа просиш*), и въ 3-хъ, изъ желанія соблюсти послѣдовательность (если признать только-что отмѣченную форму *тсьа*),—мы держимся и тутъ этимологическаго принципа и пишемъ: носи*шс*ьа, проси*шс*ьа, вози*шс*ьа и пр.

г) *Звукъ* ч, сочетаясь съ *ц* (что чаще всего бываетъ въ склоненіи), тоже почти ассимилируется, вслѣдствіе чего вмѣсто *чц* слышится *цц*, напр: до*ч*-*ц*і—до*ц*-*ц*і, рі*ч*-*ц*і — рі*ц*-*ц*і, мотузо*ч*-*ц*і—мотузо*ц*-*ц*і, пі*ч*-*ц*і—пі*ц*-*ц*і и пр. Но и въ этомъ случаѣ лучше придержаться словопроизводства, чтобы не допустить разногласія въ правописаніи, такъ какъ фонетическое начало и здѣсь является колеблющимся.

д) *Звукъ* з передъ шипящими *ж* и *ш* тоже ассимилируется до значительной степени, такъ что вмѣсто *зж* и *зш* слышится какъ-бы *жж*, *шш*. Чаще всего это замѣчается въ соединеніи предлога *з* (съ) и приставокъ, оканчивающихся звукомъ *з*, съ словами, начинающимися шипящими звуками *ж* и *ш*, напр: *з ж*інкойу—*ж ж*інкойу, *зж*олобитисьа—*жж*олобитисьа, *з ш*арабана—*ш ш*арабана, *зш*ивати—*шш*ивати. Понятно, что на основаніи ранѣе высказанныхъ нѣсколько разъ положеній, мы и въ мысли не имѣемъ

предлагать въ этихъ случаяхъ фонетическій принципъ письма и всецѣло стоимъ за этимологическій.

II. *Неполная ассимиляція.*

Какъ было сказано выше, неполной ассимиляціей нужно назвать всѣ тѣ случаи перехода согласныхъ, въ которыхъ данный согласный звукъ стремится, насколько возможно, приблизиться къ природѣ рядомъ стоящаго съ нимъ другого согласнаго звука. Случаевъ этихъ въ языкѣ малорусскомъ довольно много, но мы обратимъ вниманіе только на болѣе выдающіеся изъ нихъ, какъ по силѣ, съ которой они проявляются, такъ и по степени повторяемости ихъ въ языкѣ.

1) Отмѣтимъ раньше всего тотъ случай, который намъ пришлось уже отчасти разсмотрѣть и который служитъ переходной ступенью отъ неполной ассимиляціи къ полной. Случай этотъ касается шипящихъ звуковъ *ж*, *ч*, сочетающихся съ свистящимъ *с* (см. главу „переходъ согласныхъ", стр. 56) въ словахъ съ суффиксами *ський* и *ство*, т. е. гдѣ образуются сочетанія *жський* (запоро*жський*), и *чський* (коза*чський*). Здѣсь звуки *ж* и *ч*, подъ вліяніемъ впереди стоящаго свистящаго *с*, обращаются тоже въ соотвѣтственные свистящіе—*з* и *ц*, т. е. вмѣсто запоро*жський*, коза*чський* получаемъ—запоро*зський*, коза*цський*; но, какъ было указано уже, на этомъ не останавливаются звуковыя измѣненія въ этихъ словахъ, а свистящіе *з* и *ц* обращаютъ послѣдующій *с* тоже въ *з* и *ц* (запоро*ззький*, коза*цький*), при чемъ одинъ изъ двухъ одинаковыхъ выпадаетъ, благодаря чему и получаются установленныя нами раньше формы—запоро*зький*, коза*цький* [1]).

2) Въ главѣ о смягченіи согласныхъ мы отмѣтили тотъ фактъ, что звуки *ск* и *ст* смягчаются въ *шч* (см. стр. 49), при чемъ указали на то, что случаи эти можно объяснить и закономъ неполной ассимиляціи, т. е. такимъ образомъ: если конечный согласный въ сочетаніяхъ *ск* и *ст* смягчится въ *ч*, т. е. получится сочетаніе

---

[1]) При звукѣ *ш* въ такихъ-же сочетаніяхъ сразу получается полная ассимиляція, напр: Воло*шський* = Воло*сський* = Воло*ський*.

сч, то звукъ шипящій *ч* обращаетъ стоящій передъ нимъ *с* тоже въ соотвѣтственный шипящій—*ш*, благодаря чему и получается *шч*: лу*ск*-а — лусч-ити — лу*шч*-ити, та*ск*-ати — та*сч*-ити — та*шч*-ити; хре*ст*-ити—хре*сч*-у—хре*шч*-у и т. п., чтó и слѣдуетъ сохранить на письмѣ.

3) Почти такое-же явленіе мы видимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ образованіи слова звуки *ж* и *ш* сходятся съ свистящимъ *ц*, который тоже обращаетъ *ж* и *ш* въ соотвѣтственные свистящіе—*з* и *с*, т. е. сочетанія *жц* и *шц*=*зц* и *сц*[1]), напр: доріжк-а—дорі*жц*-і—дорі*зц*-і; запоро*жц*-і—запоро*зц*і; йу*шк*-а—йу*шц*-і—йу*сц*-і и др. Но тутъ мы предлагаемъ на письмѣ придержаться словопроизводства, такъ какъ ассимиляція свистящихъ звуковъ болѣе колеблющаяся, т. е. слѣдуетъ писать запоро*жц*-і, дорі*жц*-і, галу*шц*-і, йу*шц*-і, подобно тому, какъ мы приняли уже писать въ аналогичномъ случаѣ *чц*, а не *цц*—до*чц*-і, в купо*чц*-і и т. п.

4) Приставка и предлогъ *с* (съ), какъ было указано раньше (см. стр. 36—39), почти вездѣ въ малорусской рѣчи обратились въ *з*, благодаря стремленію языка къ звучности; но сочетаясь съ шипящими звуками, это *з* почти ассимилируется тоже въ шипящіе, при чемъ передъ *ж* и *ш* получается полная ассимиляція (см. стр. 69). Сочетаясь-же съ шипящимъ *ч*, звукъ *з* подвергается, тоже впрочемъ колеблясь, неполной ассимиляціи и переходитъ въ *ш*, напр: *з ч*оловіком—*ш ч*оловіком, *з ч*им—*ш ч*им, *зч*истити—*шч*истити и пр., но въ виду колебаній фонетики, мы придержимся и тутъ словопроизводственнаго принципа письма и сохранимъ предлогъ и приставку *з*. Сюда-же относятся и тѣ случаи, когда приставка *з* осталась въ языкѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ *с* (см. стр. 38); сочетаясь съ *ч*, она хотя и звучитъ почти какъ *ш*, но, оставаясь послѣдовательными, мы и тутъ на письмѣ совѣтуемъ удержать *с*, т. е. писать: не *шч*астьа (отъ корня *част*), а *сч*астьа, не *шч*итати (отъ корня *чит*=*чьт*), а *сч*итати, ро*зсч*итати, а не ро*зшч*итати и ро*шч*итати, какъ можно иногда встрѣтить въ книгахъ.

---

[1]) Въ аналогичныхъ-же случаяхъ шипящій *ч* обращается въ *ц*, почему получится *цц*, т. е. полная ассимиляція (см. стр. 69).

5) Выше, говоря о полной ассимиляціи (см. стр. 67), мы отмѣтили тотъ случай, когда, при стеченіи зубныхъ *д* и *т* съ *ч*, получается полная ассимиляція (о*т*-*ч*е = о*чч*е, о*д*-*ч*епити = о*чч*епити), которой мы не предлагали сохранять на письмѣ: тамъ мы оставили безъ разсмотрѣнія случай сочетанія этихъ звуковъ въ сравнительной степени, сказавши, что случай этотъ больше объясняется неполной ассимиляціей, чѣмъ полной, почему теперь къ нему и обращаемся. Начнемъ съ того, что эта сравнительная степень и въ говорахъ, и даже въ одной и той-же мѣстности звучитъ различно и въ большинствѣ случаевъ неясно, колеблясь между *шип* и *чий* (моло*дший*, моло*дчий*, — не говоря уже о формѣ моло*ччий*); скажемъ болѣе: намъ не разъ приходилось слышать одно и то-же слово произносимымъ различно однимъ и тѣмъ-же человѣкомъ. Ясно изъ этого, что вопросъ о сохраніи здѣсь фонетическаго принципа письма устраняется самъ собою, и приходится поэтому обратиться къ этимологическому, удерживая фонетику только тамъ, гдѣ она несомнѣнна. Прежде всего разсмотримъ самое окончаніе сравнительной степени— *ший* или *чий*, которое представляетъ сомнѣніе (конечно въ произношеніи, а не въ этимологіи), такъ какъ есть слова съ несомнѣннымъ окончаніемъ *чий*, другія—съ *ший*, и, наконецъ, третьи— съ колеблющимся окончаніемъ. Въ изслѣдованіи г. Житецкаго („Очеркъ звуковой исторіи", стр. 178—180) и г. Потебни („Разборъ" указаннаго труда Житецкаго—въ отчетѣ о 20-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 826—7; „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи", стр. 85—87) находимъ попытки объяснить причину появленія этихъ двухъ окончаній, почему и отсылаемъ интересующихся болѣе подробно обозрѣть этотъ вопросъ къ указаннымъ сочиненіямъ; сами-же мы, въ видѣ основныхъ положеній въ объясненіе этого смѣшенія двухъ окончаній, укажемъ на двѣ слѣдующія причины:

а) Суффиксъ сравнительной степени *ш* смѣшался съ суффиксомъ *ч*, который получается изъ *к* (см. смягченіе гортанныхъ) въ прилагателяныхъ, оканчивающихся на *кий*; вотъ почему отъ прилагательнаго глибо*кий* можно услышать сравнительную степень— глиб-*ший* и глиб*чий*, въ нарѣчіи—глиб-*ше* и глиб*че*, или отъ

кріп*кий* (рѣдкая форма—чаще міцний)—кріп-*шиї*, нарѣчіе кріп*че*, а отъ корня *ліп* (славянское лѣп-ный)—только ліп-*ший* и ліп*ше*; или еще: отъ прилагательнаго гір*кий*—гір-чій-шиї (сложная форма), а отъ корня *гір* (горе)—гір-*ший*, гір*ше*, или отъ стар*ий*—стар-*ший*, стар*ше*.

б) Вмѣстѣ съ этимъ смѣшеніемъ двухъ суффиксовъ играетъ роль и другая причина, а именно: стремленіе языка къ болѣе звучнымъ стеченіямъ согласныхъ, а звукъ *ч* сильнѣе и звучнѣе *ш*; поэтому языкъ, видя въ оборотѣ оба окончанія, прибѣгаетъ, смотря по устройству слова и стеченію согласныхъ, то къ одному, то къ другому, и иногда ставитъ *ч* тамъ, гдѣ ему не слѣдовало-бы быть по словообразованію, напр: отъ прилагательнаго глад*кий* слышатся и глад-*ший*, и глад-*чий* (послѣднее можно объяснить вліяніемъ *к*), а также отъ прилагательнаго молод-*ий*—молод-*ший* и молод-*чий*, гдѣ *ч* явилось совсѣмъ уже, такъ сказать, безъ этимологическаго паспорта, опираясь исключительно на фонетическое начало, въ зависимости отъ предшествующей согласной *д*.

Разсмотрѣвши окончаніе сравнительной степени, обратимся теперь къ предшествующимъ этому окончанію согласнымъ звукамъ, которые, какъ только-что мы видѣли, оказываютъ вліяніе на постановку звуковъ *ш* или *ч* (сравни: отъ корня *ліп*—ліп*ший*, но не ліп*чий*; отъ корня *гір*—гір*ше*, а не гір*чий*, гір*че*; отъ корня *стар*—стар-*ший*, а не стар-*чий*; а отъ корня *молод*—молод*ший* и молод-*чий*; отъ корня *крас*—только краш-*чий*, но не крас-*ший* или краш-*ший*). Мы просмотримъ эти предшествующіе согласные звуки по группамъ и, отмѣчая случаи ассимиляціи, какъ неполной, такъ и полной, одновременно установимъ и то, какого правописанія слѣдуетъ придержаться.

а) Если передъ суффиксомъ сравнительной степени стоитъ звукъ губной (б, в, м, п), то онъ охотнѣе соединяется съ *ш*, чѣмъ съ *ч* (но едва-ли не чаще съ суффиксомъ *ійший*), даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ образованіи прилагательныхъ участвуетъ суффиксъ *к*, не говоря о прилагательныхъ безъ этого суффикса, напр: глибо*кий*—глиб*ший*, сла*бий*—слаб*ший* и слаб*ійший*, цуп*кий*—цуп*ший*

(чаще—цу*нкійший*),. А слово *ловкий*, насколько намъ извѣстно, даетъ форму *ловчши*й (хотя слово это мало употребительно въ сравнительной степени). Поэтому, мы предлагаемъ вездѣ послѣ губныхъ сохранить въ правописаніи *ш*.

β) Тоже самое надо сказать и о гортанныхъ (г, к, х) и язычно-зубныхъ (л, н, р), т. е. всегда слышится яснѣе послѣ нихъ *ш*, которое и слѣдуетъ сохранить на письмѣ, напр: ту*гий*—ту*гши*й и ту*гійший*, ле*гк*ий—ле*гши*й, ти*х*ий—ти*хши*й, пло*хий*—пло*хши*й, мйа*кий* (сокращенное мйа*гк*ий)—мйа*кши*й; послѣ *л* бываетъ только *ійший* (сі*лий*—сілі*йший*), или *ьш* (даль*ший*); послѣ *н*—тоже (то*нк*ий—то*ньши*й; ра*но*—ран*ійший* и ра*ньши*й); ста*рий*—ста*ршний*, ши*рокий*—ши*рши*й.

γ) Послѣ язычно-небныхъ звуковъ *ж* и *ш*, будетъ-ли прилагательное произведено съ суффиксомъ *к* или безъ него, всегда слышится *ч*, напр: ду*ж*-ий—ду*ж-чи*й, ду*ж-че*; тя*ж-ки*й—тя*ж-чи*й, тя*ж-че*; *хорош-ий* (тотъ-же неполногласный корень *крас*, обращающійся въ *краш*)—кра*ш-чи*й, кра*ш-че*. Это объясняется желаніемъ языка послѣ звучнаго *ж* не ослабить сейчасъ-же звучности сильнымъ согласнымъ *ш*, а послѣ незвучнаго *ш*—не усиливать этой малозвучности повтореніемъ того-же незвучнаго *ш*; такъ-что въ малорусскомъ языкѣ вообще сочетанія *жш* и *шш* неупотребительны, а замѣняются *жч* и *шч*, которыя мы и предлагаемъ сохранить на письмѣ при образованіи сравнительной степени. Что-же касается *ч*, то послѣ него слѣдуетъ удержать *ш*, такъ-какъ сочетаніе *чч* слишкомъ тяжелое для отчетливаго произношенія, какъ состоящее изъ быстраго стяженія четырехъ согласныхъ—*тштш* [1]), а потому мы принимаемъ форму лу*ч-ший*, лу*чш*е, а не лу*чч*ий, лу*чч*е.

δ) Послѣ зубныхъ свистящихъ *з* и *с* никогда не бываетъ въ окончаніяхъ сравнительной степени *ш*, а всегда *ч*, при чемъ сами звуки *з* и *с* подвергаются неполной ассимиляціи, обращаясь въ соотвѣтственные шипящіе *ж* и *ш*, напр: ву*зьк*ий—ву*жч*ий, ву*жче*;

---

[1]) Вспомнимъ, что звукъ *ч* по природѣ своей сложный и состоитъ изъ тѣснаго сочетанія *тш* (см. стр. IV).

*близ*ь-*к*ий—бли*ж*-*ч*ий, бли*ж-ч*е; ни*зьк*ий—ни*жч*ий, ни*жч*е; ви*сок*ий—ви*шч*ий, ви*шч*е.

е) Остается два зубныхъ мгновенныхъ звука *д* и *т*, послѣ которыхъ болѣе всего замѣчается колебаніе окончанія сравнительной степени: *ший* и *чий*. Что касается звука *д*, то надо различать при немъ характеръ образованія прилагательнаго, а именно: если прилагательное образовано безъ суффикса *к*, то слышится почти отчетливо *ший*, а не *чий*, напр: моло*д-ш*ий гораздо чаще, чѣмъ моло*д-ч*ий; если-же прилагательное образовано съ суффиксомъ *к*, то болѣе слышится *чий*, нежели *ший*, напр: шви*д-ч*ий, шви*д-ч*е, а не шви*д-ш*ий, шви*д-ш*е; гла*д-ч*ий, гла*д-ч*е (чаще гла*дкійший*), а не гла*д-ш*ий, гла*д-ш*е. Звукъ-же *т*, какъ менѣе звучный, нежели *д*,—независимо отъ того, будетъ-ли прилагательное образовано съ суффиксомъ *к* или безъ него,—прежде всего обращается въ болѣе сильный *ч*, послѣ котораго, какъ мы выше сказали, постановка еще одного *ч* была-бы неумѣстна (сочетаніе *тттш*), вслѣдствіе чего сравнительная степень будетъ всегда имѣть окончаніе *ший*, напр: бога*т*-ий—бага*ч-ш*ий, бага*ч-ш*е; коро*т-к*ий—коро*ч-ш*ий, коро*ч-ш*е. Ясно, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ случаемъ неполной ассимиляціи *т* въ *ч* передъ *ш*. Что-же касается до формъ бага*чч*ий, коро*чч*ий, моло*чч*ий, т. е. съ полной ассимиляціей, что признаютъ почтенные изслѣдователи гг. Потебня[1]), Огоновскій[2]) и Житецкій[3]),—то эта ассимиляція такъ слабо слышится, что лучше не придерживаться ея совсѣмъ на письмѣ.

Итакъ, сравнительная степень прилагательныхъ и нарѣчій, могущая быть съ окончаніями *ший* и *чий*, по нашему мнѣнію, должна быть выражаема такъ: 1) послѣ губныхъ (б, в, м, п), гортанныхъ (г, к, х), язычно-зубныхъ (л, н, р) и язычно-небнаго *ч*—всегда *ший*; 2) послѣ язычно-небныхъ (ж и ш) и зубныхъ свистящихъ (з, с)—всегда *чий*, при чемъ *з* и *с* ассимилируясь обращаются въ

¹) Разборъ труда Житецкаго..., стр. 827.
²) Studien..., стр. 88.
³) „Очеркъ асторіи малорусскаго нарѣчія“, стр. 178.

ж и *ш*; 3) послѣ зубного *д*—*шиӣ*, если прилагательное безъ суффикса *к*, и *чий*, если съ этимъ суффиксомъ; послѣ *т*—всегда *ший*, при чемъ *т*, ассимилируясь, обращается въ *ч*.

Г) Вставка и приставка согласныхъ.

Зная основной характеръ малорусскаго консонантизма—стремленіе къ звучности—и одну изъ характерныхъ особенностей вокализма — стремленіе къ полногласности, — напередъ можно сказать, что случай вставки и прибавки согласныхъ звуковъ въ словахъ (чѣмъ уменьшается звучность и полногласность) не можетъ имѣть въ малорусскомъ языкѣ широкаго распространенія. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта вставка встрѣчается, иногда ничѣмъ почти не отличаясь отъ такихъ-же явленій въ языкахъ славянскомъ и великорусскомъ, а иногда отступая отъ нихъ. Мы просмотримъ эти случаи, разбивъ ихъ на двѣ группы: 1) собственно вставка въ срединѣ словъ, и 2) приставка въ началѣ словъ, какъ-бы придыхательная приставка.

I. *Вставка въ срединѣ словъ.*

1) Самую характерную вставку въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ представляютъ звуки *д* и *т*, въ церковно-славянскомъ языкѣ вставляющіеся между *с* и *р*, *з* и *р* (ра*здр*ѣшити), а въ великорусскомъ, сверхъ того,—въ немногихъ, впрочемъ, словахъ,—между *согласнымъ*+*р* (*ндр*авъ — *нр*авъ, *стр*аженіе — *ср*аженіе, *стр*амъ—*ср*амъ). Въ малорусскомъ языкѣ законъ такой вставки вполнѣ находитъ себѣ подтвержденіе какъ во всей области распространенія этого языка, такъ еще болѣе—въ отдѣльныхъ говорахъ; при чемъ наиболѣе частые случаи—это вставка *д* между *з* и *р* (в*здр*іти вм. в*зр*іти, *здр*ада, *здр*адити вм. *зр*ада, *зр*адити), и *т* между *с* и *р* (зу*стр*іти, зу*стр*ічати, *стр*ітити—корень: *рѣт*, откуда славянское *съ-рѣт-еніе*; *стр*амитисьа, *стр*ам—корень: *срам*=*сором*, почему въ малорусскомъ языкѣ чаще и встрѣчаются эти слова въ полгласной формѣ—*сором*, *соромитисьа*). Этихъ случаевъ вставки въ говорахъ можно найти гораздо больше, напр: въ *лемковскомъ го-*

воръ—*стр*ібло вм. *ср*ібло (срѣбро=серебро), въ галицкомъ—по*здрѣ*нье (Ogonowski „Studien...“, стр. 90).

2) Звукъ *д*, сверхъ того, въ малорусскомъ языкѣ вставляется въ одномъ еще случаѣ—въ образованіи двухъ производныхъ словъ отъ глагола славянскаго *ѩти* съ приставкой *з*, а именно: *з-н-ъати* (гдѣ *н* тоже вставочное, о чемъ скажемъ дальше) слышится иногда *здн*ьати, котораго мы предлагаемъ не употреблять, и вмѣсто *зій-мати* (*съ*-им-ати=*с*-н-им-ати — со-им-ати — *зі*-йм-ати) слышится чаще *зд*іймати, которое можно объяснять вліяніемъ закона аналогіи, т. е. что форма *здіймати* образовалась какъ-бы по образцу *підій-мати* (*подъ*-имати—*подо*-ймати--*піді*-ймати).

3) Довольно часто встрѣчаются въ малорусскомъ языкѣ случаи вставки *с* передъ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія *ти*, т. е. окончаніе *сти*. Часть глаголовъ съ этимъ окончаніемъ *сти* объясняется вполнѣ естественно—переходомъ звуковъ *д* и *т* передъ *т* въ *с*, (ве*сти*=ве*дти*, пле*сти*=пле*тти* и пр.), что нами и было указано (см. стр. 50); другая-же часть можетъ быть объяснена только вставкой *с*, такъ какъ иного происхожденія этого *с* найти нельзя, напр: гни-*с*-ти, пли-*с*-ти, розпьа-*с*-ти, греб-*с*-ти, скуб-*с*-ти, охльа-*с*-ти, кля-*с*-ти и пр. Въ грамматикахъ обыкновенно почему-то устанавливаютъ законъ, что при сочетаніяхъ *бт*, *вт*, *пт* вставляется въ средину *с* (см. наприм: Miklosich „Vergl. Gram. т. I, стр. 449 и Ogonowski „Studien...“, стр. 90). Но мы позволимъ себѣ не согласиться съ этимъ выводомъ и вотъ по какимъ причинамъ: а) всѣ эти глаголы едва-ли не чаще слышатся въ произношеніи безъ *с*, т. е. гни-ти, пли-ти, роз-пйа-ти, или розі-пйа-ти, греб-ти, скуб-ти, охльа-ти, кльа-ти и пр.; б) это вставочное *с*, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, встрѣчается не только въ сочетаніяхъ *бт*, *вт*, *пт*, но и послѣ гласныхъ корней (гни-ти, плит-и, розі-пйа-ти, кльа-ти), слѣдовательно не вызывается трудностью сочетанія губныхъ съ *т*.

Объясненіе этой вставки *с*, о чемъ нами было уже сказано (см. стр. 50), можно дать указаніемъ на вліяніе аналогій въ языкѣ,

т. е. всѣ эти глаголы образовались (и то съ колебаніемъ) по образцу глаголовъ первой группы, гдѣ окончаніе *сти* объясняется фонетическими измѣненіями (*д* и *т* перешло въ *с*), напр: ве*с*-*ти*, бре*с*-*ти*, пле*с*-*ти* и пр.

4) Какъ сравнительно рѣдкій случай, встрѣчается въ малорусскомъ языкѣ вставка *р*, преимущественно передъ *с* и *ч*. Встрѣчается она только въ отдѣльныхъ словахъ и почти исключительно въ говорахъ, почему вводить ее въ общее правило нѣтъ надобности. Чаще всего слышится эта вставка *р* въ словахъ: *жорсткий и жорствий*, *жорства — жесткій* (этотъ корень повсемѣстно звучитъ такъ, почему его и приходится писать со вставочнымъ *р*), *жерсть — жесть* (послѣднее одинаково, если не больше употребительно), *постарчати, вистарчити — постачати, вистачити* (послѣднія формы употребительнѣе).

5) Особенно излюбленная въ говорахъ малорусскихъ (преимущественно галицкихъ) вставка касается звука *й*, часто безъ всякой видимой причины вставляющагося между гласнымъ и слѣдующимъ за нимъ согласнымъ звукомъ, напр.: зерка-*й*-ло, тре-*й*-тій, то-*й*-ді, го-*й*-стрий, би-*й*-стрий (см. Ogonowski, „Studien..., стр. 90), каковыхъ формъ, какъ встрѣчающихся только въ говорахъ, мы предлагаемъ не употреблять на письмѣ. Но съ особенной рѣзкостью эта вставка заявляетъ себя не только въ говорахъ, но почти повсемѣстно, въ образованіи сложныхъ глаголовъ отъ корня ѩ (ѩ-ти) съ приставками, напр: при-ѩти — *при-н-ьати* (*н* тоже вставочное, о чемъ ниже) — *при-й-н-ьати, до-й-н-ьати, ви-й-ньати, на-й-н-гати, зді-й-н-гати піді-й-н-ьати* и пр. Объясняемъ мы эту вставку *й* въ глаголахъ съ корнемъ ѩ потерей сознанія юсового корня и образованіемъ словъ по аналогіи съ такими, какъ при-*йм*-ати, до-*йм*-ати, ви-*йм*-ати, на-*йм*-ати, зді-*йм*-ати, піді-*йм*-ати, въ которыхъ *й* не вставочное, а коренное, получившееся отъ разложенія ѧ (см. стр. 26). Видя *й* сочетающимся въ этихъ глаголахъ съ носовымъ *м*, языкъ, въ другой серіи глаголовъ того-же корня встрѣчая вставочный носовой *н*, прибавляетъ и къ нему по аналогіи *й*, какъ-бы забывая,

гдѣ корень слова[1]). Еще въ одномъ случаѣ мы встрѣчаемъ вставку *й* въ глаголѣ *ітu*, отъ котораго прошедшее время *і-й-шов*; здѣсь тоже вліяетъ законъ аналогіи: сравн—при-*й*шов, на-*й*шов, за-*й*шов и пр., гдѣ *й* есть ослабѣвшее коренное *і* (см. стр. 24).

6) Наконецъ, послѣдній случай вставки касается звуковъ *в*, *н*, *й*, которые вставляются весьма часто для благозвучія, для устраненія зіянія, почему вставку эту можно назвать *эвфонической* или *благозвучною*. Чаще всего *в* и *й* встрѣчается въ образованіи глаголовъ, гдѣ къ первоначальной основѣ прибавляется вторичная основа *а* для устроенія вида глагола, напр: *оді-ти*—оді-*а*-ти—оді-*в*-а-ти; *взнати*—взна-*а*-ти—взна-*в*-а-ти; *заболі-ти*—заболі-*а*-ти—заболі-*в*-ати; ді-*й*-ати, сто-*й*-а ти. Звукъ-же *н* обыкновенно вставляется для устраненія зіянія въ глаголахъ съ корнемъ ѩ (ѩ-ти)=*ьа*, когда этотъ корень имѣетъ передъ собой приставку, оканчивающуюся гласнымъ звукомъ, напр: на-*н*-ьати, при-*н* ьати, за-*н*-ьати, здій-*н*-ьати, пере-*н*-ьати и пр. Также точно эта вставка *н* или *й* является въ склоненіи мѣстоименія 3-го лица съ предлогами, напр: за *н*-ього, до *н*-ього, під *н*-им и т. п., а равно: за *й*-ого, до *й*-ого, під *й*-ім. Вспомнимъ также случай вставки *н* и *й* послѣ губныхъ согласныхъ, напр: ім*й*а, пам*й*ать, м*й*асо, врем*й*а и ім*н*ьа, пам*н*ьать, м*н*ьасо, врем*н*ьа (см. стр. 42).

II. *Придыхательная приставка.*

Въ качествѣ придыхательной приставки выступаютъ обыкновенно три звука—*в*, *г*, *й*, которые являются часто въ словѣ, начинающемся гласнымъ звукомъ.

1) Звукъ *в* приставляется только къ словамъ, начинающимся звукомъ *о*, при чемъ чаще всего тогда, когда это *о* обращается въ секундарное *і*. Если и бываетъ иногда приставка *в* къ *о* въ иныхъ случаяхъ, то только въ говорахъ (*в*овес, *в*око, *в*орел,

---

[1]) Прекраснымъ обращикомъ такой потери чутья корня въ словѣ служитъ русскій глаголъ *вынуть* (въ малорусск. чаще *виньати*), который образовался такъ, что по дорогѣ и корень потерялъ, а именно: *вы*—приставка (=изъ), *ну*—суффиксъ глаголовъ однократнаго вида, *ть*—окончаніе неопредѣленнаго наклоненія; а корень ѩ (сравни: изъ-*я*-ть, при-н-*я*-ть) пропалъ совсѣмъ.

*в*оріх — вмѣсто: овес, око, орел, оріх (см. Ogonowski „Studien...“, стр. 60). Въ громадномъ-же большинствѣ малорусскихъ говоровъ это *в* обязательно является, какъ только начальное *о* обращается въ секундарное *і*, напр: *о*кно—*в*ікно, *в*іконце; *о*нъ—*в*ін; *о*сьмъ, русск: *восемъ*—*в*ісім (но есть и *в*óсьмий — кажется, единственный случай); *о*спа — *в*іспа, *о*льха — *в*ільха, *о*д (отъ)—*в*ід, *о*вцьа—*в*івцьа и пр.; лучше всего это видно въ тѣхъ словахъ, которыя измѣняютъ *о* въ секундарное *і* въ косвенныхъ падежахъ, напр: *о*вес—*в*івса, *в*івсу; *о*ко — у *в*ічи, *о*тець — *о*тцьа, а въ говорахъ *в*ітца. Объяснить въ этомъ случаѣ прибавку *в* можно характеромъ образованія секундарнаго *і* изъ *о* (*о*=уі, см. стр. 10), т. е. *о*кно—*уі*кно—*в*ікно, *о*нъ—*уі*н—*в*ін и т. д. (вспомнимъ замѣну *у* звукомъ *в*; см. стр. 12).

2) Звукъ *г* напоминаетъ греческое густое придыханіе и встрѣчается въ очень многихъ словахъ, начинающихся гласнымъ звукомъ, напр: *г*арапник, *г*армата, *г*острий, *г*икáти, *г*оріх, *Г*анна — вмѣсто *а*рапник, *а*рмата, *о*стрий, *и*кати, *о*ріх, *А*нна, а въ говорахъ и того больше—*г*улицьа, *г*очи, *г*инчий, *г*один—вмѣсто: *у*лицьа, *о*чи, *і*нший, *о*дин (см. Ogonowski „Studien..“, стр. 60). Конечно, въ этомъ случаѣ правописаніе можетъ установить только словарь, долженствующій указать степень распространенности той или другой формы.

3) Звукъ *й* нельзя сказать, чтобы имѣлъ широкое распространеніе, какъ придыхательная приставка; онъ является только въ говорахъ (преимущественно галицкихъ), почему мы не предлагаемъ вводить его въ правописаніе, напр: *й*улицьа вмѣсто *у*лицьа (чаще всего послѣ предлога: На *йу*лиці не була), *й*осика вм. *о*сика, *йо*вес вм. *о*вес, *йо*тець вм. *о*тець, *йо*рати вм. *о*рати (въ карпат. говорахъ; см. Ogonowski „Studien..“ стр. 60).

Д) Выпаденіе согласныхъ.

Если о законѣ вставки согласныхъ было сказано, что онъ, въ силу извѣстныхъ характерныхъ отличій малорусской рѣчи и стремленіе ея къ звучности, не имѣетъ особенно широкаго распространенія,—то о противоположномъ ему законѣ *выпаденія согласныхъ*

придется сказать наоборотъ: законъ этотъ, обусловливаемый исключительно фонетикой, проявляется весьма часто и въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, изъ которыхъ одни оказываются болѣе постоянными и устойчивыми, а другіе—спорадическими, и при томъ—колеблющимися. Для удобства мы просмотримъ ихъ по отдѣльнымъ группамъ согласныхъ, сопоставляя, какъ дѣлали это и раньше, съ аналогичными случаями въ языкахъ русскомъ и церковно славянскомъ.

1) *Звуки зубные.*

а) На первомъ планѣ въ группѣ выпадающихъ зубныхъ звуковъ нужно поставить звуки *д* и *т*, оказывающіеся наиболѣе подвижными, какъ въ языкахъ церковно-славянскомъ и русскомъ, такъ и въ малорусскомъ. Мы имѣемъ въ виду тотъ случай, когда *д* и *т*, какъ извѣстно, всегда выпадаютъ въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ передъ *л* въ образованіи прошедшаго времени (вё-лъ вм. ве*д*лъ, упа-лъ вм. упа*д*лъ, увя-лъ вм. увя*д*лъ, пле-лъ вм. пле*т*лъ, мё-лъ вм. ме*т*лъ). Въ малорусскомъ языкѣ этотъ законъ тоже обнаруживается постоянно въ аналогичныхъ формахъ; но благодаря особеннымъ свойствамъ малорусскаго языка, проявляющимся совсѣмъ по другимъ причинамъ, съ внѣшней стороны онъ представляется нѣсколько инымъ, почему мы и разъяснимъ его подробнѣе.

Раньше было сказано (см. стр. 35), что окончаніе прошедшаго времени *л* переходитъ въ *в* (ходи*в*, роби*в*=ходи*л*, роби*л*), почему въ тѣхъ случаяхъ, когда основа глагола оканчивается звуками *д* и *т*, звуки эти, подчиняющіеся закону выпаденія, оказываются стоящими передъ *в*, напр: ві*в* вм. ві*д*в (ведлъ), упа*в* вм. упа*д*в (упадлъ), загу*в* вмѣсто загу*д*в (загудлъ), сі*в* вм. сі*д*в (сѣдлъ), заплі*в* вм. запл*іт*в (заплетлъ), замі*в* вм. замі*т*в (заметлъ); въ женскомъ-же и среднемъ родѣ, а равно и во множественномъ числѣ, гдѣ, благодаря гласному окончанію, звукъ *л* возстановляется,—мы встрѣчаемъ формы, вполнѣ одинаковыя съ русскими и церковно-славянскими, напр: ве*л*а вм. ве*д*ла, упа*л*а вм. упа*д*ла, пле*л*и вм. пле*т*ли и т. п. На основаніи этихъ фактовъ можно было-бы сдѣлать, повидимому, такой выводъ, что въ малорусскомъ языкѣ звуки

д и *т* выпадаютъ передъ *в* и *л*; но во 1-хъ, мы знаемъ происхожденіе этого *в* изъ *л*; во 2-хъ, въ другихъ случаяхъ нѣтъ нигдѣ выпаденія *д* и *т* передъ *в*, и въ 3-хъ, за то встрѣчаемъ выпаденіе ихъ передъ *л* и въ другихъ формахъ, а именно: *вйалий* вмѣсто *вйадлий*, *вйалити* вм. *вйадлити* (сравни; увядать), *розсілина* вм. *розсідлина; помело* вм. *təметло, счасливий* вм. *счастливий*, *злосливий* вм. *злостливий*. Такимъ образомъ, нужно законъ этотъ и для малорусскаго языка формулировать такъ: звуки *д* и *т* выпадаютъ передъ *л*, обязательно въ образованіи прошедшаго времени (при чемъ въ мужскомъ родѣ это *л* замѣняется *в*), а иногда и въ другихъ словахъ. Говоримъ *иногда* потому, что есть въ языкѣ цѣлый рядъ словъ, образующихся и безъ этого выпаденія, напр: па*д*ло, ме*т*ла, сві*т*ло, кіс*т*льавий.

б) Не менѣе распространенъ въ русскомъ языкѣ случай выпаденія *д* и *т* передъ *н*, преимущественно въ образованіи глаголовъ съ суффиксомъ *ну* (вянуть вм. вя*д*нуть, глянуть вм. гля*д*нуть, свиснуть вм. свистнуть, хотя въ послѣднемъ случаѣ въ правописаніи удерживается *т*, совсѣмъ неслышное въ произношеніи). Малорусскому языку законъ этого выпаденія свойственъ еще въ бо́льшей степени, такъ какъ можно насчитать гораздо больше словъ такого образованія, напр: *гльанути* (гльа*д*-іти), *вйанути* (увядать), *кинути* (ки*д*-ати), *холонути* (холо*д*), *полинути* (ле*т*іти), *розсвінути* (сві*т*ати), *свиснути* (свис*т*-іти), *горнути* (при-гор*т*-ати), *вернути* (вер*т*-ати). Но рядомъ съ этимъ есть слова: зкру*т*нути, перекру*т*нути, въ которыхъ *т* не выпадаетъ. Это-же явленіе выпадающихъ *д* и *т* передъ *н* встрѣчается и въ другихъ случаяхъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ наиболѣе распространенный и могущій представлять сомнѣніе въ правописаніи. Отчасти случай этотъ былъ разобранъ уже нами выше для объясненія закона перехода *д* и *т* въ *с* (см. стр. 50); теперь мы повторимъ его, дополнивъ нѣкоторыми частностями. Въ словахъ съ сочетаніемъ въ срединѣ *здн* и *стн* въ русскомъ языкѣ въ произношеніи *д* и *т* выпадаютъ, хотя сохраняются въ правописаніи (уѣзный—уѣз*д*ный, празникъ — праз*д*никъ, радосный—радос*т*ный, чесный—чес*т*ный). Въ малорусскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ тоже

д и *т* выпадають, и настолько определенно слышится произношеніе слова безъ нихъ, что мы, придерживаясь фонетическаго принципа письма въ случаяхъ, не представляющихъ колебанія, предлагаемъ и на письмѣ сохранить *зн* и *сн* вмѣсто *здн* и *стн*, т. е. писать: зайі*зн*ий, пра*зн*ик, пі*зно*, звіс*н*ий, раді*сн*ий, жалі*сн*ий, вмѣсто— зайіз*д*ний, праз*д*ник и т. д. Такъ-же точно и въ коевенныхъ падежахъ отъ слова *перстінь*—*т* выпадаетъ: пер*сн*ьа (пер*ст*ньа), пер*сн*ем (пер*ст*ном). Сюда-же надо отнести и тѣ слова, въ которыхъ *с* передъ *н* получилось путемъ первоначальнаго перехода передъ *т*, напр: безнапа*сн*ий вмѣсто безнапа*ст*ний отъ па*д*-ати), пропа*сн*ицьа вм. пропа*ст*ницьа (сравни: пропа*д*-ати), че*сн*ий вмѣсто че*ст*ний (корень: *чьт*, сравни поче*т*ъ, поч*т*еніе).

в) Какъ въ церковно-славянскомъ и русскомъ, такъ и въ малорусскомъ языкѣ проявляется законъ выпаденія *д* передъ *м*, хотя этотъ случай можно причислить къ спорадическимъ явленіямъ въ языкѣ, такъ какъ очень немного тѣхъ словъ, въ которыхъ онъ обнаруживается. Главнымъ образомъ, этотъ законъ сказывается въ двухъ архаическихъ глаголахъ *дати* и *йісти* (съ корнями *дад*, *йід*; первый удвоенный корень). Въ первомъ лицѣ этихъ глаголовъ видимъ формы *да-м*, *йі-м* вмѣсто *дад-м*, *йід-м*; а это *д* провѣряется, во 1-хъ, 3-имъ лицомъ да*с*-ть, йі*с*-ть, гдѣ *д* передъ *т* перешло въ *с*, а во 2-хъ, формой русской да*д*-имъ и корнемъ *йід* въ словѣ йі*д*-а (*ѣд*-а). Этотъ-же законъ обнаруживается и въ словѣ *сі-м* съ производными *сьомий*, *сімнадцьать* вмѣсто сі*д*-м (седмь), сьо*д*мий, сі*д*мнадцьать.

г) Въ только-что указанныхъ глаголахъ *дати* и *йісти* звукъ *д* выпадаетъ и передъ *с* въ образованіи 2-го лица единственнаго числа, гдѣ вмѣсто да*д*-си, йі*д*-си получается *да-си*, *йі-си* (русское *да-шь*, *ѣ-шь*).

д) Характерную особенность малорусскаго языка, сравнительно съ церковно-славянскимъ и русскимъ, составляетъ законъ выпаденія *т* въ 3-мъ лицѣ ед. числа настоящаго времени. Законъ этотъ постоянно обнаруживается въ глаголахъ 1-го спряженія, напр: *гукайе* (вмѣсто гукайе*тъ*), *несе* (вм. несе*тъ*), *пише* (вм. пише*тъ*), *кине*

(вм. кин*еть*); но въ говорахъ (правобережныхъ) такое-же выпаденіе замѣчается и въ глаголахъ 2-го спряженія, напр: *ходе* (вм. ходи*ть*), *робе* (вм. роби*ть*) и т. д., но мы предлагаемъ придерживаться болѣе правильной и распространенной формы съ окончаніемъ *ить*, о чемъ подробнѣе должна сказать этимологія.

е) Самый рѣдкій случай—выпаденіе зубного *з* въ началѣ словъ, кажется только одного — *драстуй*, *драстуйте*, *доров* вмѣсто *з*драстуй, *з*драстуйте (сокращ: *здравствуй*), *з*доров; но это не составляетъ особаго закона, а скорѣе можетъ быть причислено къ тѣмъ явленіямъ, которыя объясняются, такъ-сказать, лѣностью языка, о чемъ мы скажемъ нѣсколько ниже, и которыя не могутъ войти въ обиходъ письменной рѣчи, тѣмъ болѣе, что слово, напримѣръ, *драстуй* несомнѣнно заимствованное изъ русской литературной рѣчи.

2) *Губные звуки.*

а) Наиболѣе характерный въ русскомъ языкѣ случай выпаденія губныхъ, какъ извѣстно, относится къ тому сочетанію, когда конечный коренной губной согласный (б, п) соединяется съ *н* (преимущественно въ глаголахъ съ темой *ну*), напр: гнуть (гъ*б*-нуть, со-гъ*б*-енный, сги*б*-ать), гинуть (ги*б*-нуть, поги*б*-ать), уснуть (у-съ*п*-нуть, усо*п*-шій, засы*п*-ать); хотя явленіе это не можетъ быть названо постояннымъ въ языкѣ, такъ какъ параллельно существуютъ такія формы: ги-нуть и ги*б*-нуть, ка-нуть и ка*п*-нуть хле*б*-нуть, то*п*-нуть. Въ малорускомъ языкѣ ничего характернаго въ этомъ случаѣ нельзя отмѣтить, такъ какъ то-же явленіе, и почти въ тѣхъ-же словахъ, находимъ и здѣсь, напр: *гнути*—зги*б*-ати, *гинути* — гу*б*-ити, *заснути*—с*п*ати. Прибавимъ только, что въ рѣдкихъ примѣрахъ встрѣчаемъ такое-же выпаденіе звука *м*, что вполнѣ естественно, такъ какъ этотъ звукъ относится тоже къ губнымъ, напр: сутеніти—те*м*-ний [1]).

---

[1]) Относительно глаголовъ такихъ, какъ *кльунути—кльувати*, *плюнути* и вообще всѣхъ съ основой *у*, нужно замѣтить, что едва-ли не правильнѣе въ нихъ считать *в* вставочнымъ, о чемъ было сказано выше (см стр. 27), а слѣдовательно къ нимъ не относится этотъ законъ выпаденія губного *в*, какъ признаетъ г. Огоновскій (Studien, стр. 93). Образовались эти глаголы такъ: корень или основа на

б) Такъ-же точно ничего характернаго для малорусской рѣчи не представляетъ и тотъ случай выпаденія *в*, который замѣчается въ глаголѣ *жи-ти* вмѣсто *жив*-ти, жи-ла вм. жив-ла, такъ какъ совершенно то-же явленіе встрѣчаемъ и въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ.

в) Гораздо характернѣе случай выпаденія звука *в* въ приставкѣ *вз* (въз) = *з*. Выше было сказано (см. стр. 54), что приставка эта въ полномъ видѣ *воз* встрѣчается очень рѣдко, и при томъ въ словахъ церковнаго и литературно русскаго происхожденія; чаще-же всего она обращается въ *з* (*зі*), напр: *з*летіти на гору *вз*ойти), *з*нестисьа на небо (*воз*нестись), *з*кипіти (вскипѣть) и т. д. Объясненіе этому надо искать въ отмѣченномъ нѣсколько уже разъ фактѣ стремленія малорусскаго языка къ звучному, гласному элементу въ словахъ, вслѣдствіе чего языкъ, какъ только чувствуетъ нарушеніе требуемаго равновѣсія между гласными и согласными звуками въ данномъ словѣ, — сейчасъ-же стремится всѣми мѣрами возстановить это равновѣсіе; въ данномъ случаѣ уравновѣшиваются эти два элемента выпаденіемъ начальнаго согласнаго звука *в*. Это требованіе эвфоніи до такой степени оказывается сильнымъ въ языкѣ, что въ данномъ, напримѣръ, случаѣ языкъ рѣшается пожертвовать удобствомъ различенія смысла словъ, такъ какъ онъ смѣшалъ слова съ приставкой *с* (з) съ словами съ приставкой *вз* (з), благодаря чему получается множество *омонимовъ*, различаемыхъ по значенію только въ цѣломъ построеніи предложенія. Такъ-напр: *зйіхав згори* (съѣхалъ съ горы) и *зйіхав на гору* (взъѣхалъ на гору); *злетів з дуба* (слетѣлъ съ дуба) и *злетівъ на дуба* (взлетѣлъ на дубъ), *зкотив з горы* (скатилъ съ горы) и *зкотив на гору* (вскатилъ на гору) и пр.

3) *Гортанные звуки.*

а) На первомъ планѣ поставимъ мы и здѣсь тотъ законъ выпаденія, который оказывается общимъ для языковъ русскаго и ма-

---

у—кльу—, пльу-, су—, къ которой прибавляется прямо суффиксъ *ну*—кльну—, пльуну—, суну—; если-же къ этой основѣ прибавляется темообразовательный суффиксъ *а*, то для уничтоженія зіянія является вставка *в* (кльу-*в*-ати, пльу-*в*-ати, в-су-*в*-ати), а не разложеніе *у* на *ов*, *ев*, какъ въ русскомъ (*клев*-ать, *плев*-ать, всо*в*ывать).

лорусскаго, а именно: звуки *г* и *к* иногда выпадають передъ *ну* въ въ глаголахъ однократнаго вида. Такъ-какъ законъ этотъ ничего характернаго не даетъ для малорусской рѣчи, то мы ограничимся только указаніемъ нѣсколькихъ примѣровъ: *бризнути* (бризг-ати), *плеснути* (плеск-ати), *порснути* (порськ-ати), *пирснути* (пирськ-ати), *морснути* (морск-нути). Но законъ этотъ не постояненъ, потому что параллельно встрѣчаются и такія формы: двиг-нути, плиг-нути, пик-нути, мок-нути и пр. Кажется, можно прійти къ выводу, что *г* и *к* передъ *ну* выпадаютъ только въ томъ случаѣ, когда передъ ними стоитъ согласный звукъ; вотъ почему я глаголъ *двигнути*, который можно слышать и въ формѣ *двинути* считаю болѣе послѣдовательнымъ написать безъ опущенія *г* (но, при малогласномъ составѣ слова, *г* выпадаетъ: *двинь*, *задвинь*).

б) Въ говорахъ можно часто слышать нѣкоторыя слова, начинающіяся звукомъ *г*, съ опущеніемъ его, напр: орлицьа вмѣсто *г*орлицьа, орох вм. *г*орох, осподарь вм. *г*осподарь. Но въ виду преобладанія формы съ *г*, считаю болѣе правильнымъ удержать это *г* и на письмѣ, такъ какъ въ общемъ выпаденіе его не вызывается никакими требованіями малорусской фонетики, а скорѣе для удержанія его можно найти основаніе въ указанномъ раньше случаѣ постановки даже придыхательнаго *г* въ началѣ словъ передъ гласными (см. стр. 80).

в) Ради двухъ очень употребительныхъ словъ приходится устанавливать особый законъ выпаденія *г* передъ *д* въ словѣ *де* (изъ *где*=церк.-слав. *кде*) со всѣми производными (де-хто, де-йакий, де-куды, аби-де, ніде) и *тоді* (вм. то*г*ді) тоже съ производнымъ (тодішній). Въ соотвѣтствіи этому выпаденію *г* передъ *д*, находится выпаденіе *к* передъ *т* въ словѣ *титарь* вмѣсто *ктитарь*.

г) И еще въ одномъ случаѣ встрѣчаемъ опущеніе *г*— это въ нѣкоторыхъ сложныхъ словахъ съ *Бог*=*Біг*, напр: *дале-бі*, *про-бі*, (и *пробі*), *помагай-бі*, *спаси-бі* (и *спасибі*), *бо-зна-шчо* (вм. Бо*г* знайе шчо) Особенно характернымъ является слово *спасибі*, въ которомъ совершенно потерялось сознаніе состава слова, что видно

изъ такого выраженія, какъ *спасибі Богові*, которое по сочетанію является безсмыслицей.

4) *Плавные л, р.*

а) Въ русскомъ языкѣ замѣчается явленіе, что звукъ *л* въ прошедшемъ времени (причастная форма) мужескаго рода выпадаетъ послѣ согласныхъ *б, г, к, з, с, р* (греб-ъ, мог-ъ, пек-ъ, вез-ъ, нес-ъ, умер-ъ). Въ малорусскомъ языкѣ этотъ законъ приходится формулировать такъ: звуки *б, г, к, з, с, р* заставляютъ выпасть послѣ себя звукъ *в* въ образованіи прошедшаго времени (какъ звукъ *в* получился вмѣсто *л*, см. стр. 35), напр: *гріб, міг, пік, віз, ніс, вмер* вмѣсто—гріб*в*, міг*в*, пік*в*, віз*в*, ніс*в*, вмер*в* (греб-лъ, мог-лъ, пек-лъ, вез лъ, нес-лъ, умер-лъ). Но съ появленіемъ въ женскомъ и среднемъ родѣ, а также во множ. числѣ гласнаго окончанія, возстановляется *л*, напр: греб-ла, мог-ло, пекли и т. д.

б) Второй случай выпаденія *л* относится только къ малорусскому языку, а не къ русскому,—это выпаденіе его: во 1-хъ, въ тѣхъ словахъ, гдѣ онъ оказывается стоящимъ передъ *в* послѣ *о*, т. е. тамъ, гдѣ въ славянскомъ языкѣ получилось-бы сочетаніе *лъв*, напр: *мова* (изъ мо*л*ва = млъва), *мовити* (изъ мо*л*вити = млъвити), *зовицьа* (изъ зо*л*вицьа = злъвица); во 2-хъ, въ тѣхъ словахъ, гдѣ звукъ *л* оказывается стоящимъ вмѣстѣ съ двумя согласными, напр: *сонце* (изъ *солнце* = слънце), при чемъ и производныя отъ него тоже безъ *л* (сонечко, сонечний)[1], *срібний* (изъ срібл*н*ий; сравни: срібло), *вогкий* (изъ во*л*гкий = влъгкий; сравни: вільгость = влага). Къ этому второму случаю нужно причислить, кромѣ *л*, и звукъ *р*, который тоже выпадаетъ въ сочетаніи трехъ согласныхъ[2]), напр: *чернець* родительный падежъ: *ченцьа* (вмѣсто че*р*нцьа), дат. *ченцьу* (вм. че*р*нцьу) и т. д.; *ченчик* (вм. че*р*нчик); *гончарь* (вм. го*р*нчарь).

---

[1]) Не причисляемъ этого слова къ только-что отмѣченнымъ (съ ол=лъ) потому, что въ цѣломъ рядѣ словъ не видимъ подтвержденія этого закона при *н*, напр: по*в*ний (изъ полний—плъний), чо*в*ник (изъ чо*л*ник—члънъ) и пр.; почему мы считаемъ у г. Огоновскаго неправильно формулированнымъ этотъ законъ, что *л* выпадаетъ въ сочетаніяхъ *лг, лв, лн* (Studien, стр. 91).

[2]) Опять отмѣчаемъ неправильность у г. Огоновскаго, который говоритъ, что *р* выпадаетъ въ сочетаніи *рнч* (Studien, стр. 92). А родительный падежъ *ченцьа*; а дательный *ченцьу* и пр.?

Конечно, мы и въ мысляхъ не имѣемъ искать чего-нибудь подобнаго этой идеѣ въ законѣ перестановки звуковъ, который есть результатъ чисто фонетическихъ причинъ, результатъ стремленія даннаго языка къ той, такъ сказать, мѣркѣ благозвучія, которую мы не всегда можемъ даже уловить. Почему-то оказывается въ данномъ языкѣ удобнѣе произносить слово въ такой послѣдовательности звуковъ, а не въ другой—и вотъ мы и встрѣчаемъ эту произвольную перестановку. Мы не говоримъ уже о тѣхъ иностранныхъ словахъ, которыя, благодаря своей чуждости данному языку, искажаются,—они, конечно, не могутъ идти въ разсчетъ (какъ напр: *дікецький* вм. *кадетскій*, *трухмальний* вм. *тріумфальный* и т. п.); мы отмѣтимъ только тѣ болѣе употребительныя слова, въ которыхъ прочно установилась эта перестановка, и даже въ производныхъ отъ нихъ, и которыя иногда производены отъ своихъ же родныхъ корней: *ведмідь— медвѣдь* (ведмежий и др.), *суворий—суровый, бондарь—боднарь* (Büttner), *тверезий — трезвый, капость — пакость, намисто— монисто, шавлійа—шалфей* (*salvia*) и пр.

Оглавленіе.

Главнѣйшія опечатки.

Стр. 32	строк. 6 сн.	напечатано:	*небесному,*	дол. быть:	*небному*
„ 46	„ 3 „	„	*замѣчается, но,*	„ „	*, но замѣчается*
„ 48	„ 11 „	„	*груз-итя*	„ „	*груз-ити*
„ 66	„ 11 св.	„	*љлье, љльеш*	„ „	*љлъу, љльеш*

Складъ изданія у автора: Кіевъ, Кузнечная улица, домъ № 14.